А. П. Ефимкин

ДВАЖДЫ РЕАБИЛИТИРОВАННЫЕ

Н. Д. Кондратьев
Л. Н. Юровский

Освещаются судьбы двух крупнейших советских экономистов 20-х годов – Н.Д. Кондратьева и Л.Н. Юровского, имена которых в истории экономической мысли неразрывно связаны

ФС

А. П. Ефимкин

ДВАЖДЫ РЕАБИЛИТИРОВАННЫЕ: Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский

Москва
"Финансы и статистика"
1991

ББК 6.3
Е 91

Рецензенты: д-р экон. наук **С. М. Борисов,**
канд. экон. наук **Н. А. Макашева**

Е $\frac{0603000000-118}{010(01)-91}$ 18—91

ISBN 5-279-00494-4

Всем Ученым, чьи интеллект и любовь к России сделали 20-е годы «золотым веком» советской экономической науки. Мыслителям, научный подвиг которых, к огромному несчастью, оказался надолго предан забвению.

Оклеветанным, павшим жертвой сталинского террора, с трепетом и благоговением перед вашей светлой памятью посвящаю.

ЗАЧЕМ, ДЛЯ КОГО И КАК НАПИСАНА ЭТА КНИГА

Сегодня мы уже совершенно иначе смотрим на самих себя, на свою историю, историю нашей экономической мысли. И внезапно среди многих других откровений постигаем очень горькие, трагичные истины. Оказывается, в 20-х годах по целому ряду направлений советская экономическая мысль опережала мировую. А это значит, что у нас тогда творили ученые — экономисты, бывшие звезды мирового уровня. Мы же об этом узнали только сейчас. Как заметил современный советский экономист Э. Б. Корецкий, «...перед ныне живущим поколением во весь рост стала трудная, но почетная и благородная задача — обстоятельно изучить творческий вклад первых советских исследователей, пересмотреть многие оценки, сделанные политическими победителями научных дискуссий 20—30-х годов, утвердить трагически смещенную эпохой административного культа нравственную систему координат, вернув народу насильственно изъятые имена» [1, с. 88].

Предлагаемая вниманию читателей книга — итог почти десятилетней работы над изучением личностей, судеб и научного наследия двух крупнейших советских экономистов 20-х годов, еще совсем недавно бывших на своей родине оклеветанными, забытыми и мало кому известными.

Лишь двое из обширного списка имен, уже возвращенных нашей науке, нашей истории, — Николай Дмитриевич Кондратьев и Леонид Наумович Юров-

ский. Безусловно, каждый из безвинно репрессированных советских экономистов 20-х годов заслуживает самостоятельного рассказа. Биографии крупнейших из них — сюжеты для книг серии «Жизнь замечательных людей». Но это — задача других авторов, разрешимая лишь при наличии определенного объема публикаций. Пока даже о лидерах советской экономической науки 20-х годов — Н. Д. Кондратьеве, Л. Н. Юровском, А. В. Чаянове — их очень мало.

Как при жизни, так и после смерти Николай Дмитриевич и Леонид Наумович были тесно связаны между собой, хотя близкими друзьями их не назовешь. Внешне они были антиподами: небольшого роста, живой, темноволосый северянин Кондратьев, попыхивающий неизменной трубкой, которая все равно не могла придать ему академического вида и профессорской солидности. Высокий, под метр девяносто ростом, плотный, к сорока годам начавший заметно лысеть, внешне спокойный и уравновешенный, именно по-профессорски солидный южанин Юровский.

Их фамилии практически одновременно получили широкую известность в научном мире. Почти десять лет они работали вместе, в одних и тех же учреждениях. Примерно в одно и то же время Николай Дмитриевич и Леонид Наумович стали преподавателями, крупными учеными и умелыми администраторами. Одинаково непрост был путь обоих к признанию и активному сотрудничеству с Советской властью. Вместе они были арестованы, объявлены главарями мифической контрреволюционной «Трудовой крестьянской партии», на некоторое время стали соседями по тюремным нарам. Примерно в одно и то же время в русском языке появились жупелы «юровщины» и «кондратьевщины». Почти на шесть десятков лет их имена оказались вычеркнутыми из истории советской экономической науки, а идеи — изъятыми из ее «золотого фонда».

Оба ученых были дважды реабилитированы. Одновременно о них стало известно советскому народу как о талантливых экономистах нашей истории. Теперь уважительное упоминание их имен можно услышать даже на Съездах народных депутатов СССР.

Эта книга не является «сравнительным жизнеопи-

санием», «двумя биографиями под одной обложкой». В центре внимания — общее в судьбах обоих ученых, кто эти люди, самый плодотворный период деятельности которых пришелся на время расцвета советской экономической науки — 20-е годы. Ведь именно они превратили эти годы в ее «золотой век». Ученые с мировой известностью были оклеветаны, расстреляны как «враги народа» и надолго забыты в своей стране. Брань на вороту висела прочно. Эта книга о том, как в судьбах двух людей отразилась Эпоха.

Мы сознательно не проводили специального детализированного политэкономического анализа теоретического наследия ученых. «От рождения до наших дней и в будущее» — основная сюжетная канва книги.

Книга адресуется всем, кто хочет больше узнать о развитии советской экономической науки 20-х годов. Особо мы обращаемся к студентам, изучающим важнейшую, по нашему глубокому убеждению, науку современности — политическую экономию. К сожалению, многие (особенно в неэкономических вузах) смотрят на нее как на скучную, неинтересную и ненужную учебную дисциплину, ничего не зная о драматичной истории этой науки в нашей стране, об интереснейших личностях, их научных подвигах.

...1984 год. Во время рядовой учебной лекции по политэкономии социализма мне был задан «провокационный» (по тем временам) вопрос: «Есть ли инфляция у нас?» — «Есть». — «Почему же тогда о ней в учебнике ничего не говорится, точнее, говорится, что ее нет и быть не может?» — допытывался любознательный студент. — «Писали раньше»... — «Кто?» — «Юровский, например, Леонид Наумович, Кондратьев Николай Дмитриевич. За это в том числе их и расстреляли в 38-м...» — «Кто они»?»

И тут меня, признаюсь, как прорвало: вместо программной байки о хронической бездефицитности нашего госбюджета и росте с каждым годом покупательной способности рубля (как полагалось) все оставшееся время я экспромтом рассказывал известное мне тогда о личностях и судьбах профессоров Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского. Некоторое время в аудитории, в которой сидели вовсе не будущие экономисты, было непривычно тихо. Потом вдруг: «Своло-

чи!» — «Кого вы имеете в виду?» — опешил лектор.— «Тех, кто расстрелял таких ученых!..»

На мгновение мне стало страшно. За себя. Докажи-ка потом кому следует, что ты учишь советскую молодежь именно тому, чему надлежит в период развитого социализма, а не «поднимаешь на щит разоблаченных вредителей», не сеешь сомнения в истинности «генерального курса», не дискредитируешь самую твердую в мире валюту идеологически сомнительными россказнями о былой твердости советского червонца и явно неуместными «в свете...» параллелями между прошлым и настоящим...

Не могу утверждать, что после этого у моих студентов резко и в лучшую сторону изменилось представление о политэкономии и они все вдруг возлюбили ее больше, чем медицинские дисциплины. Но что-то в них все-таки изменилось. Не раз потом они просили рассказать о Николае Дмитриевиче и Леониде Наумовиче, о других экономистах «золотого десятилетия». Не больше, чем студенты-медики, как я мог убедиться, о них знали в то время даже университетские доценты, читавшие будущим экономистам курс истории экономических учений.

Мой друг и коллега Сергей Александрович Евстигнеев, историк, экономист, философ сказал вполне серьезно: «Ты должен написать о Кондратьеве и Юровском книгу. Возьмись за нее — придет время и все поймут, что это были за ученые. Они будут, вот увидишь, обязательно будут реабилитированы».

Спасибо тебе, Сергей Александрович, за тот совет. Но как непросто было реализовать его... Судьбы двух советских экономистов надолго вытеснили из жизни автора этих строк практически все остальное. Чем больше я их изучал, тем досаднее становилось, как же мало известно о Кондратьеве и Юровском! Пришлось надолго зарыться в библиотеки и архивы.

В книге использованы документы Центрального партийного архива (ЦПА ИМЛ), Центрального государственного архива народного хозяйства СССР (ЦГАНХ), Центрального государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР), Центрального государственного архива РСФСР (ЦГА РСФСР), Центрального государ-

ственного исторического архива Москвы (ЦГИА Москвы), Центрального государственного архива Октябрьской революции и социалистического строительства Москвы (ЦГАОР Москвы), Центрального государственного исторического архива Ленинграда (ЦГИА Ленинграда), Государственного архива Саратовской области (ГАСО), Государственного архива Нижегородской области (ГАНО), Архива Военной коллегии Верховного суда СССР.

Изучены и в той или иной форме использованы все основные известные автору публикации Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского, а также опубликованные материалы о них самих, о вузах и учреждениях, где они учились и работали. Не остались без внимания и воспоминания современников. В случае расхождения тех или иных биографических сведений, которые приводятся в современных публикациях, с фактами, почерпнутыми из архивных источников, предпочтение отдавалось последним. В ряде публикаций, появившихся в последнее время, домыслы и бросающиеся в глаза неточности присутствуют в избытке. К сожалению, они начинают уже «тиражироваться», перекочевывая из одной публикации в другую [2, с. 7—8].

Для того чтобы читатель при желании смог убедиться в достоверности приводимых в книге сведений и документов, а также самостоятельно прикоснуться к богатейшему миру указанных источников, последние оформлены в виде справочного аппарата.

Пользуясь случаем, автор приносит искреннюю признательность сотрудникам указанных архивов за неоценимую помощь в работе над книгой, а также библиотекарям Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Государственной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Нижегородской областной научной библиотеки им. В. И. Ленина.

Вряд ли эта книга смогла бы быть написана без содействия ученых — москвича Ю. М. Голанда и ленинградца В. М. Зверева, председателя общественного совета Вичугского краеведческого музея С. В. Горбунова, суздальского журналиста Ю. В. Белова. Первым прочитал в рукописи книгу и дал свои ценные замечания мой земляк историк В. В. Пестриков.

Особенная благодарность — москвичам Елене Ни-

колаевне Кондратьевой и Владимиру Евгеньевичу Юровскому. Они любезно предоставили автору возможность ознакомиться с рядом документов бережно сохраненных ими архивов, поделились воспоминаниями, помогли установить и уточнить биографические детали, без которых рассказ о двух выдающихся ученых оказался бы менее полным.

Автор будет глубоко признателен каждому, кто найдет возможность высказать свои суждения, замечания о прочитанной книге, в которой нет вымысла. Он отнюдь не считает, что им сделано все или почти все в исследовании тесно взаимосвязанных судеб Кондратьева и Юровского. Это лишь начало, в которое ему удалось вместе с другими исследователями внести и свою скромную лепту — дань уважения и памяти.

Но если современный читатель получит представление о Н. Д. Кондратьеве и Л. Н. Юровском как о людях, личностях, ученых, все время находившихся в творческом поиске, познавших хулу и хвалу, успехи открытий и горечь разочарований, если изучающий политэкономию студент хоть немного изменит свое представление об этой науке в лучшую сторону, а читающий курс истории экономической мысли вузовский преподаватель найдет что-нибудь полезное для своей работы в этой книге, то ее автор будет иметь все основания считать поставленную задачу выполненной, а годы исследований прожитыми не напрасно. Возвращение и обращение к нашей исторической памяти сегодня просто необходимы. Ведь мы не случайно так много говорим о «воспитании историей...».

1. Корецкий Э. Н. Д. Кондратьев и плановая наука//Социалистический труд. — 1989. — № 7.

2. Наиболее сконцентрированы неточности, домыслы и ошибки в маленькой статье о Н. Д. Кондратьеве В. Потапова «Возвращение. Штрихи к портрету»// Юный техник. — 1989. — № 11.

ПУТИ В ЭКОНОМИЧЕСКУЮ НАУКУ

Осень 1884 г. Южные ворота России — славный город Одесса. В ее порту грузились тогда российским хлебом пароходы под флагами заморских государств.

«В Одессе люди живы были прежде всего хлебом. Они покупали хлеб, затем они продавали его, затем они снова покупали его и жили безбедно, а в счастливые годы жили даже совсем хорошо. Но всегда казалось, что Одесса без хлеба — нечто столь же трудно мыслимое, как Лодзь без хлопка и шерсти или Баку без нефти» [1]. Так через 31 год после своего появления на свет божий напишет старший из героев этого повествования.

24 октября 1884 г. у 45-летнего потомственного почетного гражданина Одессы купца первой гильдии Наума Яковлевича Юровского родился сын, через 5 дней нареченный раввином одесской синагоги именем Леон [2, оп. 1, д. 2456, л. 4 об.].

Отец Леона был известным тогда в Одессе человеком. Выходец из семьи небогатых торговцев Кременчуга, он рано — шестнадцати лет — женился на дочери екатеринославского богача Бориса Штейна Софье, бывшей намного старше его. Прожив с ней в Екатеринославе четверть века и имея от нее двоих взрослых сыновей и трех дочек, Н. Я. Юровский разводится с женой. К тому времени он уже основательно разбогател на комиссионных операциях, посредничая между малороссийскими помещиками и иностранными покупателями хлеба, и вскоре перебрался в благословенный город Одессу.

Как и многие другие российские негоцианты того времени, Н. Я. Юровский не имел какого-либо систематического образования, но, обладая от природы сметливым умом и крепкой хваткой, сколотил себе капитал и стал приумножать его. В Одессе дела Н. Я. Юровского шли в гору. Купец приобретал здесь доходные дома в различных частях города. Кроме них, отцу Леона принадлежали здание Русского театра на Греческой улице и построенная им гостиница «Бристоль» (после революции переименована в «Красную»).

Второй женой купца первой гильдии стала 28-летняя Берта Моисеевна Мендрахович из семьи галицийских евреев. Для нее это тоже был второй брак. Выйдя в 1880 г. замуж за Н. Я. Юровского, она за 15 лет родила ему еще шестерых детей.

Своим детям Н. Я. Юровский дал хорошее образование. Самым известным из них со временем станет Леон. Мальчуган рос сообразительным, у него рано обнаружилась тяга к книгочейству. Начальное

Л. Юровский гимназист

образование Леон получил дома. 21 августа 1895 г., сдав экзамен, он был зачислен во второй класс Одесской второй классической гимназии [2, оп. 1, д. 2456, л. 7]. Ее директор статский советник К. А. Пятницкий вряд ли мог знать о блестящем будущем своего нового ученика.

Одесская вторая классическая гимназия за долгие годы существования дала России немало достойных людей: хирург Н. В. Склифосовский, ректор Новороссийского (Одесского) университета Ф. Шведов, художник Л. О. Пастернак, академик О. Ю. Шмидт, будущие университетские профессора, адвокаты, банкиры, промышленники, негоцианты.

11 июня 1902 г. гимназист 8-го класса Леон Юровский сдает последний из 7 экзаменов, как и все остальные, на «отлично». В его аттестате зрелости лишь одна четверка — по географии. Особо отмечены успехи в древних языках и математике.

В руках юноши золотая медаль — по тем временам событие отнюдь неординарное. Перед Леоном Юровским открывались заманчивые перспективы. 22 июня абзольвент Одесской второй классической гимназии пишет и относит на почту адресованное директору С.-Петербургского Политехнического института прошение: «Желая продолжать образование, честь имею покорнейше просить Ваше Превосходительство принять меня в число студентов первого курса вверенного Вам Политехнического института по Электромеханическому отделу» [2, оп. 1, д. 2456, л. 4].

5 июля 1902 г. в Софиевском кафедральном соборе Киева Леон Юровский крестился, после чего он был наречен новым, христианским именем — Леонид [2, оп. 23, д. 337, л. 4].

За молодого одессита перед столичным начальством письменно хлопотал старшина одесского купеческого сословия известный в России богач А. Анатра, отмечавший исключительные способности и похвальные стремления Леонида Юровского [2, оп. 1, д. 2456, л. 9]. Но это была уже как бы «подстраховка»: Леонид Юровский успешно выдержал серьезный конкурс аттестатов, по которому производилось зачисление в студенты С.-Петербургского Политехнического института. В конце августа он уже получил извещение о зачислении. Для отдыха и переезда

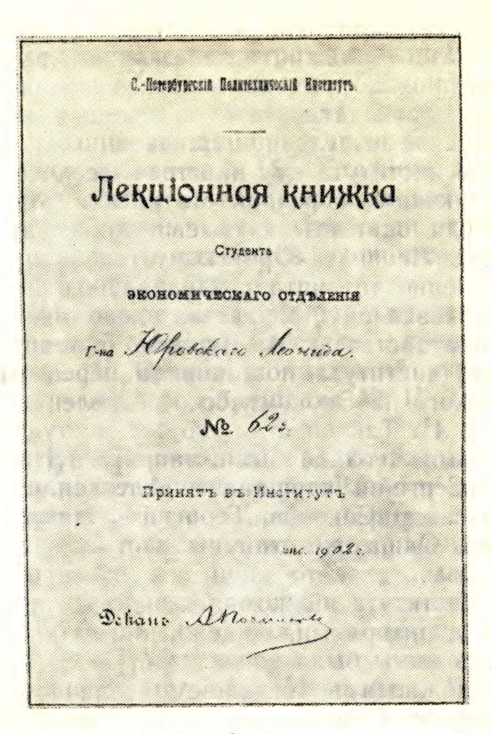
в столицу оставался месяц — занятия в институте начинались в октябре.

2 октября 1902 г. состоялась церемония торжественного открытия нового высшего учебного заведения России — С.-Петербургского Политехнического института. Его директор князь А. Г. Гагарин произнес тогда речь, которой внимали первые в истории института счастливые первокурсники. Среди 58 студентов электротехнического отделения находился и Леонид Юровский.

Очень многое сумел в той речи предвидеть директор института, когда говорил собравшимся: «Наша школа дает вам прочно применимые знания. Через четыре года вы будете ценные носители во многом нового света. Вот редкие, благоприятные условия, в которые вы попали. Будьте же на высоте их. Постоянно держите себя с достоинством и постарайтесь внушать к себе уважение и доверие. Главное работайте, работайте на совесть, не покладая рук, и возможно прочно и глубоко усваивайте избранные вами специальности».

С.-Петербургский Политехнический институт был основан по инициативе министра финансов С. Ю. Витте, «отца» денежной реформы 1895—1897 гг., в ходе которой в России был введен золотомонетный стандарт. Выражая интересы набирающей все большую силу российской буржуазии, С. Ю. Витте отлично понимал потребность страны в подготовке квалифицированных кадров специалистов, в первую очередь широкообразованных экономистов. В Записке «Об учреждении Политехнического института в С.-Петербурге», поданной им на «высочайшее имя», министр финансов отмечал: «Отсутствие людей с таким широким экономическим образованием долго будет еще парализовать работы правительства к поднятию у нас торговли и промышленности на должную высоту и к проведению в жизнь различных мероприятий в области государственного хозяйства, если не будут приняты ныне же энергичные меры к созданию у нас школы, дающей высшее специальное экономическое образование» [3, с. 25—26].

Самым крупным в институте отделением (факультетом) было Экономическое. Здесь обучение будущих российских экономистов с самого начала было по-

С.-Петербургскій Политехническій Институтъ.

Лекціонная книжка

Студента

экономическаго отдѣленія

г-на Юровскаго Леонида.

№ 62.

Принятъ въ Институтъ

1902 г.

Деканъ

ставлено очень солидно. Задолго до открытия института специально подобранных преподавателей откомандировали за границу, чтобы там они изучили опыт лучших западноевропейских университетов. Из этого опыта С.-Петербургский Политехнический институт взял на вооружение самое ценное, став высшим учебным заведением нового типа. Этому способствовали демократический дух обучения, индивидуально подобранные С. Ю. Витте кадры преподавателей. Будучи министром финансов, С. Ю. Витте не жалел средств на строительство и развитие своего детища, внесшего заметный вклад в русскую, советскую и мировую науку и технику. Уже вскоре столичный Политехнический институт стал одним из лучших вузов России, а его Экономическое отделение превратилось в своего рода «Экономический лицей». Сам С. Ю. Витте в «Воспоминаниях» писал о нем как о «великолепном учреждении» [4].

Не проучившись месяца, студент Леонид Юров-

ский начинает понимать, что ошибся в выборе отделения: гораздо больший интерес у него вызывала не электромеханика, а экономические дисциплины. Поэтому юноша ходатайствует о своем переводе на Экономическое отделение. Неизвестно, пошло бы Правление института ему навстречу, если бы не участие заведующего кафедрой статистики А. А. Чупрова. Подойдя однажды к сидевшему в институтской библиотеке Леониду Юровскому, он поинтересовался, что именно тот читает. Поднявшись из-за стола, студент показал ему трактат на экономическую тему. После ходатайства А. А. Чупрова 5 ноября 1902 г. Правление института постановило перевести Леонида Юровского на Экономическое отделение [2, оп. 1, д. 2456, л. 4]. Так он стал его 131-м студентом. Однокашниками Леонида были, например, Николай Деревенко, Сергей Лотошников, Александр Неопиханов, Александр Соколов, Георгий Федяевский, Петр Яргомский. Они тоже станут известными в России и СССР людьми.

Весь институтский комплекс с его просторными светлыми аудиториями, общежитием, в котором обязательно должны были жить все студенты-политехники, расположился в тогдашнем столичном пригороде — Сосновке. Правда, ее жители, как и остальные петербуржцы, называли его иначе — Лесное. Студент Леонид Юровский поселился в комнате общежития № 495...

«Житье в Лесном не сладкое.
Не сладкое житье.
Тоска, да флирт с кухаркою,
Да хмельное питье», — гласил богатый и остроумный студенческий фольклор политехников, не забытый ими даже более чем через полвека. Но тот, кто желал грызть гранит науки, имел для этого все необходимые условия. Профессура Экономического отделения подобралась очень сильная. Кафедру политической экономии возглавлял декан Экономического отделения бывший земляк Леонида Юровского либеральный по своим взглядам профессор А. С. Посников. «На кафедре перед нами стоял не пожилой мститель, излагающий давно и окончательно продуманную систему, — вспоминал впоследствии об одном из своих учителей Л. Н. Юровский, — а человек, сам

напряженно добивавшийся новой истины, и притом искавший ее, опираясь на огромный запас ранее накопленного знания и опыта. Это было стечение обстоятельств для нас поразительно счастливое. «Уроки» А. С. Посникова приобретали, я бы сказал, научно-этическое значение...» [5]. Ставший для Леонида Юровского одним из главных учителей в институте А. С. Постников настойчиво требовал от своих студентов штудировать классиков экономической мысли «из первых рук» [6, с. 244].

Заметное влияние на формирование взглядов молодого одессита оказали блестяще преподававший статистику А. А. Чупров, и читавший курсы политэкономии и денежного обращения М. И. Туган-Барановский.

Первая русская революция не оставила в стороне и студентов-политехников. Среди них появились социал-демократы, эсеры, кадеты. Официально никогда ни в одну из политических партий не вступавший Леонид Юровский, в отличие от некоторых своих однокашников, активного участия в студенческих сходках и митингах не принимал. Он больше слушал других ораторов, среди которых ему запомнился студент университета Николай Крыленко. Тот говорил громко, энергично, привлекая внимание слушателей своими молодостью и решительностью. Им еще придется встретиться в жизни не один раз.

Однокурсник Леонида с Кораблестроительного отделения Евгений Замятин, будущий писатель, в своей «Автобиографии» так описывал то бурное время: «Петербург начала 900-х годов — Петербург Комиссаржевской, Леонида Андреева, Витте, Плеве, рысаков в синих сетках, дребезжащих конок с империалами, студентов мундирно-шпажных и студентов в синих косоворотках...

В зимнее белое воскресенье на Невском — черно от медленных, чего-то выжидающих толп. Дирижирует Невским — Думская каланча, с дирижера все не спускают глаз. И когда подан знак — один удар, час дня — на проспекте во все стороны черные человеческие брызги, куски «Марсельезы», красных знамен, казаки, дворники, городовые... И чем ближе к 905-му — кипенье все лихорадочней, сходки все шумнее... Парламент в государстве: маленькие государст-

ва в государстве — высшие учебные заведения, и в них свои парламенты; Советы старост. Борьба партий, предвыборная агитация, афиши, памфлеты, речи, урны... Это было веселое и хорошее время» [7, с. 17—18].

Но вскоре оно закончилось. 9 января 1905 г. — «кровавое воскресенье». Среди пострадавших тогда на Дворцовой площади оказались и студенты Политехнического института. Один из них — второкурсник Экономического отделения Николай Савинкин — был убит. Его похороны вылились в настоящую манифестацию. В рядах похоронной процессии, двинувшейся за гробом по Большой Спасской к Охтенскому кладбищу, шла вся институтская профессура во главе с князем А. Г. Гагариным [8, с. 15—16]. Шли студенты-политехники, к которым присоединялись студенты университета и других столичных институтов.

Уже на следующий за «кровавым воскресеньем» день Совет Политехнического института единогласно принял постановление, в котором говорилось: «Потрясенный и возмущенный событиями 9-го января, показавшими, что в России не обеспечена даже самая жизнь мирных граждан, Совет выражает свое глубокое негодование по поводу массового расстреливания, жертвой которого сделался и питомец института» [8, с. 11]. К этому постановлению присоединилось большинство институтских преподавателей. Занятия в институте прекратились.

Леонид Юровский уезжает из столицы в Воронеж к своему другу Георгию Федяевскому. Вернувшись в конце февраля в Петербург, он принимает решение ехать для слушания лекций в Берлинский университет. Скорее всего, так ему тогда посоветовал А. А. Чупров, девятью годами ранее целый семестр учившийся в том же университете. 1 марта Л. Н. Юровский просит выдать ему билет для выезда за границу сроком по 1 сентября 1905 г. 29 апреля князь А. Г. Гагарин подписывает удостоверение Л. Н. Юровскому для представления в Берлинский университет. В этом документе говорилось, что со стороны института препятствий к поступлению студента III курса Экономического отделения С.-Петербургского Политехнического института Леонида Юровского в Берлинский университет не имеется и

1911 г. Л. Н. Юровский корреспондент «Русских ведомостей»

что «за все время пребывания в институте он ни в чем предосудительном не замечен» [2, оп. 1, д. 2456, л. 38—41].

Не теряя времени, Леонид Юровский спешит в Берлин. Благо, немецким языком он отлично владел с детства.

К тому времени дела его отца серьезно пошатнулись: после расширения торговых портов в Николаеве и Херсоне деловая активность в Одессе и значение города как хлебных ворот России начали падать. Оказалось, что теперь вывозить малороссийский хлеб за границу по Днестру до Херсона или по Бугу до Николаева стало выгоднее, чем через Одессу. Доход-

ные дома Н. Я. Юровский вынужден был продать. В 1903 г. он поселился в квартире дома № 50 по Греческой улице. В этот дом теперь и приезжал Леонид во время очередных вакаций.

Вернувшись из Берлина в Санкт-Петербург, Леонид Юровский возобновляет учебу в Политехническом институте. Между тем дела отца продолжали ухудшаться; 9 февраля 1907 г. в результате банкротства он застрелился. В феврале 1907 г. Леонид Юровский срочно выезжает в Одессу, откуда 15 февраля пишет в институт: «Смерть отца заставляет меня ходатайствовать перед отделением о продлении моего отпуска до 15 марта ввиду того, что мне необходимо заняться приведением в порядок дел отца и позаботиться о семье» [2, оп. 9, д. 11, л. 19]. Он теперь остается за старшего мужчину. Ему было всего 22 года.

Осенью 1907 г. Леонид Юровский сдает необходимые экзамены — курс учебы в Политехническом успешно окончен. По существовавшим тогда правилам выпускники российских высших учебных заведений, имевшие средний балл не ниже $4^1/_2$, получали право претендовать на звание кандидата соответствующих наук. 21 мая 1908 г. Совет Экономического отделения института, рассмотрев представленную Леонидом Юровским работу «Русский хлебный рынок. Опыт статистического исследования», признал ее «вполне удовлетворительной» и удостоил молодого ученого звания кандидата экономических наук. Это давало ему при вступлении на государственную службу право на производство сразу в чин X класса. 31 мая того же года Совет института утвердил Юровского стипендиатом Экономического отделения при кафедре экономической географии сроком на 2 года. В августе он уезжает за границу для продолжения научной работы [2, оп. 23, д. 337, л. 1, оп. 25, д. 1391, л. 1; 9].

В том же году в столицу приезжает второй из героев повествования — младший по возрасту; его путь в экономическую науку оказался более трудным.

4 марта (17 марта по новому стилю) 1892 г. в крае русского льна — Костромской губернии, у крестьян деревни Галуевской Тезинской волости Кинешемского уезда Дмитрия Гавриловича и его жены

Любови Ивановны Кондратьевых родился первенец Николай [10, оп. 1, д. 58957, л. 20].

Его отец, крестьянствуя, одновременно около 30 лет проработал гравером на фабрике Разореновых. Семья Кондратьевых была многодетной и небогатой. Сызмальства их старший сын познал тяжесть крестьянского труда, во всем помогая отцу по хозяйству. Восьми лет он был отдан в церковно-приходскую школу, в которой проучился до 1903 г. Затем Николай поступает в Хре́новскую образцовую двухклассную церковно-приходскую школу [10, оп. 3, д. 14599, л. 6]. В 1906 г. он уже учащийся Хре́новской церковно-учительской семинарии (школы), где готовились учителя для церковно-приходских и земских школ Костромской, Владимирской и Ярославской губерний. И стать бы Николаю Кондратьеву таким учителем, не окунись он уже в первый год пребывания в семинарии в политику: тогда в ней было велико влияние социалистов-революционеров. Николай сразу примыкает к политическому кружку семинаристов, выполняет рискованные поручения своих более взрослых товарищей. «За чтение недозволенных книг и самовольную отлучку» ему снижается балл по поведению.

В том же году Николай Кондратьев вступает в

Н. Д. Кондратьев с женой среди родственников

Хре́новскую организацию партии социалистов-революционеров. Он руководит кружками рабочих и крестьян Кинешемского уезда, в 1906 г. избирается членом Кинешемского уездного комитета партии эсеров, входит в забастовочный комитет текстильщиков. Дважды за эти годы Николай Кондратьев подвергался в Кинешме арестам, проведя в тюрьме в общей сложности 7 месяцев.

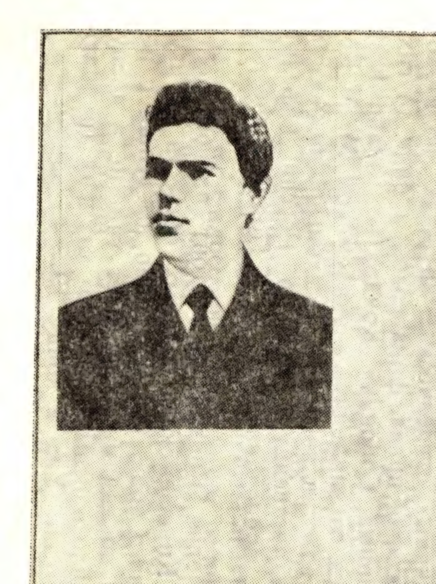
Духовное начальство прознало о крамоле среди хреновских семинаристов. В семинарию посылается новый законоучитель — специалист по искоренению крамольных настроений. Одни семинаристы были арестованы, другие изгнаны за неблагонадежность.

Желая одновременно и укрыться от бдительного ока местной полиции, и продолжить образование, Николай Кондратьев в 1907 г. уезжает подальше от родных мест — в г. Умань Киевской губернии. Здесь он нанимается в «мальчики» сначала к сапожнику, затем — к садовнику. После некоторых усилий Николаю удается поступить в Уманское среднее училище садоводства и земледелия. Опять юный эсер руководит кружком учащихся, редактирует нелегальный журнал. Снова начальство начинает подозревать Николая Кондратьева в неблагонадежности. Не проучившись года, он бросает училище и уезжает из Умани в столицу.

Первое время жизни в Петербурге Николай Кондратьев голодал, средств к существованию не было. Пришлось зарабатывать на кусок хлеба частными уроками и перепиской бумаг и прошений. Вечерами упорный юноша учился на общеобразовательных курсах известного русского просветителя А. С. Черняева, готовясь к сдаче экстерном экзаменов на аттестат зрелости [11, д. 4161, л. 7—9; 12, с. 2—3; 13].

Успешно сдав экзамены, Н. Кондратьев подает прошение о зачислении его в действительные студенты юридического факультета С.-Петербургского университета [10, оп. 1, д. 58957, л. 2, 3].

Трудно с полной уверенностью утверждать, что именно повлияло на его выбор. Но можно с некоторым основанием предположить, что здесь не обошлось без влияния его друга Питирима Сорокина, бывшего тремя годами старше Николая. Вместе они учились в Хре́новской церковно-учительской семина-

БИЛЕТЪ Ю

для входа

въ ИМПЕРАТОРСКІЙ С. Петербургскій Университетъ

студента Кондратьева Николая Дмитріевича

на 1912—13 уч. годъ.

За Дѣлопроизводителя

Примѣчанія:

Обязательно предъявлять при входѣ въ зданіе Университета.

Въ случаѣ утери входного билета, новый можетъ быть выданъ лишь по представленіи офиціальнаго удостовѣренія.

рии, отсюда их обоих выгнали, затем (с некоторым интервалом во времени) они учились на вечерних общеобразовательных курсах А. С. Черняева.

В 1910 г. Питирим Сорокин, тоже член партии эсеров, стал студентом юридического факультета С.-Петербургского университета. 2 сентября 1911 г. им станет и Николай Кондратьев, правда, он выберет другое отделение — экономическое. Как «недостаточного», его освободили от платы за обучение, но средства к существованию студенту пришлось добывать своим трудом. Любознательному и целеустремленному крестьянскому сыну довелось учиться у блестящих педагогов, бывших или ставших впоследствии крупными учеными. Среди них академик А. С. Лаппо-Данилевский, профессора И. И. Кауфман, П. П. Мигулин, И. И. Чистяков, Л. И. Петражицкий, приват-доценты С. И. Солнцев, В. В. Святловский, М. В. Птуха, А. И. Буковецкий, М. И. Туган-Барановский.

Особенно солидно на экономическом отделении юридического факультета было поставлено преподавание политэкономии, статистики, финансовых дисциплин. Студент Николай Кондратьев сумел взять у своих учителей по Alma Mater многое. С первого курса он приобщается к самостоятельной научной работе в различных студенческих кружках: политэкономии, философии права, финансовом и ряде других. Через Питирима Сорокина Кондратьев знакомится и сближается со знаменитым академиком М. М. Ковалевским, возглавлявшим в Психоневрологическом институте единственную тогда в России кафедру социологии, преподававшим и в Политехническом институте.

Одновременно Кондратьев состоит членом Костромского и Кинешемского научных обществ по изучению местного края. Он регулярно выступает с рефератами и докладами, принимает участие в диспутах. Становилось ясным, что этот студент трудолюбив и талантлив. Уже в концу 1913 г., занимаясь в финансовом кружке А. И. Буковецкого, Кондратьев заканчивает свое первое крупное самостоятельное научное исследование. Из первоначального небольшого студенческого реферата оно вылилось в солидную по объему монографию «Развитие хозяйства Кине-

шемского земства Костромской губернии (социально-экономический и финансовый очерк)». Через два года книга была напечатана в Кинешме тиражом 600 экземпляров. В предисловии к ней молодой ученый заявит о своем методе исследования так: «Являясь сторонником научных обобщений и стремлений вскрыть закономерность социальных явлений и в этом смысле не удовлетворяясь результатом работ исторической школы в области экономических наук, мы, однако, полагаем, что обобщения и законы могут быть постепенно построены и открыты лишь на пути изучения самой социальной действительности, на пути, следовательно, собирания, классификации и обработки конкретного материала при помощи индукции, обратной дедукции и т. п. приемов» [14, с. 175, 188; 10, оп. 3, д. 14599, л. 6 об., 7]. Этому научному кредо — идти в исследовании не от догм, а от фактов действительности — Н. Д. Кондратьев не изменит никогда.

Его первая книга была замечена: в столичных журналах появились благожелательные рецензии. В этих, а также в некоторых других журналах с 1912 г. публиковал свои рефераты и рецензии и сам Н. Д. Кондратьев. Средств к существованию у студента не было — приходилось пользоваться любой возможностью хоть чуть-чуть подзаработать литературным трудом. Он пишет на самые различные темы — по экономике, философии, социологии, об обычаях и нравах раскольников. Много занимается самообразованием, продолжая, как и прежде, приобщаться к ценностям мировой культуры. Штудирует историю и классиков художественной литературы, изучает труды философов, социологов, основные западноевропейские языки. На последнем курсе он представляет своему научному руководителю профессору И. И. Чистякову большую письменную работу о главе физиократов Ф. Кенэ. Выступает с докладами «О вознаграждении рабочих за увечье», «Война и мировое хозяйство». Именно по ходатайству И. И. Чистякова на последнем курсе Н. Д. Кондратьев получает крупную по тем временам (615 руб. в год) стипендию юридического факультета имени Бенедиктова [14, с. 175, 188; 10, оп. 3; д. 14599, л. 6 об., 7], что

помогло ему сосредоточиться на научной работе и подготовке к выпускным экзаменам.

Но даже в это трудное время Кондратьев не порывает с активной политикой: руководит кружками столичных рабочих, студентов, бестужевских курсисток, земляков, участвует в студенческих волнениях 1911—1914 гг., находится в числе руководителей стачек рабочих Выборгского района. В 1913 г., когда дом Романовых праздновал свое 300-летие, арестованный Н. Д. Кондратьев месяц просидел в одной из столичных тюрем [11, д. 4161, л. 8, 9].

«Студенческая жизнь в столице не оторвала его от деревни, — отмечалось в краткой биографической справке о Н. Д. Кондратьеве, опубликованной в декабре 1917 г. — Каждое лето он едет в деревню и работает там наряду со своими отцом и братьями, все свободное время усиленно посвящая своему самообразованию. Можно сказать, что он не знал ни юности, ни юных увлечений — все было убито в упорный труд и общественную деятельность. И также, не преувеличивая, можно сказать, что за все годы реакции, начиная с 909—10 гг. по настоящее время для Кинешемского уезда он является единственной светлой точкой, вокруг которой группировалось все прогрессивное из крестьянства, рабочих и трудовой интеллигенции. Да и не только в Кинешемском уезде. Его знают также и Нерехтский, Юрьевецкий и другие уезды, знают главным образом по его содержательным лекциям» [15].

С каждым его приездом в деревню к нему настоящее паломничество. Идут крестьяне со своими нуждами, и главным образом за юридической помощью, рабочие со своей жаждой просвещения и трудовая интеллигенция, часто беспомощная в своем неумении сделать первый шаг по пути служения интересам народа. Ко всем одинаково внимательный, всем интересующийся Кондратьев энергично организует, направляет, расставляет... Он принимает деятельное участие во всех тайных рабочих собраниях и массовках, в забастовочном движении, широкой волною разлившимся в 1914 г. — Жандармерия на него обращает свое благосклонное внимание. Начинается усиленная слежка, результатом которой является «об-

ширное дело», найденное после революции в архивах Петроградской охранки [16, с. 3].

Еще не окончив университетского курса, Н. Д. Кондратьев начинает выполнять поручения экономического отдела Всероссийского Земского союза помощи больным и раненым воинам по сводке касающихся продовольственного положения России материалов. Он составляет также напечатанный летом 1915 г. первый полугодовой отчет о деятельности «Общества русских врачей в память Н. И. Пирогова» [10, оп. 3, д. 14599, л. 3; 14, с. 174].

Николай Кондратьев спешит быстрее окончить университет и сдать необходимые экзамены — согласно существовавшим «Правилам о назначении студентам Императорского Санкт-Петербургского университета стипендий и пособий и об освобождении их от платы», никто из студентов не мог быть освобожден от платы за ученье более чем в течение 4 лет.

К марту 1915 г. полный университетский курс успешно прослушан. Осенью он предстает перед государственной испытательной комиссией, блестяще сдав установленные экзамены. Наградой ему — университетский диплом первой степени. 9 ноября 1915 г. юридический факультет постановил ходатайствовать об оставлении с сего числа молодого ученого при университете «для приготовления к профессорскому званию по кафедре политической экономии и статистики». С 1 января следуюшего года Николай Кондратьев начал получать сторублевую месячную стипендию из сумм Министерства народного просвещения, назначенную ему ровно на год [14, с. 56; 10, оп. 3, д. 14599, л. 4]. Так он стал, как тогда говорили, «профессорским стипендиатом».

Неизвестно, был ли в студенческие годы Николай Кондратьев знаком с Леонидом Юровским, но с его младшим братом Михаилом он три года (1911—1913) учился на одном факультете [11, д. 10182, л. 4], правда, на разных курсах. Среди однокашников Николая Кондратьева по юридическому факультету было немало людей, ставших впоследствии известными: М. М. Зощенко, Я. Я. Анвельт, С. И. Кавтарадзе, Л. Н. Карахан, В. Э. Кингисепп, А. С. Круссер, Г. С. Верейский, Б. Л. Жилинский, Г. Л. Пятаков, М. М. Лозинский, С. М. Михоэлс, А. Г. Тер-Гевон-

дян, Ю. А. Шапорин. Два года довелось ему учиться вместе с Н. В. Крыленко. Еще не раз судьба сведет их вместе. Но лучше бы тех встреч вовсе никогда не было. Николай Кондратьев начинает штудировать необходимую для сдачи магистерских экзаменов научную литературу. Одновременно он возглавляет Статистико-экономический отдел Петроградского отделения Всероссийского Земского союза помощи больным и раненым воинам, читает лекции на агрономических и кооперативных курсах.

23 марта 1916 г. умирает один из учителей Николая Кондратьева академик М. М. Ковалевский — историк, юрист, экономист, этнограф, «отец русской социологии». Его личные секретари — Н. Д. Кондратьев и П. А. Сорокин — начали приводить в порядок оставшиеся после покойного бумаги. Для обоих это была тяжелая потеря. «Ковалевский стоял перед нами живым и необычайно ярким примером свободного мыслителя и глубоко гуманного человека, — писал в некрологе Николай Кондратьев. — Вместе с тем в минуты общественной тоски, скуки, однообразия М. М. [Ковалевский] бросал на фон жизни светлые краски душевной радости, влечения к действию, свободному исследованию. В научных поисках молодых умов он поддерживал их, ободрял. В разгар политической борьбы он нередко указывал путь» [17, с. 188].

После похорон М. М. Ковалевского, ставших заметным событием в жизни русской либеральной интеллигенции, шестеро его учеников (в их числе Н. Д. Кондратьев и П. А. Сорокин) создали учредительный комитет Социологического общества. После длительных переговоров и большой подготовительной работы 13 ноября 1916 г. в здании Курсов П. Ф. Лесгафта на Английском проспекте учредительским собранием принимается устав первого в России Социологического общества имени М. М. Ковалевского. Председателем общества избирается академик А. С. Лаппо-Данилевский [18, с. 60—61]. Он тоже оказал на молодого Николая Кондратьева определенное влияние.

Из-за близорукости Николай Дмитриевич был освобожден от воинской повинности «вчистую». Но мировая война оставила в судьбе молодого «профес-

сорского стипендиата» свой след — он начал пытливо исследовать вызванные войной крупные изменения в экономической жизни России и других воюющих государств. До лета 1917 г. Николай Кондратьев должен был приступить к сдаче магистерских экзаменов. Однако сделать это ему доведется не скоро...

1. Юровский Л. В Одессе//Русские ведомости. — 1915. — 7 марта.

2. ЦГИА г. Ленинграда. — Ф. 478.

3. Труды Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина. — № 1. — Материалы по истории института. — Л., 1948.

4. Витте С. Ю. Воспоминания. — Т. 2. — М.: Изд-во соц.-экономическ. лит-ры, 1960. — С. 256.

5. Юровский Л. В аудитории Политехнического института//Русские ведомости. — 1915. — 13 дек.

6. Струмилин С. Г. Из пережитого 1897—1917 гг. — М.: Гос. полит. изд-во, 1957.

7. В мире книг. — 1988. — № 9.

8. Труды Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина. — № 190. — Материалы по истории института.— Л., 1957.

9. ЦГИА г. Москвы. — Ф. 417. — Оп. 4. — Д. 311.— Л. 19.

10. ЦГИА г. Ленинграда. — Ф. 14.

11. ЦГАНХ СССР. — Ф. 7733. — Оп. 18.

12. Известия Костромского губернского земства.— 1917. — № 36.

13. Заря коммунизма (г. Вичуга). — 1989. — 4 авг.

14. Отчет о состоянии деятельности Императорского Петроградского университета за 1915 год/Сост. Д. С. Рождественский — Пг.: Типограф. Б. Н. Вольфа, 1916.

15. Так, 2 августа 1915 г. «Кинешемский вестник» объявил, что в 6 часов вечера в городском театре имени А. Н. Островского лекцию «Мировая война в ее основные причины» прочитает Н. Д. Кондратьев.

16. Известия Костромского губернского земства.— 1917. — № 36.

17. Кондратьев Н. М. М. Ковалевский как учитель//Вестник Европы. — 1916. — Кн. 5.

18. Клущин В. П. Первые ученые-марксисты Петрограда. — Л.: Лениздат, 1971.

ОТ ЖУРНАЛИСТА ДО ПРАПОРЩИКА АРТИЛЛЕРИИ

В промежутке между окончанием курса в Политехническом и получением звания кандидата экономических наук Л. Н. Юровский живет в Москве, где начинает работать в редакции газеты «Русские ведомости». Здесь, в доме по Большому Чернышевскому переулку жизнь сводит его со многими передовыми людьми России того времени — В. И. Вернадским, В. Г. Короленко, В. О. Ключевским, М. М. Ковалевским, Б. Н. Чичериным и др.

«Русские ведомости» с самого рождения своего были идейной газетой, а не случайным коммерческим или рекламным предприятием. Они являлись противовесом казенным правительственным «Московским ведомостям», — так характеризовал газету ее бывший репортер В. А. Гиляровский [1, с. 9—11].

Власти неоднократно штрафовали «Русские ведомости» за публикацию острых и не угодных правительству материалов. Но издательское товарищество из 12 пайщиков упорно продолжало отстаивать позиции газеты как органа российской либеральной интеллигенции.

В разное время газету редактировали А. С. Посников, А. И. Чупров, Г. Б. Иоллос. Последний доводился Л. И. Юровскому двоюродным братом и мужем одной из его сестер.

Среди издателей «Русских ведомостей» был и внук декабриста, известный пушкинист В. Е. Якушкин, избиравшийся членом Государственной думы. Его сын Николай, исключенный за участие в студенчес-

ких волнениях из Московского университета, осенью 1903 г. поступает на Экономическое отделение С.-Петербургского Политехнического института. Вскоре он и Леонид Юровский стали закадычными друзьями и практически не расставались. Когда летом 1906 г. Леонид во второй раз поехал в Германию, теперь уже в Мюнхенский университет, вместе с другом слушать в летнем семестре лекции знаменитых профессоров отправлялся и Николай Якушкин.

Весной 1907 г., получив на это соответствующее разрешение ректора Политехнического института, правнук декабриста женится на сестре своего и Леонида товарища и однокашника по институту Сергея Сахарова Татьяне — дочери известного адвоката и общественного деятеля И. Н. Сахарова. В доме Ивана Николаевича и Марьи Петровны Сахаровых студента Леонида Юровского всегда встречали радушный прием и хлебосольство. Тогда он еще не мог знать, что глава этого дома станет со временем дедушкой будущего академика Андрея Дмитриевича Сахарова, которому Татьяна Якушкина (Сахарова) будет доводиться родной теткой. О бабушке Марье Петровне Сахаровой Андрей Дмитриевич в «Автобиографии» вспомнит как о «душе семьи» своего отца [2, с. 10].

В Мюнхенском университете Л. Юровский и Н. Якушкин слушают лекции известных в то время экономистов Л. Брентано, В. Лотца (они станут их научными руководителями), Г. Майера, Р. Пельмана. Летом 1910 г. Леонид Юровский представляет факультету государственного хозяйства Мюнхенского университета диссертацию «Русский экспорт хлебов, его организация и развитие», изданную в Штутгарте в виде монографии (на немецком языке). Сдав необходимые экзамены, он становится доктором политической экономии Мюнхенского университета. В том же году свою диссертацию «Идеи и аргументы русского протекционизма» представляет и Николай Якушкин [3; 4, л. 19; 5]. Как видно, в выборе тем их научных исследований явно просматривается влияние А. И. Чупрова — крупнейшего статистика и знатока хлебного рынка дореволюционной России, члена-корреспондента Петербургской Академии наук [6, с. 494].

Вернувшись в Москву из Мюнхена, два друга вскоре становятся полноправными пайщиками издательского товарищества «Русских ведомостей», публикуют в газете интересные статьи по экономическим проблемам [7, с. 59]. Летом 1911 г. в качестве корреспондента «Русских ведомостей» Л. Н. Юровский отправляется в длительное путешествие по Сибири, Дальнему Востоку, Китаю. В вагонных купе, пароходных каютах, в гостиничных номерах писал он свои репортажи, посылая их в редакции газеты и столичного журнала «Вестник Европы». В 1913 г. под псевдонимом Юр. Лигин Л. Н. Юровский издает их в Москве отдельной книгой «На Дальнем Востоке».

Многое сумел увидеть во время путешествия корреспондент «Русских ведомостей». Уже тогда в своих репортажах он бил тревогу о катастрофическом положении Байкала и его рыбных богатств: «Хариусы, налимы, омули, осетры и всякая другая рыба еще совсем недавно водились здесь в неисчерпаемом количестве. Осетровая икра была когда-то самой обыкновенной пищей, а красной икры никто и есть не хотел. Да что недавно: теперь еще водится в Байкале довольно мелкая рыбка, которую здесь называют широколобкой... Но рыбу истребляют. В особенности в последние годы истребляют совершенно беспощадно... Население стонет и понимает, что близится катастрофа. Но хищничество продолжается, так как всякий знает, что то, чего не возьмет он сам, возьмет себе другой. На севере, где раньше вылавливали по 1.000 бочек, их теперь едва добывают 100».

Потрясенный масштабами надвигающейся катастрофы и ее явно прогрессирующим характером, Л. Н. Юровский буквально кричит, призывая к решительным действиям по спасению ресурсов уникального озера: «Рыба из Байкала еще не исчезла. Еще можно помочь беде. Строгое охранение рыбных богатств теперь пришлось бы, пожалуй, еще не слишком поздно. Но дело не терпит отлагательства».

Много рассказов, преданий, легенд о Байкале услышал тогда Л. Н. Юровский. Одну из них он образно использовал в своем предостережении: «Десять усердных сыновей у Байкала и одна расточительная дочь. Но покуда были только они, равновесие сохранилось. Дочь уносила не больше, чем приносили

братья. Лишь тогда, когда появился еще и расточительный человек и безрассудной рукой стал расхищать подаренные ему небом богатства, лишь тогда Байкал стал беднеть. И к старым байкальским сказаниям может вскоре присоединиться еще один грустный рассказ».

Термин «экологические проблемы» тогда еще не был в обиходе, но именно на эти становящиеся все более острыми проблемы обращал внимание читателей Л. Юровский в своих посвященных Байкалу и Прибайкалью репортажах. «Многое гибнет теперь в Прибайкалье, — с горечью констатировал Юровский. — Человек здесь не бережлив, он не хранит природы, и даже тогда, когда он понимает все безрассудство ее истребления, у него не находится ни организации, ни дисциплины, чтобы положить конец расхищению.

Пустеют воды, опустеет тайга. А сколько самой тайги гибнет, когда она горит? Сегодня на южном берегу Байкала, завтра — где-нибудь на востоке, то в Забайкалье, то в Иркутской губернии. Кто ее знает, где и отчего? Искра упала на сухой хворост от промчавшегося паровоза. Костры забыли потушить проходившие охотники или промышленники, гнавшие скот. Может быть, просто понадобилось сжечь несколько деревьев, чтобы образовать поляну и дать возможность вырасти траве. А тайга горит. Куда ни пойдешь, натыкаешься на следы лесных пожаров. Иной раз погибнет несколько деревьев. Иной раз исчезает лесок. А случается и так, что горит тайга на сотни верст, и не знаешь, где начало пожара и где его конец. И нет уже тогда человеческой силы, которая могла бы остановить всеистребляющую стихию».

Думается, что, исследуя процесс осознания экологических проблем и становления экологического мышления в нашей стране, историки не пройдут мимо вклада в него, сделанного еще до революции молодым корреспондентом «Русских ведомостей».

Строящие железную дорогу каторжники, ужасающая антисанитария, нравы сибирских спиртоносов — обо всем этом он тоже писал в своих репортажах, не уставая на протяжении всего путешествия щелкать затвором «Кодака».

В Приамурье внимание Леонида Юровского при-

влекает процесс золотодобычи, ведущийся примитивным способом. Тогда он еще просто не мог знать, что всего через какой-то десяток лет ему самому «по долгу служебных обязанностей» придется иметь прямое отношение к финансированию всей золотодобывающей промышленности молодого Советского государства.

Благовещенск, Хабаровск, Владивосток, дальневосточные обычаи и нравы, быт живущих здесь китайцев, Амурская военная флотилия — сюжеты следующих репортажей корреспондента «Русских ведомостей». Как умный экономист он критически анализирует дальневосточную колониальную политику царского правительства: «Хищнически эксплуатируется золото, без пощады к будущим поколениям, без капиталов и машин. Но и это не может быть иначе при полном отсутствии дорог, при жалких почтовых и телеграфных сообщениях».

После всего увиденного в Западной Европе эта политика контрастно предстает во всем убожестве. «Кто виновен в неудаче?» — ставит Л. Н. Юровский вопрос о причинах нищеты среди населения богатейшего своими природными ресурсами дальневосточного края. И сам же отвечает на него: «Много было, конечно, причин. Но главная, роковая причина — ложно направленная колониальная политика. Из 53 милл. руб., расходуемых правительством в крае, 39 милл. руб. составляют расходы военные и морские. Из остальных 14 милл. руб. много ли может пойти на создание в Приамурье культурных условий жизни. Но и те небольшие средства, которые есть, расходуются сплошь и рядом самым нецелесообразным образом. Основа переселенческой политики до сих пор лежит в денежном пособии, а не в мелиорациях, дорогах, ветеринарах, школах и врачах». Это звучит актуально и по сей день, когда мы наконец-то осознали роль того, что называется социальной инфраструктурой, поняли, что без ее развития не могут функционировать и развиваться производительные силы.

В своих корреспонденциях Л. Н. Юровский показал главные причины поразившего его контраста между природными богатствами Дальнего Востока и бесхозяйственным их использованием: «...краю само-

му по себе довольно много дано. Даны ему в настоящее время и здоровые элементы среди его населения. Но не дан ему состав администрации, понимающей задачи и средства разумной колониальной политики и имеющей возможность их проводить в жизнь. И не дано ему, — и старой и нынешней нашей иностранной политикой, то агрессивной, то неуверенной и всегда неровной, — того спокойствия и мира, без которого едва ли мыслимо здоровое развитие страны» [8, с. 24—26, 31—32, 117, 119].

Мукден, Порт-Артур, Пекин — и здесь побывал Л. Н. Юровский, продолжавший регулярно посылать в Москву и Петербург очередные репортажи. Когда Л. Н. Юровский возвратился в Москву, его имя было хорошо известно в кругах передовой российской интеллигенции. Он обещал вырасти в крупного журналиста и, возможно, со временем смог бы возглавить «Русские ведомости», но судьбе было угодно распорядиться иначе. Вскоре Юровский вернулся к научной и преподавательской работе, продолжая оставаться пайщиком газеты.

Несмотря на докторскую степень Мюнхенского университета, в России по существовавшим тогда порядкам Л. Н. Юровский не мог не только претендовать на профессорскую кафедру, но и стать хотя бы просто доцентом какого-либо российского института или университета. Для этого ему требовалось предварительно сдать два магистерских экзамена по смежным дисциплинам.

Осенью 1912 г. Л. Н. Юровский возбудил ходатайство перед юридическим факультетом Императорского Харьковского университета о допущении его к магистерским экзаменам. Дважды — 13 марта и 26 ноября следующего года — он представал перед строгой и авторитетной комиссией харьковских профессоров во главе с В. Ф. Левитским, М. Н. Соболевым и А. Н. Анциферовым. Это были известные в России ученые, специалисты политэкономии, статистики и финансового права. Оба устных испытания по этим дисциплинам Л. Н. Юровский, по признанию комиссии, выдержал удовлетворительно [4, л. 39; 10, с. 37].

После первого магистерского испытания Л. Н. Юровский подает 3 мая 1913 г. прошение о

принятии его сверхштатным ассистентом в Московский коммерческий институт, который только что получил права государственного высшего учебного заведения. В связи с этим в помощь институтским преподавателям политической экономии и банковского дела в качестве сверхштатных ассистентов на два года привлекаются молодые москвичи Д. П. Боголепов, А. А. Соколов, А. А. Мануилов, К. К. Лупандин, Л. Н. Литошенко, Л. Г. Кафенгауз, Н. П. Огановский, Л. Н. Юровский [4, л. 20; 11, с. 9; 12, с. 11]. Все они после революции станут крупными советскими учеными — экономистами и специалистами народного хозяйства. И судьбы у них окажутся удивительно похожими.

Л. Н. Юровский читает также курсы «История таможенной политики в связи с теорией международной торговли» и «Экономическая политика: транспорт, тарифная политика, торговая политика и др.» в Московском Народном университете имени А. Л. Шанявского [13, с. 12, 29]. Вместе с ним здесь читал тогда лекции еще один молодой ученый — А. В. Чаянов.

С вступлением России 19 июля (1 августа) 1914 г. в первую мировую войну профессора и студенчество Московского коммерческого института в порыве ура-патриотизма посылали Николаю II верноподданнические телеграммы, жертвовали на алтарь победы над супостатами денежные средства и вещи. Буржуазия и научная интеллигенция уже в начале войны создали Всероссийский союз городов помощи больным и раненым воинам (СОГОР), который формировал и направлял на фронт санитарные поезда и передовые врачебно-питательные отряды, развертывал госпитали, а также вел другую разнообразную деятельность (благотворительные концерты, лекции, сбор средств).

3 марта 1915 г. Л. Н. Юровский подает директору института прошение об увольнении его с 20 марта в трехмесячный отпуск для поездки в качестве уполномоченного Всероссийского союза городов на театр военных действий [4, л. 41]. Разрешение было дано. В Сибири формировались врачебно-питательные и перевозочно-питательные отряды Сибирского общества помощи больным и раненым воинам. 23 апреля 1915 г.

5-й Сибирский перевозочно-питательный отряд легкого типа, снаряженный на средства городов Тобольской губернии и получивший их имя, во главе с уполномоченным Всероссийского союза городов членом Государственной думы В. И. Дзюбинским выступил на Северо-западный фронт [14, с. 110; 15, № 8, с. 35—36; 16, 7 апр.; 9, л. 15].

После маневрирования отряд прибыл на место дислокации вблизи Радома, где развернул большую деятельность: устраивал столовые для населения, открыл перевязочный пункт, баню, организовал оспопрививание солдат, медицинскую помощь беженцам и раненым фронтовикам. Уже 19 июня «Русские ведомости» сообщили: «За полмесяца отрядом сделано очень многое, что свидетельствует о прекрасной организации персонала и энергии руководителей Дзюбинского и Юровского».

Отряд попадал под артиллерийские обстрелы перешедшего в наступление по всему фронту неприятеля. Началось длительное отступление в северо-восточном направлении. С 25 июля отряд за 11 суток совершил 10 ночных переходов, пройдя около 150 верст. В ночь на 3 августа без потерь переправились через Буг. Отступая, 5-й Сибирский перевозочно-питательный отряд имени городов Тобольской губернии продолжал вести работу [16, 1, 22, 31 июля, 12 авг.].

В середине августа Л. Н. Юровский возвратился в Москву. Его «поездка на театр военных действий» закончилась. Но Леонид Наумович остался уполномоченным Всероссийского союза городов, приняв в начале сентября участие в работе III съезда его представителей [15, № 19, с. 59]. Приказом главнокомандующего IV армии от 14 октября 1915 г. «за отличные усердную службу и труды, понесенные во время военных действий», Л. Н. Юровский был награжден орденом Станислава третьей степени [15, № 21—22, с. 301]. На следующий день, еще не зная о своем награждении, он избирается сверхштатным доцентом Московского коммерческого института [4, л. 2]. Примерно в это время Л. Н. Юровский ненадолго возглавляет только что созданное Всероссийское бюро труда при отделе беженцев Земского и Городского союзов. 17 октября в Отделении социальной политики Общества имени А. И. Чупрова он делает сооб-

щение об этом Бюро и о законопроекте Министерства торговли и промышленности «об учреждении контор по найму».

С 17 по 22 ноября Московское общество сближения с Англией совместно с Петроградским обществом английского флага и Московским обществом народных университетов организовало цикл лекций, прочитать которые должны были А. В. Чаянов, Л. Б. Кафенгауз, Л. Н. Юровский и некоторые другие ученые [16, 20 окт., 15 ноября]. Но вместо лекторской кафедры Л. Н. Юровский очутился тогда в Николаевских казармах на Ходынском поле. 10 ноября он, ратник ополчения первого разряда, вызывается в управление Московского уездного воинского начальника. Через неделю его призывают на военную службу и отправляют в первую Запасную артиллерийскую бригаду. Ходатайство директора Московского коммерческого института П. И. Новгородцева об освобождении Леонида Наумовича «от службы в войсках» оказалось безуспешным: сверхштатные ассистенты и доценты высших учебных заведений Российской империи права на отсрочку от воинской мобилизации не имели [4, л. 4 об., 5, 14].

Так, Л. Н. Юровский стал артиллеристом, получил чин прапорщика и батарею под свою команду на Румынском фронте. Возвратившись в Москву весной 1917 г., он вновь ненадолго оказывается в родной среде редакции «Русских ведомостей», хотя и продолжает носить погоны прапорщика артиллерии.

1. Гиляровский В. А. Москва газетная. Друзья и встречи. — Минск: Наука и техника, 1989.

2. Белецкая В. Судьба и совесть. — М.: Правда, 1989.

3. ЦГАНХ СССР. — Ф. 7733. — Оп. 18. — Д. 10258. — Л. 3, 32.

4. ЦГИА г. Москвы. — Ф. 417. — Оп. 4. — Д. 311.

5. ЦГАОР г. Москвы. — Ф. 691. — Оп. 6 — Д. 155. — Л. 4 об.

6. Глинский Б. Б. Среди литераторов и ученых: Биографии, характеристики, некрологи, воспоминания, встречи. — Спб., 1914.

7. Русские ведомости. 1863—1913: Сб. статей. — М.: Типограф. «Русских ведомостей», 1913.

8. Лигин Юр. На Дальнем Востоке. — М.: Задруга, 1913.

9. Юровский Л. Н. — Розенбергу В. А.//Отдел рукописей Всесоюзной государственной публичной библиотеки имени В. И. Ленина. — Ф. 251. — К. XXI. — Ед. хр. 31.

10. Записка Императорского Харьковского университета. — 1914. — Кн. I.

11. Отчет Московского коммерческого института. 1913—1914 гг. (По учебной части). — М.: Типограф. Г. Лисснера и Д. Собко, 1915.

12. 50 лет института /Сост. В. В. Козлов. — М.: Гос. изд-во торговой литературы, 1957.

13. Московский Народный университет имени А. Л. Шанявского. 1915—1916 академический год. — М.: Типо-литограф. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1915.

14. Очерк деятельность Всероссийского союза городов. 1914—1915 гг. — М.: [Б. И.], [1916].

15. Известия Всероссийского союза городов помощи больным и раненым воинам. — 1915.

16. Русские ведомости. — 1915.

ПО ОДНУ СТОРОНУ БАРРИКАД

Как и большинство российской научной интеллигенции, Н. Д. Кондратьев и Л. Н. Юровский восторженно встретили Февральскую революцию. Через 7 лет в краткой автобиографии Николай Дмитриевич отмечал: «В революции принимал активное участие. С первых часов ее был в Таврическом дворце и был назначен Советом Рабочих Депутатов товарищем председателя Государственной Продовольственной Комиссии» [1]. Он сразу восстановил связь с партией социалистов-революционеров, его избирают членом Костромского губернского Совета крестьянских депутатов. В качестве уполномоченного от крестьян Кинешемского уезда 25-летний Николай Кондратьев делегируется на совещание, проходившее с 12 по 17 апреля в Петрограде. Собравшиеся в Таврическом дворце представители крестьянства из 25 губерний России решают созвать в начале мая I Всероссийский съезд Советов крестьянских депутатов. На нем Н. Д. Кондратьев выступает по продовольственному вопросу, призывая крестьянство к признанию целесообразности твердых цен и государственной монополии на хлеб. Он избирается одним из секретарей Президиума и членом Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов [2, с. 117].

Съезд в Таврическом дворце еще только начал свою работу, а Николаю Дмитриевичу, с головой окунувшемуся в активную политику, пришлось на время возвратиться в Кострому. 7 мая он выступает на съезде крестьянских депутатов Костромской губер-

нии. Более 300 человек из всех 12 ее уездов, собравшись в зале губернского Дворянского собрания, внимательно слушали доклад своего земляка о земельном вопросе. Докладчик говорил эмоционально, обстоятельно, хотя и просто: «Время не ждет. Стране угрожает голод. Надвигающуюся опасность так или иначе необходимо отвратить» [3, № 18, с. 15].

И снова Николай Дмитриевич спешит в Петроград. Теперь ему приходится чуть ли не разрываться между съездами и совещаниями, Костромой, Кинешмой, Петроградом, Москвой. Крестьянский съезд в столице еще продолжался, когда в Москве открылся третий съезд партии социалистов-революционеров. 26 мая на вечернем заседании съезда делегат от Кинешмы Н. Д. Кондратьев произносит короткую, но содержательную речь, проанализировав главные противоречия, с которыми столкнулась тогда его партия. Н. Д. Кондратьев ратует за укрепление Временного правительства: «Если не удержится это правительство, то не удержится и власть организованной демократии... Я бы сказал, что перед нашей партией стоит огромная задача — выковать свое единство и отсечь от себя тех, которые говорят, что они постараются разогнать Учредительное собрание, если оно пойдет не по их дороге» [4, с. 83]. Он очень многое связывал с Учредительным собранием, видя в нем залог демократии и главное условие законного решения земельного вопроса.

Летом 1917 г. Н. Д. Кондратьев — уже заметная на политическом горизонте России фигура. Он назначается членом Совета Главного земельного комитета и Экономического совета при Временном правительстве, членом, а затем и товарищем (заместителем) председателя Общегосударственного продовольственного комитета, активно участвует в работе Лиги аграрных реформ. При этом Николай Кондратьев не оставляет политической деятельности и в родной губернии. Он выступает на II съезде Костромского губернского Совета крестьянских депутатов (30 июля — 4 августа) с подробным докладом о текущем моменте: «Много пережило русское общество за время с 1-го до 2-го нашего съезда. Уже нет прежней радости, нет прежнего настроения и только глубокая вера в народ разрешает надеяться, что этот

народ прекратит надвинувшуюся гибель страны. Вр[еменное] Пр[авительство] было не в силах устранить затруднения и разруху, так как с победой революции не прибавилось ни хлеба, ни золота, ни вагонов и многие почувствовали себя разочарованными революцией» [3, № 24, с. 20].

Но сам Николай Кондратьев был романтиком Февральской революции. Его тогдашнее понимание сути происходящего в стране хорошо передает написанная им резолюция, которую после бурных дебатов принял съезд: «Делу революции и ее завоеваниям грозит смертельная опасность. Великая русская революция свершилась в исключительно трудный момент, в момент величайшей войны. Это связало самыми тесными нитями судьбы революции с исходом войны, с участью нашей страны.

Война истощила и крайне расстроила силы и хозяйство народа, измучила и утомила народные массы. Но в условиях современного мирового капитализма мы не можем кончить войну отдельно, сепаратно, без того, чтобы не навлечь на себя еще большие бедствия. И теперь страшная хозяйственная разруха, утомление и недостаточная организованность народных масс, отсутствие единодушия среди этих масс и поднимающая свою голову контрреволюция — все это грозит захлестнуть своими мутными водами революционные завоевания народа, еще более ослабить его силы и задержать развитие.

В то же время недостаточная боеспособность армии и крупные неудачи на фронте ставят перед нами очевидную опасность военного разгрома страны и также ведут за собой крушение революционных завоеваний.

Совершенно очевидно, что разгром страны есть разгром завоеваний революции и разгром революции есть разгром страны» [3, № 24, с. 21—22].

Из Костромы Николай Кондратьев уезжает в Москву, где Временным правительством в середине августа созывается Государственное совещание. Здесь он выступает в защиту «находящейся под угрозой демократии». Анализируя итоги совещания, Л. Н. Юровский в «Русских ведомостях» пишет: «Кто будет выводить Россию на новую дорогу? Вопрос этот разрешится на основании того, что произошло

на совещании. Блаженны верующие, но, — увы, — правы чаще бывают скептики» [5]. Сам он был в этом вопросе явным скептиком.

Крестьянство России все настойчивее требовало разрешения земельной проблемы. Временному правительству сделать это не удалось, но подготовительная работа в данном направлении велась и в Главном земельном комитете, и в Лиге аграрных реформ. В ней принимали участие крупнейшие ученые-аграрники России, видные общественные деятели, например Н. А. Анциферов, Б. Д. Бруцкус, П. А. Вихляев, А. Г. Дояренко, В. Я. Железнов, Л. Б. Кафенгауз, З. С. Каценеленбаум, А. С. Посников, М. И. Туган-Барановский, А. В. Чаянов, А. Г. Хрущев, А. И. Шлезингер, Н. В. Якушкин. Со многими из них Н. Д. Кондратьеву и Л. Н. Юровскому придется работать вместе еще полтора десятка лет. Некоторых будет ждать та же судьба, что и их самих.

21 августа в заседании Комиссии по перераспределению земельного фонда Главного земельного комитета Кондратьев делает вызвавший бурную дискуссию доклад «Полукапиталистическое или полутрудовое хозяйство». Под хозяйством с таким названием молодой ученый понимал «...то хозяйство, в котором, как общее правило, наряду с семейно-трудовым порядком хозяйственной деятельности встречаются и элементы капиталистических отношений, т. е. элементы присвоения прибавочного продукта чужого труда». Докладчик обосновал принципы экономической политики вообще и в том числе по отношению к «полутрудовым хозяйствам»: «...допустимы и желательны лишь те меры воздействия на экономическую жизнь, которые: во-первых, — действительны, во-вторых, — усиливают производительность народного хозяйства и, в-третьих, — по возможности более соответствуют правосознанию масс... С этой точки зрения нужно признать, что полутрудовое хозяйство не является желательным типом хозяйства. Но было бы ошибкой и принимать против него такие меры, как, например, издание декрета, воспрещающего наемный труд в сельском хозяйстве... Меры экономической политики по отношению к полутрудовому хозяйству должны быть согласованы и вытекать из общих основ намечающейся земельной реформы. В соответ-

ствии с положением, что будущий строй земельных отношений должен опираться на трудовое хозяйство, можно выдвинуть как задачу, что земля полутрудовых хозяйств, если она превышает трудовую норму, в пределах такого превышения должна подвергнуться отчуждению... Но в силу экономических и политических условий, однако, эту задачу нельзя осуществлять безусловно немедленно и прямолинейно. Необходимо время для ликвидации специальных хозяйств и необходима повышенная норма отчуждения вообще для полутрудового хозяйства. Было бы целесообразно далее прибегнуть к тем или иным формам финансового обложения упомянутых сверхнаделов» [6, с. 25, 26].

В ходе прений Кондратьев много и горячо спорил с оппонентами, доказывая: делить землю нужно по фактическому количеству членов крестьянской семьи.

Крестьянский сын Николай Кондратьев ратовал за семейно-трудовой путь дальнейшего развития российского сельского хозяйства, против отчуждения крестьянина-труженика от своей земли. Он исходил из того, что «основой сельскохозяйственной жизни остается семейно-трудовое хозяйство», что «будущий земельный порядок должен необходимо опираться на трудовое, а не на капиталистическое хозяйство. И если в промышленности фабрика побивает мелкого производителя, то в семейном хозяйстве этого нет. Крупно-капиталистическое хозяйство здесь само побивается трудовым». Кондратьев много ждал от земельной реформы. «Наши земельные порядки, — писал он в брошюре «Аграрный вопрос о земле и земельных порядках», — действительно плохи... Крестьянство живет прежде всего землей. И если оно живет плохо и бедно, значит, плохи существующие земельные порядки. И нужно их переменить» [7, с. 7, 39, 62].

Читая сегодня 25-летнего Н. Д. Кондратьева, трудно удержаться от проведения параллелей с нашими *современными* проблемами и дискуссиями — и в этом тоже поразительная актуальность, современность многих аграрно-экономических идей ученого. Впоследствии его будут нещадно шельмовать как «кулацкого идеолога», которым он в действительности никогда не был, ни до революции, ни после нее.

Многие однокашники Николая Кондратьева из

числа «профессорских стипендиатов» юридического факультета Петроградского университета после февраля 1917 г. ушли в активную политику. Сдавший магистерские экзамены еще в конце 1916 г. Питирим Сорокин становится личным секретарем А. Ф. Керенского по вопросам науки; М. И. Михайлов (будущий министр финансов в омском правительстве Колчака) — личным секретарем министра финансов Временного правительства А. И. Шингарева; Н. Д. Кондратьев — личным секретарем А. Ф. Керенского по делам сельского хозяйства. Научную работу на неопределенное время ему пришлось отложить. Магистерские экзамены, которые «профессорский стипендиат» Николай Кондратьев должен сдать еще до 1 июля 1917 г. (таковым было условие получения стипендии от министерства просвещения), продолжали оставаться несданными [8]. Тем временем он все больше и больше уходит в политическую деятельность, стремительно продвигаясь в своей государственной карьере.

На столицу наступал поднявший мятеж генерал Корнилов, 28 августа на объединенном заседании ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и Исполкома Совета крестьянских депутатов принимается решение о создании Комитета народной борьбы с контрреволюцией. От исполкома в него делегировались эсеры В. М. Чернов, В. Г. Архангельский, Н. Я. Быховский, П. А. Сорокин и Н. Д. Кондратьев [9, 29 авг]. Последний из них на проходившем с 14 по 22 сентября в Петрограде «Демократическом совещании» был избран членом Совета Российской Республики (так называемого Предпарламента), 7 октября, сохраняя все свои прежние посты и должности, Кондратьев вступает «в исполнение обязанностей» товарища министра продовольствия и возглавляет министерское Управление по снабжению предметами первой необходимости.

Вырвавшись из нищеты периода студенческой жизни и двух лет «приготовления к профессорскому званию», он получал бы теперь и не снившийся ему совсем недавно «оклад жалованья» — 12 тыс. руб. в год [10, д. 6, л. 1, 73]. В государственной иерархии молодой Кондратьев становился отныне чиновником высокого ранга — «III класса по должности».

Петроград. Невский проспект. Большое красивое

здание рядом с Аничковым мостом, известным в России скульптурами Клодта. С лета 1917 г. в Аничковом дворце размещалось Министерство продовольствия Российской Республики.

Аппарат нового министерства стал пополняться молодыми чиновниками. С 14 июля старшим делопроизводителем одного из отделов Управления по снабжению предметами первой необходимости «на службу по вольному найму» был определен 26-летний приват-доцент математики Киевского университета О. Ю. Шмидт. Еще недавно Отто Юльевич тоже состоял в «профессорских стипендиатах», параллельно занимаясь организацией карточной системы в Киевской городской управе. Приехав в июле на Всероссийский съезд по делам высшей школы в Петроград, он получил приглашение на работу в аппарат Министерства продовольствия [11, с. 10, 11] и через два месяца стал заведующим одним из подотделов.

С 19 августа за столом управляющего Особым статистико-экономическим отделом министерства сидел еще один новый чиновник — прапорщик Л. Н. Юровский [12]. Для этого его срочно вызвали из Москвы. Так Леонид Наумович стал довольно неожиданно для себя «государственным бюрократом», о чем он с иронией и поведал читателям «Русских ведомостей». Возглавляемый им отдел занимался научной разработкой текущих вопросов продовольственного дела и снабжения предметами первой необходимости для подготовки соответствующих мероприятий Всероссийского правительства [13, с. 6]. Так в Аничковом дворце впервые пересеклись судьбы трех человек, которым не раз еще придется работать вместе.

Время все расставляет на свои места. Совсем недавно любое упоминание о Временном правительстве и чиновниках его аппарата обязательно сопровождалось их окарикатуриванием, оглуплением, обвинением во всех мыслимых и немыслимых грехах. И только в условиях перестройки доктор исторических наук В. Логинов смог достаточно объективно заметить: «Вряд ли можно упрекнуть Временное правительство в том, что продовольственным делом в нем занимались люди непрофессиональные и некомпетентные. Министры продовольствия А. В. Пешехонов и сме-

нивший его С. Н. Прокопович были известны как опытные специалисты. В аппарате министерства служили и многие видные ученые-экономисты, например Н. Д. Кондратьев. В экстремальной ситуации надвигающегося голода они разработали систему государственной монополии и регулирования снабжения, которая была призвана смягчить остроту продовольственного кризиса. Они ввели государственную монополию на хлеб и вдвое повысили закупочные цены, ужесточили хлебную разверстку, введенную еше в ноябре 1916 г. царским министром А. А. Риттихом, дополнили ее мясной разверсткой. Посадили на карточную систему снабжения всю страну... Для принудительного изъятия хлеба осенью 1917 года в деревню посылали вооруженные воинские отряды» [14, 5 нояб., с. 8].

Однако при этом не стоит называть Н. Д. Кондратьева «профессором и знаменитым экономистом», «решившим попробовать свои силы на посту товарища министра продовольствия», как это делает тот же уважаемый автор [15, № 10, с. 74]. Профессорство и всемирная слава у товарища министра продовольствия еще впереди. А пока он полностью захвачен политической деятельностью и напряженной работой в министерстве.

Более опытный Л. Н. Юровский с тревогой анализирует складывающуюся в стране ситуацию, обвиняя в углублении кризиса и большевиков во главе с В. И. Лениным, и эсеров вместе с их лидером В. М. Черновым. Политика Временного правительства все сильнее разочаровывает его. Он задается вопросами: Что будет с Россией? Кто выведет ее на новую дорогу? Его выводы малоутешительны: Россия гибнет. «В начале марта перед нами открыты были все возможности, — пишет Юровский. — Из революции при сколько-нибудь благоприятном ее течении должен был вырасти республиканский режим. Но мы свою революцию превратили в смуту, свою свободу превратили в разнузданность, свое государство — в растерзанный, расщатанный, голодный агломерат самоуправляющихся планов, городов, национальностей и провинций, свою армию на фронте превратили в свой несмываемый позор» [9, 7 сен.]. Такой видел

складывающуюся ситуацию недавний офицер-фронтовик, публицист и экономист.

Выступая в качестве представителя Министерства продовольствия на 7-м Всероссийском съезде Союза городов (14—16 октября 1917 г.), Л. Н. Юровский проанализировал ситуацию и перспективы поступления хлеба в казенные закрома. Он критически отозвался о принятом Временным правительством решении в два раза повысить закупочные цены на хлеб: «Я полагаю, что это была необходимая мера, но эта мера была проведена самым невозможным способом. Это огульное повышение в два раза... но все же не было никакого основания повышать всюду цены по одинаковому образцу, именно на 100» [16, с. 433]. Анализ экономиста, как видно, не зависел от того, что он был чиновником Временного правительства.

24 октября Леониду Наумовичу исполнилось 33 года. В столице было неспокойно. Но вряд ли Юровский и Кондратьев могли предполагать, что начинается новая эпоха всемирной истории и им доведется стать участниками тех «десяти дней, которые потрясли мир».

В ночь на 25-е октября Временное правительство было низложено. Москва некоторое время оставалась в руках сторонников свергнутого Временного правительства. Сюда и поспешил С. Н. Прокопович. Приступив на месте к формированию нового Временного правительства, он срочно вызвал из Петрограда оставшихся на свободе бывших товарищей министров, в том числе Н. Д. Кондратьева. 27 октября все вызванные были в Москве. Формирование нового правительства предполагалось начать с Министерства продовольствия [17, с. 185].

Однако вооруженный переворот вскоре произошел и в Москве. С. Н. Прокоповичу и его товарищам пришлось возвратиться в Петроград. Здесь с 6 по 16 ноября на частной квартире практически ежедневно продолжало заседать подпольное Временное правительство. В заседаниях принимал участие и Н. Д. Кондратьев [18, № 6, с. 198].

У советского читателя, с детства имеющего соответствующий стереотип восприятия «министров-капиталистов» Временного правительства, членство и активная деятельность в нем Н. Д. Кондратьева

уже сами по себе вызовут скорее негативное отношение к личности молодого товарища министра. Но следует заметить, что вместе с ним в это правительство и тоже в качестве товарища министра (народного просвещения) входил, например, выдающийся ученый В. И. Вернадский. Он также принимал участие в заседаниях подпольного Временного правительства, раскланиваясь при встречах с Н. Д. Кондратьевым.

Как и до революции, Временное правительство, даже находясь в подполье, продолжало принимать постановления и издавать указы. В одном из них (от 7 ноября) говорилось: «Управляющий Особым статистико-экономическим отделом Леонид Юровский уволен от должности, ввиду избрания его профессором юридического факультета Саратовского университета» [10, д. 95, л. 13].

Переезд Юровского в Саратов был решен еще за несколько месяцев до революции. Летом 1917 г. в Саратовском университете сформировались два новых факультета. В связи с этим приват-доцент Петроградского университета С. Л. Франк был утвержден исполняющим должность ординарного профессора и декана историко-филологического факультета, а сверхштатный доцент Московского коммерческого института коллежский секретарь Л. Н. Юровский — исполняющим должность ординарного профессора по кафедре политической экономии и статистики юридического факультета [19, д. 901, л. 2; д. 912, л. 2 об., 3 об.]. Но назначение в Министерство продовольствия задержало Юровского в столице до поздней осени.

Между тем в Аничковом дворце продолжали бушевать страсти. Сразу после Октябрьской революции чиновники и служащие Министерства продовольствия категорически отказались признать новое правительство — Совет Народных Комиссаров. Уже 26 октября общее собрание служащих министерства приняло резолюцию, в которой они открыто объявляли себя врагами новой власти и выражали готовность поддерживать всех, кто вступит в борьбу с нею [20, с. 338]. Такую позицию заняли и служащие всех других продовольственных органов столицы, поддержи-

вая выдвинутый лозунг продовольственного дела как «стоящего вне политики».

На следующий день образованный Комитет служащих Министерства продовольствия принял резолюцию, «протестуя против захвата, путем глубокого насилия, власти в Петрограде большевиками и считая, что действительное осуществление власти захватчиками приведет к катастрофе дела снабжения армии и населения...» [21, с. 18—19].

Это был саботаж: власть, не имеющая возможности проводить свою продовольственную политику, распоряжаться в условиях надвигающегося голода продовольствием, является таковой лишь на бумаге. Правда, саботаж служащих Министерства продовольствия был своеобразным. Если практически во всех других министерствах и ведомствах свергнутого Временного правительства их чиновники и служащие попросту бросили работу, то в Аничковом дворце она продолжалась, но только по старым планам и при полном игнорировании назначенных Совнаркомом членов Коллегии Наркомпрода. Их попытки вмешаться в действия чиновников Министерства продовольствия встречали отпор. Решительности саботажникам придала циркулярная телеграмма из Гатчины, полученная в Аничковом дворце 29 октября: «Предлагаю никаких предложений и распоряжений, исходящих от лиц, именующих себя народными комиссарами или комиссарами Военно-революционного комитета, не исполнять, ни в какие отношения [с ними] не вступать и в правительственные учреждения не допускать.

Министр Председатель Керенский» [10, д. 46, л. 1].

Почти полмесяца законный Наркомпрод был без какой-либо реальной власти, а аппарат Министерства продовольствия свергнутого Временного правительства продолжал по-прежнему цепко держать всю работу по продовольствию в своих руках. За министра продовольствия Н. Д. Кондратьев как ни в чем не бывало продолжал подписывать очередные приказы по министерству. В двух последних (от 13 ноября) говорилось, что продажа и распределение продуктов жирообрабатывающей промышленности среди населения производится по правилам, издаваемым Министерством продовольствия [22, с. 161]. Излагалась

также система правительственных мероприятий по урегулированию снабжения населения галошами и нитками [23, № 29—30, с. 2].

На следующий день отряд красногвардейцев занял министерский Отдел снабжения населения металлами и машинами. Прибывший во главе отряда комиссар потребовал, чтобы отныне работа в отделе подчинялась ему. Но сотрудники заявили комиссару, что они подчиняются лишь «законной власти» и никаких комиссаров Совнаркома не признают. Тогда красногвардейцы заняли помещение силой. Перешедшие в главное здание Министерства продовольствия сотрудники отдела кое-как разместились в коридорах и на лестнице, но работу продолжали. Они приняли решение: работать до тех пор, пока в министерство не вторгнутся «посторонние силы». Власть, которую не признает, как они заявили, вся страна, ими тоже признана быть не может.

Начало активных действий со стороны Советской власти не позволило товарищу министра продовольствия Н. Д. Кондратьеву и министерскому чиновнику О. Ю. Шмидту успеть к открытию Всероссийского продовольственного съезда, созванного в Москве по решению Временного правительства, принятому еще до революции. Лишь к вечеру 19 ноября, опоздав на сутки, Н. Д. Кондратьев и О. Ю. Шмидт с делегацией министерских чиновников прибыли на съезд. Первый из них сразу получил слово для выступления. Проинформировав съезд о последних событиях в Аничковом дворце, товарищ министра продовольствия сказал: «...Министерство продовольствия не бастует. Я должен заявить здесь открыто и громко, что никакого саботажа, как о том заявили некоторые газеты, в Министерстве продовольствия не было. И сотрудники Министерства продовольствия стоят на той точке зрения, что они не прекратят работу до тех пор, пока насилием и посторонним вмешательством их не заставят прекратить [ее]. Но должен сказать, что к сожалению, перед насилием не остановились» [24, с. 40—41].

20 ноября на утреннем заседании одной из секций съезда избранный председателем Н. Д. Кондратьев делает доклад о проблемах улучшения работы по снабжению населения предметами первой необходи-

мости. В Петрограде примерно в то же время в Аничков дворец пришли члены Коллегии Наркомпрода и, несмотря на протесты чиновников и служащих Министерства продовольствия, приступили к работе. Но теперь уже ситуация стала меняться. Возглавляемая О. Ю. Шмидтом «социалистическая группа» служащих министерства выступила против продолжения объявленной забастовки. По ее инициативе собрание низших служащих Министерства продовольствия приняло 23 ноября резолюцию, в которой говорилось о необходимости практически приступить к работе, войти в контакт с Продовольственной комиссией Совнаркома, «с завтрашнего дня наладить и организовать работу наличными силами, для чего открыть строго деловое совещание» [25, с. 106—107].

Закончившийся в Москве съезд избрал Всероссийский Совет продовольственных съездов в составе десяти человек («десятку»). Этому органу (совместно с Министерством продовольствия) и было поручено руководить всей продовольственной работой в стране — впредь до соответствующего решения будущего Учредительного собрания. 25 ноября «десятка» приехала в Петроград и через день созвала в Аничковом дворце совещание руководителей продовольственных учреждений столицы. Было принято решение о прекращении забастовки и возобновлении работы. Однако при этом вся продовольственная работа сохранялась бы в руках «десятки» и «головки» Министерства продовольствия.

Заместитель Народного комиссара по продовольствию А. Г. Шлихтер, чьи распоряжения заседавшая в Аничковом дворце «десятка» выполнять категорически отказалась, своим приказом уволил со службы «без права на пенсию» всех трех товарищей министра продовольствия — В. Н. Башкирова, С. А. Ершова, Н. Д. Кондратьева, а также заведующего Отделом заготовок хлеба и фуража Ф. Ф. Ионова [26, с. 34]. Но «десятка» во главе с В. Г. Громаном продолжала заседать. Тогда А.Г. Шлихтер отправился за ордером на ее арест к Народному комиссару внутренних дел Г. И. Петровскому. Арестовать саботажников решил сам Ф. Э. Дзержинский [27, с. 271, 272, 245, 445]. Войдя вместе с А. Г. Шлихтером и нарядом красноармейцев в кабинет, где заседала «де-

сятка», он объявил, что по решению Совнаркома, все присутствующие подлежат аресту, и тут же выписал ордер.

О развитии дальнейших событий в Аничковом дворце сухо повествует протокол, подписанный всеми присутствующими: «Товарищ министра Н. Д. Кондратьев задал Дзержинскому вопрос, арестован ли он, а также другой товарищ министра А. С. Ершов. Дзержинский ответил: «Да»... Представитель служащих в свою очередь спросил, арестованы ли и они. Дзержинский ответил, что вопрос об этом будет выяснен потом. После того как представители служащих заявили, что они не подчиняются Совету Народных Комиссаров и не сдадут дел без распоряжения непосредственного начальства, они были тоже объявлены арестованными... Дзержинский предъявил требование о сдаче ему всех находящихся у присутствующих бумаг, что было исполнено» [28, с. 74—75].

Под конвоем «десятку» и двух товарищей министра продовольствия (среди них был и Н. Д. Кондратьев) доставили в Смольный. Здесь по настоянию арестованных они встретились с В. И. Лениным, который сначала отказался разговаривать с саботажниками, однако затем пришел и объявил им, что по поручению Совнаркома переговоры будет вести А. Г. Шлихтер [27, с. 273—275].

На следующий день Н. Д. Кондратьев был избран членом Учредительного собрания. В Костромской губернии победу на выборах одержала партия социалистов-революционеров. За блок «Земля и Воля» («список № 1»), который он возглавлял, избирателей усиленно агитировали эсеры и губернский Совет крестьянских депутатов. Его поддерживал также ЦК партии эсеров. В результате в губернии за «список № 1» проголосовали 250 тысяч человек [29, с. 1]. Этому способствовала широкая известность Николая Дмитриевича у себя на родине.

«Десятку» и Н. Д. Кондратьева освободили из-под ареста вскоре после привода в Смольный и переговоров с В. И. Лениным. С них взяли подписку, что они ознакомлены с предложением Совета Народных Комиссаров прекратить саботаж и подчиниться требованиям А. Г. Шлихтера [27, с. 275].

В Петрограде нарастали события, в которых Кондратьев принимал активное участие. Оставшиеся на свободе члены Временного правительства опубликовали в оппозиционных большевикам газетах воззвание об открытии 28 ноября Учредительного собрания в здании Таврического дворца. За два дня до этого Совнарком постановил: первое заседание Учредительного собрания должно начаться после прибытия в столицу более 400 его членов. Открыть заседание может только уполномоченное на это Совнаркомом лицо [17, с. 837, 838].

Кадеты, меньшевики и эсеры призвали устроить 28 ноября демонстрацию в защиту Учредительного собрания и задумали самочинно открыть его. Днем 28 ноября толпа со знаменами и лозунгами «Вся власть Учредительному собранию!» смяла охрану Таврического дворца [29, с. 1].

5 января 1918 г. в Таврическом дворце Н. Д. Кондратьев присутствует при открытии Учредительного собрания, распущенного уже после первого заседания. «Учредиловка» просуществовала всего 760 минут...

17 января в Аничковом дворце открылся I Всероссийский продовольственный съезд Советов, созванный новой властью.

В числе избранных съездом 35 членов Всероссийского Совета снабжения от фракции эсеров был и Н. Д. Кондратьев [30, с. 128—133].

Не простым и отнюдь не мгновенным было осознание и восприятие им сути всего свершившегося на его глазах и против его воли в России. Страна идет навстречу своей гибели — так тогда считал молодой Николай Кондратьев. В эсеровском сборнике «Большевики у власти: Социально-политические итоги октябрьского переворота» публикуется его большая статья «По пути к голоду». В ней он обрушивается на проводимую Советской властью продовольственную политику. В то же время в критических замечаниях автора очевидна действительная тревога за дальнейшую судьбу России. Далеко не все в проводимых новой властью мероприятиях, осуществляемых в условиях неразберихи революционного периода, было идеальным.

«Воссоздание и возрождение России, создание общенациональной, всенародной власти, прекращение извращенной и безумной внутренней борьбы, дружные усилия всего народа, — считал Н. Д. Кондратьев, — вот общие и необходимые условия борьбы с голодом. Но этого недостаточно. Необходим коренной пересмотр всей экономической и продовольственной политики в соответствии с конкретными условиями настоящего. Все, что без нужды и цели тормозит самостоятельность народа, его творческий дух и дух предприимчивости, необходимо смело и решительно отмести. Нужно забыть думать, что равенство в голоде, нищете и безработице есть равенство социалистическое. Нужно забыть думать, что власть, которая не в состоянии дать хлеба и которая в тоже время расстреливает народ, идущий за хлебом, борется во имя социализма, во имя братства, равенства и свободы» [31, с. 261].

Во многом похожим на кондратьевское было восприятие Октября 1917 г. Л. Н. Юровским. Уехав из Петрограда, Леонид Наумович не сразу оказался в Саратове — пришлось задержаться в Москве. Здесь он снова попал в родную среду редакции «Русских ведомостей». Газета приветствовала падение царизма, призывая к сплочению всех партий вокруг Временного правительства, агитируя за победоносное окончание империалистической войны. Но с большевиками «Русские ведомости» вели яростную борьбу. «Единение, порядок, работа» — таков был лозунг газеты после Февраля 1917 г. [32, с. 446].

Юровский публикует в «Русских ведомостях» статьи и передовицы, полные гнева против нового режима. Как и Кондратьев, он не принял Октябрьскую революцию. Ему, вчерашнему фронтовому офицеру-артиллеристу, казалось, что Россия окончательно гибнет, страну ожидает страшная участь. Армия развалилась совсем. «Халиф правоверных большевиков» прапорщик, ставший Верховным главнокомандующим, Н. В. Крыленко «жалко беспомощен». «Обещаниями невозможного мира, — писал Л. Н. Юровский, — «большевики одурачили народ». На Румынском фронте, хорошо известном Юровскому, русские артиллеристы уже не только отказываются чистить лошадей («этот буржуазный предрассудок

отброшен уже давным-давно»), но и перевозить орудия. Они добровольно сдают их румынским властям... [33, 30 дек.].

Но самое страшное, считал Л. Н. Юровский, — это развал экономики и единства России как государства. Этого он тоже не мог принять. «Мы вошли в катастрофическую полосу русской истории, когда немыслимы итоги и недопустимы пророчества, — пишет Л. Н. Юровский в первом номере «Русских ведомостей» за 1918 г. — Наш государственный корабль, как лодка захваченного вихрем рыбака в трагичном и фантастическом рассказе Эдгара По, с головокружительной быстротой скользит в бездну и никто из современников не в силах предугадать, что всплывет на поверхности взбаламученного моря, когда пройдет военный и революционный ураган. Что ожидает русское народное хозяйство? Да кто знает: может быть надо писать не о русском народном хозяйстве, а о великорусском, украинском, башкирском, молдавском, одесском и прочая, и прочая, и прочая? Не время теперь для обобщающих статей. Результаты катастрофы описывают лишь тогда, когда они закончены... Человек создает богатство, и он может быстро воссоздать разрушенное безумием. Но безумие прочно овладело Россией, и покуда оно не пройдет не только во внешних политических формах, но и в глубине человеческой души, — нам нечего и думать об экономическом преуспеянии: до тех пор наш удел — варваризация» [34, 3(16) янв.].

В других статьях Юровский пророчит новому режиму галопирующую инфляцию и дальнейший развал денежной системы страны [34, 18(31) янв.]. В этом, к несчастью, он полностью оказался прав, не зная, конечно, что всего через три с половиной года ему самому придется активно участвовать в сложнейшей операции — создании советского червонца...

А пока Л. Н. Юровский с присущим ему талантом публициста предсказывает Советской власти «крайний срок» ее существования: «Власть большевиков — захватного происхождения, методы подготовки этого захвата были демагогия и политический обман, методом осуществления новой власти является вооруженное насилие и в нем — в насилии, а не в воле большинства населения находится опора боль-

шевиков. Но все эти обстоятельства не должны заслонять нас от того факта, что с властвованием большевиков связаны интересы значительных групп населения. Пусть это — интересы сегодняшнего дня, плохо понятые выгоды невежественных людей, или даже чисто грабительские интересы тех темных сил, которые сознают себя в настоящее время безответственными за все свои преступления» [34, 8 февр.].

«Крайний срок» существования Советской власти, который виделся Л. Н. Юровскому, — лето 1918 г. В конце марта за публикацию статьи Бориса Савинкова «Русские ведомости» были прикрыты. Вместо них вскоре стала выходить «Свобода России». Но взгляды Юровского на происходящее в стране не изменились и после этого. В своих статьях он требует отмены хлебной монополии государства, призывает к свободной торговле хлебом, указывает на вызревание в перспективе «новой буржуазии».

«Крайний срок» прошел — Советская власть, вопреки прогнозу Л. Н. Юровского, продолжала существовать. Леонид Наумович начинает профессорствовать в Саратовском университете. Теперь он уже не делает каких-либо прогнозов и воздерживается от публицистических выступлений в печати с критикой новой власти и ее политики. В его и Н. Д. Кондратьева биографиях начинается новый, мучительно трудный этап переосмысления свершившихся в стране изменений и определения своего места в новой России.

1. ЦГАНХ СССР. — Ф. 7733. — Оп. 18. — Д. 4161. — Л. 9.

2. Гайсинский М. Борьба большевиков за крестьянство в 1917 г. Всероссийские съезды Советов крестьянских депутатов. — М.: Изд-во Комм. академии, 1928.

3. Известия Костромского губернского земства. — 1917. — № 18.

4. Протоколы третьего съезда партии социалистов-революционеров, состоявшегося в Москве 25 мая — 4 июня 1917 года: Стенограф. отчет. — Пг.: Изд. ЦК партии соц.-рев., 1917.

5. Юровский Л. Из предварительных итогов//Русские ведомости. — 1917. — 15 авг.

6. О крупных крестьянских хозяйствах. Доклады Н. Д. Кондратьева и Н. П. Макарова и прения по ним (Труды Комиссии по подготовке земельной реформы. — Вып. III. — Пг.: Просвещение, [1917]).

7. Кондратьев Н. Д. Аграрный вопрос о земле и земельных порядках. — М.: Универсальн. биб-ка, [1917].

8. ЦГИА г. Ленинграда. — Ф. 14. — Оп. 3 — Д. 14599. — Л. 2.

9. Русские ведомости. — 1917.

10. ЦГАОР СССР. — Ф. 1783. — Оп. 1.

11. Отто Юльевич Шмидт: жизнь и деятельность. — М.: Изд-во АН СССР, 1959.

12. ЦГИА г. Москвы. — Ф. 417. — Оп. 4. — Д. 311. — Л. 16.

13. Известия по продовольственному делу. — 1917. — № 2 (23).

14. Московские новости. — 1989.

15. Родина. — 1989.

16. Цит. по: Волобуев П. В. Экономическая политика Временного правительства. — М.: Изд-во АН СССР, 1962.

17. Минц И. И. История Великого Октября. — В 3 т. — 2-е изд. — Т. 3. — М.: Наука, 1979.

18. Временное правительство после Октября//Красный архив. — 1924.

19. ГАСО. — Ф. 393. — Оп. 1.

20. Бабурин Д. С. Наркомпрод в первые годы Советской власти//Исторические записки. — 1957. — Т. 61.

21. Орлов Н. Продовольственная работа Советской власти. К годовщине Октябрьской революции. — М.: Изд-во Нар. ком. продовольствия, 1918.

22. Хлебная монополия и наша продовольственная система (Декреты, узаконения, постановления и т. п.). — М., 1918.

23. Продовольственное дело. — 1917. — № 29—30.

24. Всероссийский продовольственный съезд в Москве 18—24 ноября 1917 г.: Стенограф. отчет. — М.: Изд. Всероссийского Совета продовольствия, 1918.

25. Триумфальное шествие Советской власти: До-

кументы и материалы. — Ч. I. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.

26. Давыдов М. И. Борьба за хлеб. Продовольственная политика Коммунистической партии и Советского государства в годы гражданской войны (1917—1920). — М.: Мысль, 1971.

27. Утро страны Советов. — Л.: Лениздат, 1988.

28. Цит. по: Голиков Д. Л. Крах антисоветского подполья в СССР. — Кн. I. — 4-е изд. — М.: Политиздат, 1986.

29. Известия Костромского губернского земства. — 1917. — № 36.

30. Шлихтер А. На баррикадах пролетарской революции. — [Харьков]: Гос. изд-во Украины, 1927.

31. Кондратьев Н. По пути к голоду//Большевики у власти: Социально-экономические итоги октябрьского переворота. — М.: Революционная мысль, 1918.

32. Русская периодическая печать (1702—1894): Справочник. — М.: Госполитиздат, 1959.

33. Юровский Л. Перед священной войной//Русские ведомости. — 1917.

34. Юровский Л. Русское хозяйство//Русские ведомости. — 1918.

ТРУДНЫЙ ПУТЬ В НАРКОМФИН

Несмотря на стремительную государственную карьеру, даже будучи товарищем министра продовольствия, Н. Д. Кондратьев не забывал, что до сих пор числится оставленным при университете «для приготовления к профессорскому званию». Правда, бурные послеоктябрьские дни так и не позволили ему сдать магистерские экзамены. Пришлось выкроить время и подать 9 ноября декану юридического факультета прошение об оставлении его при университете еще на год и тоже при стипендии. В своем прошении Кондратьев писал, что имеет «твердое намерение не покидать научной деятельности». 8 декабря прошение было удовлетворено, однако в стипендии просителю отказали.

17 января 1918 г. оставшийся не у дел товарищ министра продовольствия получает в университете свидетельство для свободного проживания в Петрограде и его окрестностях сроком по 1 января следующего года [1]. Документально установлено, что и весной Кондратьев находится там, будучи зарегистрированным в качестве социолога [2, с. 25]. Затем он переезжает в Москву, где продолжает вести преподавательскую и научную работу, проявляет отличные организаторские способности.

Именно Николай Дмитриевич стал инициатором создания и первым руководителем Экономического отдела Центрального товарищества льноводов («Льноцентр»), председателем которого с 1916 г. был его коллега по Временному правительству — товарищ министра земледелия А. В. Чаянов. 7 июня

1918 г. на заседании Совета «Льноцентра» заслушивается доклад Кондратьева об организации Экономического отдела и предпринимаемых им работах. Совет постановил: «а) Приветствовать образование Экономического отдела, признать правильным направление его работ». Тогда же Кондратьев делает еще один доклад — об организации кооперативного льняного маслобойного производства [3, с. 9].

30 сентября 1918 г. в доме № 10 на Тверском бульваре торжественно открывается двухгодичный Кооперативный институт, основанный Советом Всероссийских кооперативных съездов. Его директором становится С. Н. Прокопович. Вместе с Н. Д. Кондратьевым на церемонии присутствуют его дореволюционные знакомые и коллеги — С. Л. Маслов, А. В. Чаянов, П. А. Садырин. Как и Николай Дмитриевич, первые двое входят в Попечительский совет института от «Льноцентра» [4].

Несмотря на членство в Попечительском совете, Кондратьеву места в институте не нашлось. Однако Народный университет имени А. Л. Шанявского от услуг молодого преподавателя не отказался. Имели на него виды и другие высшие учебные заведения.

3 сентября 1918 г. ректор только что открытого Нижегородского университета разослал во многие университеты и институты России уведомление о наличии ряда вакантных кафедр, в том числе кафедры политэкономии и статистики агрономического факультета. Ответ нужно было дать «в спешном порядке» [5, д. 10, л. 8]. Кондратьев сообщил в Нижний Новгород о своем принципиальном согласии, но при этом оговорил для себя право «обдумать предложение всесторонне». «В этом предложении для меня есть много привлекательного, — писал Николай Дмитриевич в Петроград А. С. Лаппо-Данилевскому, спрашивая совета и прося о поддержке. — Это возвращает меня ⟨...⟩ полностью к научной жизни. Но у меня есть и опасения. Я не знаю — имею ли я моральное право на занятие кафедры, не получив проверки своих знаний хотя бы на магистерском экзамене. И я не знаю также, не делаю ли я легкомысленный шаг в глазах по крайней мере наиболее уважаемых мною представителей академической жизни ⟨...⟩ Несмотря на глубокую веру в будущее, на

все желание отдаться научным проблемам, на душе очень тяжело» [6, от 19 окт. 1918 г.].

По рекомендации А. С. Лаппо-Данилевского он подает заявление о согласии условно выставить свою кандидатуру для занятия кафедры политэкономии и статистики в Нижегородский университет. 29 октября Совет агрономического факультета избирает Кондратьева на эту должность, 14 ноября решение утверждается Советом университета [5, д. 6, л. 125 об.; д. 31, л. 45]. Вскоре новоиспеченный 26-летний профессор Нижегородского университета получает извещение о своем единогласном и безусловном избрании. Подобная поспешность настораживает его и побуждает навести у сведущих людей справки о характере Нижегородского университета, показавшие, что это «предприятие не солидное и возникло оно не совсем приемлемым путем». Кроме того, Николая Дмитриевича смущает информация об отсутствии в Нижнем библиотеки, в которой можно было бы продолжать занятия научной работой.

Было очень неприятно, но Кондратьев послал уведомление об отказе принять должность профессора кафедры политэкономии и статистики Нижегородского университета. 26 ноября Совет агрономического факультета принимает его отказ от должности [5, д. 492, л. 71].

Еще не зная об этом, Николай Дмитриевич в письме от 19 ноября сообщает А. С. Лаппо-Данилевскому о своем решении и его мотивах. Он пишет также, что ему пока не удалось близко узнать академическую среду Москвы. Наиболее крупных московских экономистов в городе тогда или не было, или познакомиться с ними не представилась возможность. «Прочие же представители экономич[еской] науки — какие-то все «кустарные». Не чувствуется влияния научного поиска, ориентировки в последних данных науки. Особенно мало образованности в области философии и методологии. (Я не говорю о философах-специалистах и о специалистах в сфере общественных наук.) И это тяжело чувствовать. Тип Московского ученого иной, чем Петроградского. Я ближе понимаю последний. Московский ученый слишком близко стоит к практике и слишком практически мыслит. Но он несомненно самобытнее и

лучше отражает русскую науку. В Петрограде сильно влияние не только Европы, но и немцев» [6, от 19 нояб. 1918 г.].

И хотя А. С. Лаппо-Данилевский предлагал к зиме вернуться в Петроград для работы в Социологическом обществе имени М. М. Ковалевского, Кондратьев остается в Москве. Он думал, что это временно, до поры. Но судьба распорядилась иначе.

В Москве Николай Дмитриевич продолжает вести активную научно-практическую деятельность. 17 декабря 1918 г. в Торговом отделе Московского Народного (кооперативного) банка проходит учредительное собрание Всероссийского закупочного союза сельскохозяйственной кооперации («Сельскосоюза»), положившее начало объединению сельскохозяйственной кооперации всей России. Был создан его руководящий орган — Совет объединенной сельскохозяйственной кооперации («Сельскосовет»), в состав которого (в качестве заместителя С. Л. Маслова) от «Льноцентра» вошел и Н. Д. Кондратьев. Одновременно он заведует Экономическим отделом «Сельскосовета».

16 января 1919 г. на пленарном заседании «Сельскосовета» Николай Дмитриевич делает сразу два доклада, вызвавших большой интерес слушателей, — «Задачи сельскохозяйственной кооперации по сбыту в области организации кооперативного производства» и «О льняном семени и маслобойном производстве». Через несколько дней по поручению Совета он выступает в качестве содокладчика на Промышленной конференции «Центросоюза» [7; 8, № 1—2, с. 16—17, 19—21]. На первый план в своей речи докладчик выдвинул подъем производительных сил страны и крестьянского хозяйства в особенности. В опубликованной вскоре статье «Основные вопросы промышленной деятельности сельскохозяйственной кооперации» ученый подчеркивал: «Россия, как никогда, нуждается в развитии национально-экономических производительных сил, и сельскохозяйственная кооперация рассматривает организацию собственной промышленности прежде всего как одно из самых действенных средств поднятия производительных сил крестьянского хозяйства». Он считал сельскохозяйственную кооперацию мощным фактором

«мирного социального прогресса», «нового строя аграрной России, в основу которого становится развитое и культурное трудовое крестьянское хозяйство» [8, № 3—4, с. 3—4].

Весной 1919 г., продолжая активно работать в «Сельскосовете», Николай Дмитриевич упорно готовится к сдаче магистерского экзамена в Московском университете, пишет статьи по вопросам сельскохозяйственной кооперации. В конце мая он выступает с докладом «Крестьянское хозяйство в кооперативах по сбыту» на Всероссийском кооперативно-статистическом съезде в Москве, публикует книгу «Производство и сбыт масличных семян в связи с интересами крестьянского хозяйства» (М., 1919). Тогда же он начинает преподавать в Кооперативном институте и вскоре избирается членом его Ученого совета [9].

1919 г. становится переломным в жизни Н. Д. Кондратьева. «Начиная с 1919 г., — писал он впоследствии, — я признал, что должен принять Октябрьскую революцию, потому что анализ фактов действительности и соотношение сил показали, что первое представление, которое я получал в 1917/18 г., было неправильно, и ясно, я вошел в организационную связь с Советской властью» [10, с. 89]. В это время Кондратьев подает «мотивированное заявление» и выходит из партии эсеров «официально ввиду резкого углубления разногласий с ЦК». При этом в своей краткой автобиографии он отмечает, что партийного билета «не имел никогда» [11, д. 4161, л. 7—8].

15 августа 1920 г. в Большой аудитории Политехнического музея начинается судебный процесс по делу «Тактического центра». В качестве подсудимых перед Верховным революционным трибуналом при ВЦИК предстают 28 человек, один из них — Н. Д. Кондратьев. До начала процесса арестованные содержались в Бутырке. Отсюда их доставили в канцелярию Н. В. Крыленко, который распорядился отпустить на свободу всех, за исключением 8 главных обвиняемых. Последние на суде сидели на двух скамьях в середине. Н. Д. Кондратьев и еще 19 человек, пришедшие в зал суда с воли, разместились от них отдельно [12, с. 66].

Обвинитель Н. В. Крыленко утверждал на этом процессе, что будучи членом «Союза возрождения

России», который организационно входил в контрреволюционный «Тактический центр», Н. Д. Кондратьев информировал о настроениях в эсеровских и кооперативных кругах и участвовал в совещаниях по поводу указанного «Центра». Два бывших студента юридического факультета Петроградского университета, два Николая — Крыленко и Кондратьев — впервые противостояли друг другу как прокурор и подсудимый. «Гражданин Кондратьев, — говорил в своей речи на процессе прокурор, — откровенно свидетельствовал перед Трибуналом о переломе своих убеждений, и я чувствую себя не вправе требовать для него кары. Я не хочу, чтобы гражданин Кондратьев понял меня так, что его заявление искупило его вину; я не хочу, чтоб кто-нибудь решил, что достаточно одного заявления о гражданской деятельности, чтобы со скамьи подсудимых уйти на свободу, — нет: я хотел услышать в заявлении Кондратьева нотки действительной искренности и уверен, что слышал их, и потому не требую никакого наказания в отношении Кондратьева. Точно так же — в отношении граждан Фельдштейна и Хрущевой — пусть уйдут они отсюда свободными» [13, с. 58, 78].

Проявляя гуманность к главным обвиняемым, прокурор Н. В. Крыленко в то же время пылал «революционным гневом» к старой русской интеллигенции, многие представители которой сидели сейчас перед ним на скамье подсудимых: «Интеллигенция попрала свои знамена и забросала их грязью. Она потеряла право гордиться преемственностью своей деятельности от первых пионеров русской революционной борьбы, которых считала своими родоначальниками, а себя — завершителями их воли.

Эта социальная группа отжила свой век, и, думается мне, нам нет нужды добивать отдельных ее представителей».

Поэтому прокурор предлагал ограничиться таким наказанием (в годы брежневщины крыленковское предложение станет широко внедряться в практику) главных обвиняемых, как изгнание их навсегда за пределы Советской России. «Но, если Трибунал признает, что и там они будут опасны для Рабоче-Крестьянской России, то тогда пусть Трибунал не

остановится перед подписанием им смертного приговора» [13, с. 80].

Председатель Трибунала И. К. Ксенофонтов приступает к чтению приговора. Он оказался совершенно неожиданным: вкупе с Н. Д. Кондратьевым главные обвиняемые были признаны «виновными в участии и сотрудничестве в контрреволюционных организациях, поставивших себе целью ниспровержение диктатуры пролетариата, уничтожение завоеваний Октябрьской революции и восстановление диктатуры буржуазии путем вооруженного восстания и оказания всемерной помощи Деникину, Колчаку, Юденичу и Антанте...». Председатель читал приговор дальше, дойдя до слов «...подвергнуть расстрелу...».

Это походило на жестокий спектакль: «...но, принимая во внимание их более или менее полное раскаяние, искреннее желание работать с Советской властью, а также решительное осуждение ими вооруженных белогвардейских выступлений и иностранных интервенций, заменить им расстрел...». Четверка главных обвиняемых вместо расстрела получила по 10 лет тюрьмы, хотя уже в следующем году была выпущена на свободу. Н. Д. Кондратьев заключался «в концентрационный лагерь до конца гражданской войны» [13, с. 31]. Вскоре, правда, последовала объявленная Председателем ВЦИК М. И. Калининым амнистия, но почти месяц Н. Д. Кондратьев в концлагере отсидел [11, л. 15 об., 19 об., 20].

Арест, томительное ожидание суда, суд, концлагерь — судьба щедро осыпала его ударами, вырывая ученого из привычной среды, лишая возможности заниматься любимым делом. Все это не могло пройти для него бесследно...

Выйдя на свободу, Кондратьев возвращается на работу в Петровскую сельскохозяйственную академию. Академическая комиссия, в числе членов которой был и А. В. Чаянов, рекомендовала Совету принять его в качестве «самостоятельного преподавателя» для чтения лекций на кафедру политической экономии [14, д. 162, л. 169]. В сентябре 1920 г. Кондратьев становится профессором.

Весной 1921 г. его приглашают в Народный комиссариат земледелия РСФСР на ответственную должность начальника Управления сельскохозяйст-

венной экономики и плановых работ. Кондратьев принимает это предложение, становясь активным участником Экономического совещания при Наркомземе. Он выступает с научными докладами, пристально изучает свершившиеся за годы мировой войны изменения в сельском хозяйстве России и зарубежных стран [11, д. 4161, л. 20]. От правильного осмысления этих изменений во многом зависело будущее его Родины — так Николай Дмитриевич понимал свою задачу ученого. Россия должна возродиться как мировая держава, она снова должна выйти на внешний рынок крупным экспортером сельскохозяйственной продукции. Правда, теперь это сделать будет уже не так просто — традиционные рынки, на которых когда-то доминировала Россия, захвачены другими...

Вскоре судьба снова сводит вместе Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского. Оказавшись в Саратове, Леонид Наумович профессорствует в местном университете. Когда в 1918 г. был основан Саратовский институт народного хозяйства, он становится его первым ректором, продолжая одновременно занимать кафедру политэкономии и статистики юридического факультета в университете. В 1919 г. на базе этого факультета организуется факультет общественных наук. Юровский избирается его деканом (председателем Президиума), оставаясь также ректором Института народного хозяйства [11, д. 10181, л. 3 с об.].

В Саратове Леонид Наумович знакомится с другим молодым профессором — Н. И. Вавиловым, не догадываясь, разумеется, что истории будет угодно совершенно невероятным образом связать впоследствии их имена. Сюда же, в Саратов, в 1920 г. Л. Н. Юровский приглашает из Москвы своего старого друга Н. В. Якушкина. В Институте народного хозяйства тот читает курс по теории международной торговли и торговой политике [11, д. 10258, л. 3 об.]. Как и в студенческие годы, два друга, два бывших члена товарищества «Русских ведомостей» снова вместе.

Это было суровое время — «военный коммунизм». Голод и холод, массовые смерти от эпидемий. Даже профессора Саратовского университета получа-

ли всего по 1 фунту хлеба в день. Не хватало топлива — зимой 1920 г. на дрова пошел университетский забор. Не на чем было печатать «Университетские записки». Хлопоты Юровского, Вавилова и других профессоров, вошедших вместе с ними в комиссию по организации издания этих «Записок», оказались безуспешными [15, с. 52—53, 83].

Недолго проработал в Саратове Леонид Наумович, однако саратовский период его жизни и деятельности оказался довольно плодотворным. В 1919 г. здесь вышла его солидная монография «Очерки по теории цены», вместе с женой он закончил перевод книги немецкого экономиста Г. Ф. Кнаппа «Государственная теория денег», к сожалению, почему-то так и не увидевшей свет. В Саратове Юровский изучает историю местного крупного землевладения и крепостного хозяйства (его монография «Саратовские вотчины» была опубликована в 1923 г.).

В 1920 г. он узнает о смерти матери. После самоубийства мужа она продолжала жить в Одессе и умерла в глубокой нищете. Судьба разбросала ее детей по странам и городам. Старший сын (от первого брака) Зигфрид — в Англии, Леонид — в Саратове, Ольга — в Одессе, остальные — в Москве. Но вскоре все ее дети от второго брака соберутся вместе...

Из-за постигшей Поволжье, юг Украины и Северный Кавказ засухи и надвигающейся угрозы голода 22 июня 1921 г. было решено создать при Московском обществе сельского хозяйства (МОСХ) «Общественный комитет по борьбе с голодом». Инициативную группу примерно из полусотни человек (это были в основном старые российские общественные деятели, кооператоры, специалисты сельского хозяйства, профессора Петровской сельскохозяйственной академии, писатели, артисты) возглавила жена С. Н. Прокоповича Е. Ф. Кускова. 21 июля ВЦИК принимает декрет об учреждении Всероссийского комитета помощи голодающим («Помгол») и Положение о нем. В состав комитета вошел и Н. Д. Кондратьев [16], почетным председателем был избран писатель В. Г. Короленко.

Июль — август 1921 г. в качестве одного из руководителей экспедиции, посланной для обследова-

ния положения крестьянских хозяйств, Кондратьев проводит в Верхнем Поволжье. Ярославская, Костромская, Иваново-Вознесенская губернии — во многих городах, деревнях родного края встречается и беседует он с местными рабочими, крестьянами, интеллигенцией. Почти четыре года не был здесь Николай Дмитриевич. Произошедшие за это время перемены поразили его. «Когда-то шумные и оживленные улицы городов, как Ярославль, Кинешма и др., обезлюдели, опустели, местами поросли травой, — писал он по возвращении в Москву о своих впечатлениях. — Эти типичные и когда-то бурлящие «буржуазные гнезда» в неизмеримо более разительной мере, чем Москва, превратились в тихие кладбища заколоченных лавок и магазинов; а в частности Ярославль, в кладбище полуразрушенных и заброшенных зданий и храмов — памятников старины. Правда, в некоторых из этих городов жизнь и шум ее как-будто просыпается; но просыпается в своеобразной и примитивной форме базара, толкучки с непритязательными прилавками, столиками, возами. Однако это как-то еще более оттеняет общее омертвение подлинной городской жизни... Стоят грандиозные фабрики бывш. Коновалова, Разореновых, Копорева, Морокиных, Миндовского и проч. Вместе с этим почти исчез, распался, сел по деревням и перемешался с крестьянством и др. обывателями рабочий класс, исчислявшийся здесь многими десятками тысяч.

Замерли города, затихли фабрики. Замерла и обезлюдела Волга. Уже почти не видно тянущихся по ней бесконечно плотов, не снуют и не гудят беспрерывно пароходы, замолкли песни грузчиков.

Пустынно и безлюдно...»

Но в ходе экспедиции увидел Николай Дмитриевич и другое — деревня и провинция в целом заметно выросли в «культурно-политическом отношении», обнаруживая при этом «исключительный, необыкновенный интерес к вопросам жизни». Он снова читал лекции — «о голоде», «о продналоге», «о современном положении мирового хозяйства». Несмотря на отсутствие афиш, на них специально приходили крестьяне даже из отдаленных деревень и сел. И прежде доводилось выступать в этих местах Ни-

колаю Дмитриевичу, «но никогда аудитория не была так многочисленна, так серьезно-внимательна, никогда она не была столь «демократична», как теперь», — писал он [17, с. 13, 14].

Народ в провинции уже устал от шаблонной официальной пропаганды из уст малограмотных «уполномоченных» и прочих местных начальников. Молодой профессор из Москвы, сам еще совсем недавно бывший здешним крестьянином, говорил просто, ясно, со знанием и четким пониманием излагаемых проблем. Крестьяне тянулись к лектору, по привычке ища в его словах не высказанного смысла, а каких-то намеков, перетолковывая, сопоставляя, споря с ним и между собой.

Массу вопросов задавала Николаю Дмитриевичу пытливая аудитория: «Почему в других странах был экономический подъем, а у нас нет?», «Почему там теперь жизнь дешевеет, а у нас дорожает?», «Почему иностранцы не берут до сих пор концессий?», «Почему трудно закупать хлеб за границей?», «Почему решено ввести продналог и как он определяется?», «Почему разрешается сдача в аренду?», «Чем объясняется повторение неурожаев в России и какие меры против таких неурожаев принимаются за границей?», «Чем объясняется резкое повышение железнодорожных тарифов и правда ли, что железные дороги передаются американцам?»...

После объявления новой экономической политики (нэп) не прошло еще и полугода. Измученные «военным коммунизмом», продразверсткой крестьяне с радостью восприняли идею продналога — в этом Николай Дмитриевич смог убедиться лично. Но «военно-коммунистическая» идеология еще крепко сидела в головах многих губернских, волостных и уездных начальников. С их стороны та первая перестройка в нашей экономической политике тормозилась, извращалась, даже саботировалась.

Приветствуя нэп, крестьянство тем не менее опасалось возврата к политике «военного коммунизма» и не очень торопилось браться за возрождение своего порушенного хозяйства. «Налог, налог — это все хорошо. А как высчитают его да и скажут: вот налог, его ты оставь себе, а прочее-то отдай сюда. Вот

тут и запоешь», — выразил Кондратьеву свои сомнения и опасения один из крестьян [17, с. 14].

Полученная в экспедиции информация и личные впечатления оказались полезными для дальнейшей научной и практической работы Николая Дмитриевича. Но для деятельности «Помгола» они какой-либо ценности не имели: вскоре после возвращения экспедиции в Москву «Помгол» постановлением Президиума ВЦИК от 27 августа 1921 г. был распущен. В тот же день ВЧК арестовала всех (кроме знаменитой Веры Фигнер) помголовцев, собравшихся на свое заседание в скромном особняке на Собачьей площадке. Лубянка. Тюремные камеры. Смертные приговоры шести видным деятелям комитета, отмененные лишь после вмешательства Фритьофа Нансена. Высылка всей шестерки из Москвы в губернские города России... [17, с. 206—207; 18].

Подлинная история «Помгола» и истинных причин его роспуска до сих пор так и не написана. «Правительство, вышедшее из Октябрьской революции, — писал впоследствии в эмиграции редактор помголовской газеты «Помощь» публицист и писатель М. А. Осоргин, оказавшийся в числе шести приговоренных к смертной казни, — сильное в терроре, было бессильно спасти от смерти миллионы приволжских крестьян; и оно пошло на риск, допустив в Москве образование общественного комитета с участием и представителей правительства. Если кто-нибудь успел записать краткую историю этого комитета, то он рассказал, как несколько дней оказалось достаточно, чтобы в голодные губернии отправились поезда картофеля, тонны ржи, возы овощей — из Центра и Сибири, как в кассу общественного комитета потекли отовсюду деньги, которых не хотели давать комитету официальному. Огромная работа была произведена разбитыми, но еще не вполне уничтоженными кооперативами, и общественный комитет, никакой властью не облеченный, опирающийся лишь на нравственный авторитет образовавших его лиц, посылал всюду распоряжения, которые исполнялись с готовностью и радостью всеми силами страны. Он мог спасти — и спас — миллион обреченных на ужасную смерть, но этим он мог погубить десяток правителей России, подорвав

их престиж; о нем уже заговорили, как о новой власти, которая спасет Россию. Ему уже приносили собранные пожертвования представители войсковых частей Красной Армии и милиционеры» [18, с. 132].

Получив от А. М. Горького известие о роспуске «Помгола», смертельно больной В. Г. Короленко пишет в ответ: «Вообще, история эта печальная и много повредит делу помощи голодающим. Мне в ней чувствуется политиканство и худшее из политиканств, политиканство правительственное» [19, с. 73].

Компанию арестованным и высланным из Москвы С. Н. Прокоповичу, Е. Ф. Кусковой и другим помголовцам мог тогда составить и Николай Дмитриевич. Но уже принятое решение о его высылке было отменено. В печати и в соответствующих инстанциях ему сделали «предупреждения» [10, с. 91].

Л. Н. Юровский членом «Помгола» не был, но в борьбе с голодом участие тоже принимал. Именно он на первом заседании Саратовской губернской общеплановой комиссии 25 июля 1921 г. предложил создать орган по борьбе с голодом. 5 августа Л. Н. Юровский возглавляет губернскую «Комиссию по организации общественных работ по борьбе с голодом» [20]. Однако на этом посту ему пришлось пробыть очень не долго — ученого настойчиво приглашают вернуться в Москву для ответственной работы в центральных органах Советской власти.

22 сентября 1921 г. член Коллегии Наркомфина РСФСР О. Ю. Шмидт подписывает приказ о назначении Л. Н. Юровского (с 1 сентября) консультантом Отдела общих вопросов финансовой политики Народного комиссариата финансов [21, с. 45]. 3 ноября Коллегия Центрального статистического управления РСФСР постановила принять предложение управляющего ЦСУ П. И. Попова об утверждении Л. Н. Юровского в должности заведующего Отделом иностранной статистики. 14 ноября Коллегия одобрила представленный им план работы отдела, включавший обширную программу исследований проблем, важных для Советской России [22; 23, с. 164].

Заместителем Леонида Наумовича становится

возвратившийся в Москву Н. В. Якушкин. Недолго они проработали в ЦСУ, но оставили в его истории свой след: под их редакцией был издан «Сборник статистических сведений о современном экономическом положении важнейших иностранных государств» (М., 1922). Для молодого Советского государства, начавшего налаживать и расширять свою внешнюю торговлю, эта информация имела немалую практическую ценность.

13 декабря Юровский избирается преподавателем Петровской сельскохозяйственной академии для чтения курса «Торговля сельскохозяйственными продуктами и торговая политика». Через 15 дней он уведомляет Правление Академии, что сего числа приступил к исполнению своих обязанностей по должности преподавателя Экономического отделения при кафедрах политической экономии и истории народного хозяйства [14, д. 155, л. 3,7]. Снова работают вместе Юровский и Кондратьев. Да и живут они рядом, на Арбате: в доме № 11 по Малому Николопесковскому переулку — Леонид Наумович, неподалеку — в доме № 9 по Большому Николопесковскому переулку — квартира Николая Дмитриевича. Арбатские профессора, уже вскоре вам предстоят славный путь и тяжелые испытания...

1. ЦГИА г. Ленинграда. — Ф. 14. — Оп. 1. — Д. 11087. — Л. 32, 33; Оп. 3 — Д. 14599. — Л. 8.

2. Клушин В. М. Первые ученые-марксисты Петрограда. — Л.: Лениздат, 1971.

3. Известия Центрального товарищества льноводов. — 1918. — № 11.

4. Известия Совета Всероссийских кооперативных съездов. — 1918. — № 9. — С. 3; 1919. — № 5. — С. 2.

5. ГАГО. — Ф. 377. — Оп. 1.

6. Кондратьев Н. Д. — Лаппо-Данилевскому А. С.//Личный архив Кондратьевой Е. Н.

7. Известия Центрального товарищества льноводов. — 1918. — № 22 — 23—24. — С. 3—4; Известия Центрального кооперативного товарищества льноводов. — 1919. — № 1—2. — С. 13—14.

8. Вестник сельскохозяйственной кооперации. — 1919. — № 3—4.
9. Макашева Н. А. Биографический очерк//Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. — М.: Экономика, 1989. — С. 11—12; Известия Совета Всероссийских кооперативных съездов. — 1919. — № 6—7. — С. 5.
10. Цит. по: Шкловский Г. Вредительство как метод классовой борьбы (К вопросу изучения вредительства в условиях переходной экономики). — М.: Советск. законодательство, 1931.
11. ЦГАНХ. — Ф. 7733. — Оп. 18.
12. Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. — Вып. II (Ч. III). — Париж, 1964.
13. Крыленко Н. В. Судебные речи: Избранное. — М.: Юридическ. лит-ра, 1964.
14. ЦГАОР г. Москвы. — Ф. 691. — Оп. 6.
15. Короткова Т. И. Н. И. Вавилов в Саратове (1917—1921): Документ. очерки. — Саратов: Приволжск. кн. изд-во, 1978.
16. На борьбу с голодом (Сборник статей и материалов). — М.: Гос. изд-во, 1921. — С. 129; Чемерисский И. А. Из истории классовой борьбы в 1921 г. (Всероссийский комитет помощи голодающим)//Исторические записки. — Т. 77. — М., 1965. — С. 192—196.
17. Кондратьев Н. Д. Современное хозяйство Верхнего Поволжья//Вестник сельского хозяйства. — 1921. — № 4.
18. Осоргин М. А. Времена: Автобиографическое повествование. Романы. — М.: Современник, 1989.
19. Цит. по: Родина. — 1989. — № 3.
20. ГАСО. — Ф. 466. — Оп. 2. — Д. 1. — Л. 1, 2, 3, 5 об.
21. Известия Народного комиссариата финансов. — 1921. — № 16.
22. Протоколы заседаний Коллегии Центрального статистического управления. — № 214. — 1921. — 3 нояб. — С. 3; № 216. — 1921. — 14 нояб. — С. 1—2.
23. Вестник статистики. — 1922. — Кн. X.

«ФИЛОСОФСКИЕ ПАРОХОДЫ» УХОДЯТ БЕЗ НИХ: «ПЕРВОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ»

Новая экономическая политика означала отказ руководителей Советской России от идеологии и практики «военного коммунизма», переход преимущественно к экономическим методам хозяйствования, курс на восстановление рынка. Изнуренная разрухой страна стремительно преображалась.

«Полки завалены белым хлебом, калачами, французскими булками, — так описывал Москву 1922 г. Михаил Булгаков. — Пирожные бесчисленными рядами устилают прилавки. Все это чудовищных цен. Но цены в Москве давно уже никого не пугают, и сказочные, астрономические цифры миллионов (этого слова давно уже нет в Москве, оно окончательно вытеснено словом «лимон») пропускают за день блестящие, неустанно щелкающие кассы. Выставки гастрономических магазинов поражают своей роскошью. В них горы с консервами, черная икра, семга, балык, копченая рыба, апельсины» [1, с. 137].

После перенесенных потрясений Кондратьев постепенно возвращается к активной научной и практической деятельности. В январе — феврале 1922 г. его проект натурального налога рассматривался в высших государственных органах. Николай Дмитриевич выступает в Президиуме Госплана, Верховной экономической комиссии, спорит, доказывает, предлагает. Он избирается и. о. декана экономиче-

ского отделения Петровской сельскохозяйственной академии, готовит материалы для делегации РСФСР на Генуэзской конференции. Ему даже предлагали поехать в Геную в качестве эксперта-советника по экономическим вопросам, но Николай Дмитриевич, ушедший в работу, от этого предложения отказался.

«Я ожил вновь, я вновь приобрел душевный покой, я нашел себя, которого потерял уже давно и особенно за последнее время, — писал он жене 3 февраля 1922 г. — Я вижу себя вновь тем же юным и увлекающимся, тем же мечтателем и энтузиастом, каким был на заре своего восхождения. Я не знаю, как передать тебе свою радость. С меня спала пелена, которая окутывала душу, упала с души тяжесть, которая угнетала ее» [2, от 3 февр. 1922 г.]. На следующий день он пишет ей же: «Я смело и без страха смотрю вперед. Нет жизненных невзгод, которые бы страшили меня» [2, от 4 февр. 1922 г.]. И еще через день: «Я чувствую себя день за днем

Семья Кондратьевых. Слева направо: в первом ряду — жена Н. Д. Кондратьева Евгения Давыдовна, мать Любовь Ивановна, отец Дмитрий Павлович; во втором ряду — Николай Дмитриевич, брат Александр Дмитриевич

лучше. Нет физической усталости. Проходит и психический надлом» [2, от 6 февр. 1922 г.].

Он много пишет, работает, порою забывая о времени. Наконец, 1 мая 1922 г. толстенная рукопись закончена. Это был научный подвиг. Еще осенью 1921 г. после отмененной высылки Николай Дмитриевич завершил работу над монографией «Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны» и отдал ее в издательство, где она «по крайней и ничем не оправдываемой небрежности была потеряна». У многих в подобной ситуации опустились бы руки — Н. Д. Кондратьев в короткий срок восстановил текст по сохранившимся черновикам, расширив и дополнив его новыми материалами. Своими советами автору помогал и Л. Н. Юровский [3, с. 5]. В этой книге Николай Дмитриевич впервые высказал, хотя и очень осторожно, гипотезу о существовании полувековых колебаний в капиталистической экономике — «больших циклов конъюнктуры».

Летом 1922 г. Кондратьев снова вполне мог оказаться на скамье подсудимых — начинался крупный политический процесс над видными деятелями партии эсеров. На сей раз, правда, обошлось — Е. Ф. Розмирович, жена Н. В. Крыленко, заведовавшая следственным производством Верховного Трибунала при ВЦИК по делу правых эсеров, в мае несколько раз допрашивала Николая Дмитриевича в качестве свидетеля [4, с. 18, 71—73]. Как уже *бывшему* эсеру, порвавшему к тому времени с партией и «Союзом возрождения России», обвинение Н. Д. Кондратьеву не предъявлялось...

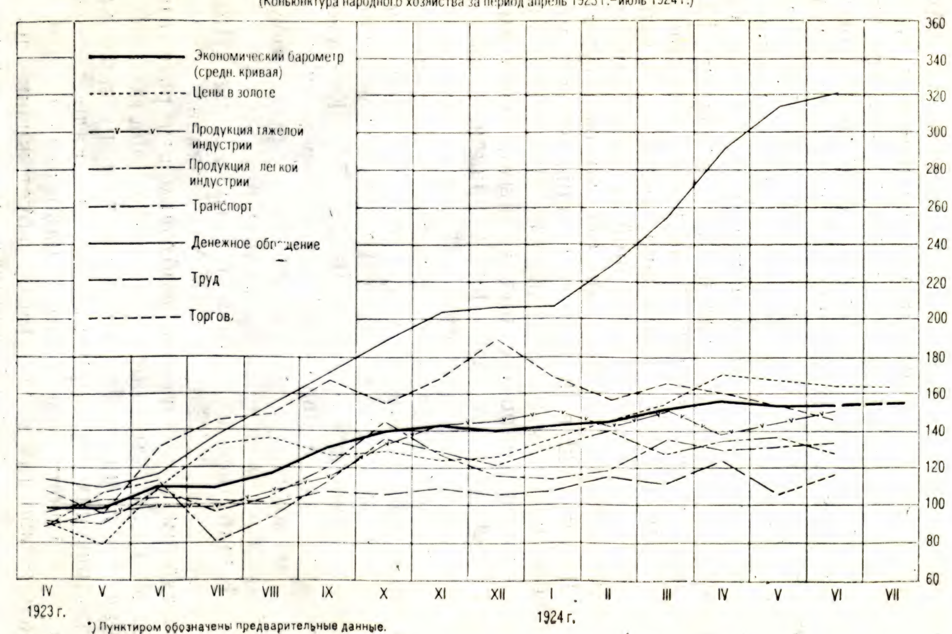
Кондратьев с восторгом встретил нэп. Выступая 18 февраля 1922 г. в МОСХ он заявил: «Здесь мы подходим к вопросу о необходимости развития русской самодеятельности и — надо поставить точку над *i* — в частности — к развитию русских капиталистических предприятий, — нам надо отстаивать свое национальное лицо и надо сказать это откровенно, ибо так идет, того требует жизнь... надо приветствовать русский капитализм, раз мы приветствуем вхождение иностранного капитала» [5, с. 128].

В этом Николай Дмитриевич был не одинок. Оставшаяся в стране часть дореволюционной российской научной интеллигенции в основной своей

Приложение к № 8 1924 г.
"Экономического Бюллетеня"
Конъюнктурного Института.

ЭКОНОМИЧЕСКИЙ БАРОМЕТР КОНЪЮНКТУРНОГО ИНСТИТУТА Н.К. Ф.*)

(Конъюнктура народного хозяйства за период апрель 1923 г.–июль 1924 г.)

*) Пунктиром обозначены предварительные данные.

массе не приняла «военный коммунизм», но в нэпе она увидела реальную возможность возрождения России как мировой державы. Для этого стране предстояло решить много сложнейших вопросов. Одним из них, как писал Л. Н. Юровский, был «вопрос о том, что стало с теми рынками, которые снабжались когда-то русскими продуктами... Чтобы явиться покупателем на внешнем рынке, Россия должна суметь вновь выступить и продавцом» [6, с. 65]. Нэп позволила решить эту задачу в кратчайшие сроки — уже вскоре в Одесском порту вновь стали грузиться русским хлебом пароходы под флагами многих стран мира...

Теперь многое зависело от русского мужика, от того, получит ли он простор для своей хозяйственной деятельности. В докладе на III Всероссийском съезде агрономов в Москве (март 1922 г.). Кондратьев так сформулировал эту задачу: «Мало предоставить хозяину свободу деятельности. Необходимо создать твердую правовую гарантию его с.-х. инициативы. В противном случае жизнь сама подведет нас к этому и поставит точку над «и». Вновь вставала проблема земельного законодательства. Оно, говорил докладчик, имеет «чрезвычайно глубокое значение для развития сельского хозяйства» и поэтому «должно быть пересмотрено в смысле установления более прочной связи хозяина с землей, в смысле большей свободы и гибкости в земельном обороте и в выборе форм земледелия» [7, с. 9, 11].

Короткий период плюрализма мнений, имевший место в самом начале нэпа, породил многочисленные частные и кооперативные издательства. В августе 1922 г. было дано разрешение на открытие 337 малых издательств в Москве и 83 в Петрограде [8, с. 21]. Один за другим стали выходить независимые журналы, вокруг которых группировалась старая российская научная интеллигенция: «Былое», «Голос минувшего», «Право и жизнь», «Мысль», «Экономист», «Экономическое возрождение»... Историки, социологи, правоведы, философы, экономисты активно обсуждали будущее России, обосновывали пути ее дальнейшего развития. Создавались новые общества, ассоциации. В Москве двумя выдающимися русскими философами — Н. А. Бердяевым и

С. Л. Франком — была основана Вольная Академия Духовной Культуры. Среди авторов «Экономического возрождения» был и Л. Н. Юровский.

Осмысливая суть свершившихся в годы революции, мировой и гражданской войн событий, эти ученые в своих устных выступлениях и публикациях высказывали точки зрения, далеко не всегда и не во всем совпадавшие с идеологическими установками пролетарской диктатуры. В тех условиях это было воспринято как «буржуазное покусительство на устои нового строя». Хотя, как все больше понятным становится сегодня, тот плюрализм мнений заведомо антисоветской направленности не имел. Была критика в адрес тех или иных мероприятий молодого государства, порою открытое несогласие с ними. Обосновывались конкретные предложения, как они виделись тогда старой научной интеллигенции, не покинувшей Родину в трудное время. В них содержалось немало разумного, конструктивного, ценного. Но даже эти предложения нередко встречались властями в штыки и отвергались как «контрреволюционные», «антисоветские», «сменовеховские».

В первом номере «Экономического возрождения» с большой статьей «Бюджет и народный доход в современной России» выступил Л. Н. Юровский. «Мы обеднели. Точнее, мы обнищали, — констатировал он. — Чтобы быть реальным политиком, нужно осознать меру этой нищеты: не только исчислить наше современное достояние и выразить его в «золотых», «довоенных» или еще каких-нибудь рублях с тем, чтобы сопоставить его затем с богатством, которым мы обладали в прошлом. Нужно овладеть действительным смыслом этих цифр и передаваемых ими явлений. А перемена судьбы, которую рисуют эти цифры, столь поразительна, что необходимо какое-то значительное душевное усилие для того, чтобы правильно ориентироваться в новой обстановке. Свершилась катастрофа, порвавшая цепь старых связей. Мы должны покинуть круг привычных представлений и вооружиться такими мерами, которые соответствовали бы новой, ныне данной действительности».

Критически анализируя государственную роспись доходов и расходов (так тогда называли госбюджет) на первые 9 месяцев 1922 г., в которой уже при ее

составлении был заложен бюджетный дефицит, Леонид Наумович прямо заявил: «Совершенное несоответствие между государственным бюджетом и государственными возможностями образует основной и важнейший факт нашей финансовой политики». Поэтому предложение Юровского было вполне обоснованным: «Лишь самые решительные мероприятия финансовой политики могли бы приблизить наш бюджет к условию наших хозяйственных возможностей. Речь должна будет очевидно идти не о работе над частностями, а об изменении всего стиля финансовых реформ... Что касается основной финансово-экономической и финансово-административной реформы, то на нее приходится смотреть не как на один из возможных путей, а как на неизбежный путь, на который мы неминуемо должны вступить, сколько бы времени мы ни провели перед этим в томительных колебаниях».

Здесь же он обосновал свои соображения относительно путей осуществления финансовой реформы: «Формы ее предопределены принципами так называемой новой экономической политики, требующими перехода от государственного хозяйства к частному хозяйству, и непременной необходимостью сближения с Западной Европой и вытекающим из этого сближения замирением. Если считать нашу экономическую политику последних лет «военным хозяйством», то преобразования должны, очевидно, исходить из мысли о ликвидации «военного хозяйства» во всех его видах» [9, с. 11—15].

Юровский доказывал, что в существующих условиях необходимо резко сократить военные расходы, тяжелым бременем ложащиеся на государственный бюджет, покончить с милитаризацией и «военно-коммунистической» организацией народного хозяйства, стимулировать частную инициативу, «разогосударствить» экономику.

Но в тот момент, когда идея грядущей мировой революции еще продолжала прочно владеть умами многих большевиков, подобные теоретические выкладки ученого были расценены критиками как злоумышления на Красную Армию. В зубодробительной статье «Контрреволюционность и детская беспомощность» резкой бранью в адрес Л. Н. Юровского

и всех других авторов «Экономического возрождения» разразился В. Н. Сарабьянов: «Как, действительно, должны ненавидеть Советскую власть г. Юровские, требуя ликвидации — полной — нашей Красной Армии, без которой нам нельзя прожить, пока англо-французские Юровские — пожалуй, поумнее — не ликвидировали своего «военного хозяйства» во всех его видах. Сколь бы корректно ни пытались экономисты — «возрожденцы» выдавать свои прокламации против Советской власти, корректность без изъянов им не дается. Наблюдательный читатель всегда усмотрит на их губах пену злобы».

Л. Н. Юровский был полностью прав в своем диагнозе болезни тогдашней советской экономики. Уже вскоре во многом именно так, как рекомендовал он, и было сделано, — армию сократили почти в 10 раз, государственные предприятия переводились на хозрасчет, получала простор частная инициатива.

Выводы и рекомендации Юровского относительно необходимости резко сократить численность Красной Армии и военные расходы как условие оздоровления финансов не были с его стороны каким-то «злоумышлением» и стремлением «разоружить молодое пролетарское государство перед лицом империалистов» и тем самым «реставрировать капитализм». Еще до Октября 1917 г. в «Русских ведомостях» Юровский говорил то же самое в адрес армии Временного правительства, видя в этом условие выхода из тогдашнего финансового кризиса, в котором оказалось правительство А. Ф. Керенского. Леонид Наумович считал, что не ученые должны оправдывать любое действие власти, а власти обязаны строить свою политику на основе выводов, к которым приходят они, ученые. Политический строй России для него теперь значения не имел, *сама же Россия* значила очень многое...

Оппоненты старой русской научной интеллигенции ее выводы и рекомендации расценили иначе. Тот же В. Н. Сарабьянов, например, свой политический донос закончил вполне недвусмысленно: «Экономическое возрождение» — прекрасный образчик того, как бывают наглы буржуазные экономисты, выступая против пролетарской революции, и как они

бесконечно наивны, когда выступают, — бывает и такое, — не сознавая своей классовой природы.

«Экономическое возрождение» обнаруживает и другое: полную безграмотность, нежелание ничему учиться той нашей интеллигенции, которая субъективно перестала уже злобствовать в отношении нас, но которая носится с этакими журнальчиками в руках и тревожно нас спрашивает: «Ну? что вы на это возразите?» Бедные головы!» [10, с. 11, 13—14, 22—23].

Журналы «Экономист» и «Экономическое возрождение» подвергались массированной атаке со стороны влиятельнейших в то время партийных и государственных деятелей — А. С. Бубнова, Г. Е. Зиновьева и ряда других. В статье «О значении воинствующего материализма», опубликованной в мартовском номере за 1922 г. журнала «Под знаменем марксизма», В. И. Ленин характеризовал «Экономист» как орган «современных крепостников, прикрывающихся, конечно, мантией научности, демократизма и т. п.» Его авторы для просвещения юношества «годятся не больше, чем заведомые растлители годились бы для роли надзирателей в учебных заведениях для младшего возраста» [11, т. 45, с. 31, 33].

19 мая того же года Председатель Совнаркома направил Ф. Э. Дзержинскому письмо, в котором «Экономист» расценивался как «явный центр белогвардейцев»: «Это, я думаю, *почти все* законнейшие кандидаты на высылку за границу.

Все это явные контрреволюционеры, пособники Антанты, организация ее слуг и шпионов и растлителей учащейся молодежи. Надо поставить дело так, чтобы этих «военных шпионов» изловить и излавливать постепенно и систематически высылать за границу» [11, т. 54, с. 365—366].

Началась тщательная подготовка к тайно планируемой операции высылки профессоров, общественных деятелей, писателей, «помогающих контрреволюции». Вскоре эта акция было осуществлена ГПУ практически.

К тому времени Кондратьев и Юровский за короткий срок лишились своих учителей и старших товарищей: умерли М. И. Туган-Барановский,

А. С. Лаппо-Данилевский, эмигрировал П. Б. Струве, оказался за границей А. А. Чупров. В ночь на 12 августа 1922 г. скончался А. С. Посников. 17 августа гроб с его телом из Петрограда был доставлен в Москву. Члены «Общества окончивших Петроградский политехнический институт» пришли почтить память первого декана его Экономического отделения. Но проститься с Учителем, человеком, который 20 лет назад привил ему любовь к науке политической экономии, Леонид Наумович, хотя и был тогда в Москве, не смог...

31 августа в «Правде» помещается большая передовая статья «Первое предостережение»: «Кадетские и эсерствующие круги интеллигенции, вообразив, что нэп дает им новую опору для контрреволюционной работы, усиленно повели таковую, поддерживая тесную связь с заграничными белогвардейцами. Советская власть, обнаружившая слишком много терпения, дала, наконец, первое предостережение: наиболее активные контрреволюционные элементы из профессоров, врачей, агрономов и пр. высылаются частью за границу, частью в северные губернии. Для рабочих и крестьян все это служит напоминаем о том, что им скорее нужно иметь свою рабоче-крестьянскую интеллигенцию... Высылка активных контрреволюционных элементов из буржуазной интеллигенции является первым предостережением Советской власти по отношению к этим слоям. Советская власть по-прежнему будет высоко ценить и всячески поддерживать тех представителей старой интеллигенции и специалистов, которые будут лояльно работать с Советской властью, как работает сейчас с ней лучшая часть специалистов. Но она по-прежнему в корне будет пресекать всякую попытку использовать советские возможности для открытой или тайной борьбы с рабоче-крестьянской властью за реставрацию буржуазно-помещичьего режима» [12, 31 авг.].

Из Петрограда в Штеттин отправились германские пароходы «Пруссия» и «Обербургомистр Хакен». Их пассажирами против своей воли стали 160 человек — ученые, врачи, общественные деятели, писатели. И «Правда» погрешила против истины, утверждая, что «среди высылаемых почти нет крупных

научных имен». Сегодня имена многих пассажиров тех «философских пароходов» вызывают огромный интерес. Так, среди высланных осенью 1922 г. [13] называют мыслителей «серебряного века русской философии» — Н. А. Бердяева и С. Л. Франка.

Пассажиры «философских пароходов» не хотели покидать Россию. Оказавшись против своей воли на чужбине, они уже не смогут никогда вернуться на Родину. Н. А. Бердяев, центральной категорией философии которого была Свобода, писал о трагедии осени 1922 г.: «Высылалась за границу целая группа писателей, ученых, общественных деятелей, которых признали безнадежными в смысле обращения в коммунистическую веру. Это была строгая мера, которая потом уже не повторялась. Я был выслан из своей родины не по политическим, а по идеологическим причинам. Когда мне сказали, что меня высылают, у меня сделалась тоска. Я не хотел эмигрировать, и у меня было отталкивание от эмиграции, с которой я не хотел слиться...» [14, с. 66].

Вместе с другими высылался и Питирим Сорокин, ставший за границей всемирно известным социологом. Давний друг Кондратьева, он в свое время оказал на него заметное влияние. Возможно, и выход Кондратьева из партии эсеров произошел также под влиянием сделавшего это раньше него П. А. Сорокина. Интересно, что Сорокин мог стать даже членом Научного общества марксистов, подав в апреле 1920 г. заявление с просьбой о приеме. Но получил отказ... [15, с. 126].

«Отправляясь в дорогу» — так назвал Питирим Сорокин свою речь, произнесенную 21 февраля 1922 г. на торжественном собрании в честь 103-й годовщины Петроградского университета. Напутствуя студентов, собравшихся в переполненном университетском актовом зале, он пророчески, как впоследствии оказалось, говорил: «Первое, что вы должны взять с собой в дорогу, — это знание, это чистую науку, обязательную для всех, кроме дураков, не лакействующую ни перед кем и не склоняющую покорно главу перед чем бы то ни было; науку, точную, как проверенный компас, безошибочно указывающую, где Истина и где Заблуждение. Берите ее в максимально большом количестве. Без нее вам не выбраться на

широкий путь истории. Но не берите суррогатов науки, тех ловко подделанных под нее псевдознаний, заблуждений, то «буржуазных», то «пролетарских», которые в изобилии преподносят вам тьмы фальсификаторов. Опыт и логика — вот те реактивы, которые помогут вам отличить одно от другого. Иных судей здесь нет. Вашим девизом в этом отношении должен служить завет Карлейля: «Истина! хотя бы небеса раздавили меня за нее! Ни малейшей фальши»! хотя бы за отступничество сулили все блаженства рая!»... Отправляясь в путь, запаситесь далее *совестью, моральными богатствами*. Не о высоких словах я говорю: они дешевы и никогда в таком изобилии не вращались на житейской бирже, как теперь, я говорю о моральных поступках, о нравственном поведении и делах. Это гораздо труднее, но это нужно сделать, ибо я не знаю ни одного великого народа, не имеющего здоровой морали в действиях. Иначе... смердяковщина и шигалевщина потопят вас. Иначе вы будете иметь ту вакханалию зверства, хищничества, мошенничества, взяточничества, обмана, лжи, спекуляции, бессовестности, тот «шакализм», в котором мы сейчас захлебываемся и выдыхаемся» [16, с. 10—13].

Ровно через год — 11 февраля 1923 г. — этот же мотив явно прозвучит и в выступлении перед студентами Петровской сельскохозяйственной академии Н. Д. Кондратьева. Формулируя главные задачи возрождения экономики и политической мощи России, он скажет: «Для предстоящей работы нужно знание. Нужно настоящее знание. Знание может быть только истинным или мистическим. И основным правилом подхода к знанию есть подход безо всяких предрассудков и предвзятых мнений» [17, с. 9]. Именно такое кредо всегда исповедовали настоящие русские ученые старой школы...

Пассажирами «философских пароходов» стали давние знакомцы Кондратьева и Юровского по их деятельности во Всероссийских Земском союзе и Союзе городов, Коммерческом институте и Народном университете имени А. Л. Шанявского, Петроградском университете, Временном правительстве, «Помголе», журналах «Экономист» и «Экономическое возрождение», кооперативных организациях. Их

высылка была оформлена только административным решением Коллегии ГПУ — без суда. В том же году за подписью тогда еще малоизвестного Г. Г. Ягоды появляется постановление об аресте и высылке за границу бывшего однокашника Л. Н. Юровского по Политехническому институту Е. И. Замятина, автора написанного вскоре знаменитого романа — антиутопии «Мы». В нем Евгений Иванович пророчески описал ужасы грядущего тоталитарного государства. Писатель был арестован, но его высылка почему-то не состоялась [18, с. 111].

Юровский и Кондратьев осенью 1922 г. лишились многих своих друзей. Их самих та горькая чаша тогда миновала, хотя «первое предостережение» непосредственным образом относилось и к ним. Они тоже были кандидатами на высылку за границу.

Еще 2 августа Кондратьев выступал на заседании сельскохозяйственной секции Госплана РСФСР, обосновывая свое понимание функций и состава Плановой комиссии Наркомзема, а 17 августа он уже был арестован ГПУ. Его доклад о методе составления бюджета, назначенный на 18 августа в Госплане, не состоялся именно по этой причине [19].

Под домашний арест был тогда заключен и Юровский. Но по ходатайству наркоматов, в которых работали оба ученых, они были освобождены из-под ареста и оставлены в России [20, с. 132]. «Философские пароходы» ушли в Германию без них...

Парадокс истории — окажись Юровский и Кондратьев в числе пассажиров «Пруссии» и «Обербургомистра Хакена», они бы не стали героями нашего рассказа, не вошли бы навсегда в историю советской экономической науки, но смогли бы прожить и творить гораздо дольше. Ведь тот же Питирим Сорокин, ставший в эмиграции «живым классиком социологии», был на три года старше Николая Дмитриевича и всего пятью годами моложе Леонида Наумовича. Но он пережил их обоих ровно на три десятка лет, написав большую часть из 40 томов своих научных трудов в эмиграции.

Не затерялись бы за рубежом и два экономиста, талант которых был подстать таланту социолога.

1. Булгаков М. А. Торговый ренессанс//Социологические исследования. — 1988. — № 1.

2. Кондратьев Н. Д. — Кондратьевой Е. Д.//Личный архив Кондратьевой Е. Н.

3. Кондратьев Н. Д. Мировое хозяйство и его конъюнктуры во время и после войны. — Вологда: Обл. отд. Гос. изд-ва, 1922.

4. Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций партии с.-р. по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и изменнических сношений с иностранными государствами. — М.: Изд. ВЦИК, 1922.

5. На аграрном фронте. — 1929. — № 11—12.

6. Юровский Л. Мировой рынок пшеницы (статистический обзор)//Вестник статистики. — 1922. — Кн. X. — № 1—4.

7. Цит. по: Батуринский Д. А. Кондратьевщина на с.-х. плановом фронте. — М.: Гос. изд-во с.-х и колх.-кооп. лит-ры, 1932.

8. На идеологическом фронте борьбы с кондратьевщиной: Сб. статей. — М.: Красная новь, 1923.

9. Юровский Л. Бюджет и народный доход в современной России//Экономическое возрождение. — 1922. — № 1.

10. Сарабьянов Вл. Контрреволюционность и детская беспомощность//Народное хозяйство. — 1922. — № 7.

11. Ленин В. И. Полн. собр. соч.

12. Первое предостережение//Правда. — 1922.

13. Вторая партия была выслана за границу несколько позже.

14. Родина. — 1989. — № 2.

15. Социологические исследования. — 1989. — № 2.

16. Утренники (Петроград). — 1922. — Кн. 1.

17. Кондратьев Н. Д. Мировое сельское хозяйство//Новая Петровка (М). — 1923. — № 3—4.

18. Литературное обозрение. — 1989. — № 8.

19. ЦГАНХ. — Ф. 478. — Оп. 2. — Д. 151. — Л. 63; Д. 168. — Л. 116.

20. Голанд Ю. Политика и экономика//Знамя. — 1990. — № 3.

АВТОР «ДЕНЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»

В марте 1922 г. в составе Народного комиссариата финансов появляется новое структурное подразделение — Валютное управление. 20 сентября заместителем начальника этого управления (должность начальника оставалась вакантной) назначается Л. Н. Юровский [1, оп. 4, д. 90, л. 2; оп. 18, д. 10181, л. 8]. Теперь не Наркомпрод, а Наркомфин является главным хозяйственным ведомством Советской России. Такова была логика нэпа. Для реализации этой политики прежде всего требовалось стабилизировать финансы.

Еще совсем недавно, в июне 1920 г., ВЦИК принял резолюцию по докладу Наркомфина РСФСР, в которой деятельность возглавляемого им ведомства, выразившуюся «в стремлении к установлению безденежных расчетов для уничтожения денежной системы», оценивал «в общем соответствующей основным задачам хозяйственного и административного развития РСФСР» [2]. Теперь Народному комиссариату финансов пришлось решать поставленную В. И. Лениным диаметрально противоположную задачу — в кратчайшие сроки добиться укрепления денежного обращения. От «эмиссионной системы», «эмиссионного хозяйства» (эти термины ввел в оборот однокашник Юровского по Экономическому отделению столичного Политехнического института С. А. Фалькнер, оппонент ряда теоретических идей Л. Н. Юровского и Н. Д. Кондратьева) требовалось перейти к здоровому денежному обращению.

Сделать это на практике было трудно. В стране продолжала бушевать рожденная в годы «военного коммунизма» гиперинфляция. Трубы фабрик Экспедиции заготовления государственных бумаг (будущего «Гознака») усиленно дымили в три смены. Здесь печатались так называемые «совзнаки», с каждым днем все больше терявшие в своей и без того мизерной покупательной силе. Счет их шел на миллионы («лимоны») и миллиарды («лимонарды»).

В нэпмановских ресторанах и с эстрадных подмостков бойкие куплетисты весело распевали:

«В магазинах чудеса: появилась колбаса.
Крику — как у сотни граммофонов.
Забегаю я в буфет — ни копейки денег нет:
Разменяйте сорок миллионов!».

Бегство от «жгущих руки» «совзнаков» в товары было повсеместным и всеобщим. Все хозяйственные предприятия того времени, по свидетельству Л. Н. Юровского, «превратились в какие-то универсальные магазины, державшие на своих складах все что угодно, лишь бы не держать в кассе падающих совзнаков...» [1, оп. 2, д. 972, л. 249 об.]. Заводы и фабрики (ну прямо как сегодня!) стремились не продавать свои товары на рынке, а напрямую обмениваться ими (ты мне — доски, я тебе — колбасу).

Экономические нравы в условиях гиперинфляции хорошо описал английский экономист Дж. М. Кейнс: «В Москве нежелание держать деньги дольше минимального времени достигает фантастической интенсивности. Когда в лавке покупается фунт сыру, то лавочник со всех ног бежит на центральный рынок со своими рублями, чтобы тотчас же новой закупкой пополнить свою лавку, так как он боится, что рубль может упасть в цене, пока он добежит до рынка» [3, с. 16].

Население, измученное войной, интервенцией, «военным коммунизмом» и хорошо помнившее полноценное денежное обращение, существовавшее в России совсем недавно, ругало новую власть за безуспешные эксперименты с денежным обращением. Особенно ехидничала буржуазия: «Допусти, мол, большевиков-вахлаков к такому тонкому делу, как денежное обращение, у них все вверх ногами пойдет» [4, с. 72].

Из этой тупиковой ситуации выход мог быть только один — денежная реформа, дающая хозяйственному обороту твердое мерило стоимости и надежное средство накопления. Правда, в то время еще далеко не все большевики думали именно так. Даже в Наркомфине РСФСР были живучи остатки «военно-коммунистической» идеологии. Не случайно член Коллегии НКФ О. Ю. Шмидт активно продолжал выступать за сохранение «эмиссионной системы». Он даже вывел любопытные математические законы, следуя которым Советское государство могло бы в условиях сохранения «эмиссионного хозяйства» получать реальный доход от выпуска в обращение «совзнаков». Во время оживленной дискуссии в стенах Социалистической академии в ноябре 1922 г. Отто Юльевич доказывал свою умозрительную теоретическую идею [5]. Но это была уже как бы «теория вчерашнего дня». Ее автор мыслил все еще «военно-коммунистически». Время требовало иных, новых теоретиков.

22 октября 1922 г. на первом заседании Всероссийского съезда финансовых работников Г. Я. Сокольников в своем докладе образно охарактеризует ситуацию и стоящие перед наркомфиновцами проблемы: «Было время, когда вопросы решались штыком — это было время военного коммунизма, это время прошло, сейчас вопросы решаются не штыком, а рублем. Рублем решаются эти вопросы как в области внешних отношений, так и в области внутренних отношений, все в конце концов упирается в наш «несчастный, тоненький, колеблющийся, падающий, кувыркающийся советский рубль» [6 с. 31].

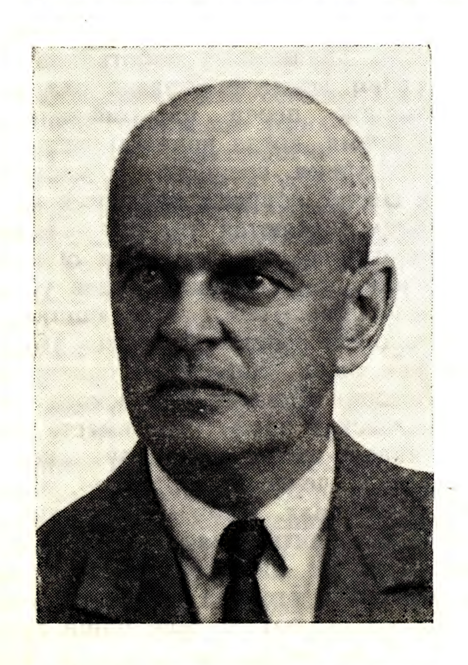
В Наркомфин были привлечены самые талантливые ученые России. Коллеги Юровского и старая русская экономическая профессура вместе со специалистами-практиками напряженно трудились над созданием советского червонца. Стране, как воздух, нужна была устойчивая денежная единица, без которой не могло возродиться народное хозяйство. Выступая в ноябре 1922 г. на IV конгрессе Коминтерна, В. И. Ленин заметил, что над решением этой сложнейшей задачи «работают лучшие наши силы...» [7, т. 45, с. 283]. В их числе был и Л. Н. Юровский, ставший одним из авторов денежной реформы и

творцов червонца, хотя сама теоретическая идея этой банкноты принадлежала не ему [8, с. 150—160].

Л. Н. Юровский не сразу принял идею введения в обращение червонца параллельно с обращением катастрофически обесценивающихся «совзнаков». Но после всестороннего обсуждения весной и летом 1922 г. в Наркомфине и Госбанке РСФСР именно Леонид Наумович стал ее активнейшим проводником в практику.

Между идеей о необходимости создания червонца и превращением его в основную денежную единицу Советского государства лежала масса организационно-практических проблем. Опыта создания такой валюты ни у Л. Н. Юровского, ни у кого-либо другого просто не было. Впрочем, его не было тогда ни у кого в мире.

Весь свой талант ученого-экономиста, ставшего крупным организатором советской кредитно-финан-

Л. Н. Юровский перед вторым арестом. Москва, 1937 г.

совой и денежной систем, отдал Леонид Наумович новой работе. Питомец «детища графа Витте», он по праву вошел в историю советских финансов как один из творцов червонца и денежной реформы 1922—1924 гг. По сложности и значимости для экономики страны эта реформа не уступала виттевской (1895—1897 гг.). Однако проводилась она в более сложных условиях. Многое приходилось решать по ходу реформы. «Поразительно, — писал впоследствии Л. Н. Юровский, — до какой степени уже по истечении короткого промежутка времени меняется та перспектива, в которой рассматриваются явления. То, что выпячивалось при проведении реформы на первый план, теперь нередко кажется лишь второстепенным элементом отошедших в прошлое событий. А то, что представлялось мало заслуживающим внимания, оказывается иногда первоначальным звеном в цепи явлений, приобретшим впоследствии крупное значение» [9, с. 6].

Подготовительную работу, связанную с созданием и выпуском червонца в обращение, непосредственно проводил Совет по эмиссионным делам Госбанка, членом которого был и Леонид Наумович как представитель Наркомфина [1, оп. 6, д. 104, л. 48].

Возглавлял Совет по эмиссионным делам А. Л. Шейнман — бывший председатель Правления Государственного банка. Кроме него и З. Г. Зангвиля в Совет вошли старые знакомые Л. Н. Юровского: бывший министр финансов Временного правительства Н. В. Некрасов, бывший товарищ министра финансов А. Г. Хрущов, бывший царский товарищ министра финансов, министр земледелия и землеустройства Н. Н. Кутлер. Теперь, забыв свои былые политические убеждения, все напряженно трудились над появлением на свет советского червонца. Это долгожданное мероприятие наркомфиновские и госбанковские специалисты не торопились форсировать и рапортовать «наверх» о его досрочном выполнении и перевыполнении. Первоначально выпуск в обращение червонцев планировалось приурочить к первой годовщине Госбанка РСФСР, начавшего свои операции 16 ноября 1921 г. Но когда по техническим причинам этого сделать не удалось, каких-либо «оргвыводов» не последовало: спешка в таком деле

неуместна. Первую червонную банкноту, после тщательных предварительных расчетов специалистов оцененную в 11400 «совзначных» рублей, Госбанк выпустил в обращение лишь 28 ноября 1922 г. [10, 28 нояб.].

Сначала червонцы искусственно «придерживались» Госбанком, тем самым создавался «червонный голод». Червонец рассматривался тогда его держателями скорее как надежная ценная бумага, чем новая денежная единица. По мере появления в каналах обращения и роста товарооборота червонец неуклонно набирал покупательную силу.

Своего первенца Совет по эмиссионным делам любовно лелеял и бережно охранял, отлично сознавая подстерегающие его опасности. Еще в декабре 1922 г. Л. Н. Юровский мудро и прозорливо писал об этом: «Не нужно закрывать глаза на то, что эта задача чрезвычайно трудна. К вновь заработавшему печатному станку протянется много рук и отчасти рук очень сильных. Соблазн расширить круг своих операций может оказаться значительным и для самого Государственного банка. Но, при ясном осознании существующих возможностей и при большей устойчивости и твердости в самоограничении, новая банкнота могла бы быть пронесена через угрожающие ей опасности ближайших лет, и, сохранившись до лучшего экономического будущего, лечь со временем в основу всего нашего денежного обращения» [11, с. 33].

Творцы червонца под руководством Г. Я. Сокольникова совершили подвиг, благодаря которому измученная страна в короткие сроки смогла встать на ноги. Иностранные и эмигрантские злопыхатели еще до выпуска в обращение червонца пророчили новой советской денежной единице неминуемый крах. Один из них — некто Антон Яковлев — в издававшемся эмигрантами в Берлине журнале «Русский экономист» 5 ноября 1922 г. писал: «Декрет о бумажных червонцах — есть акт отчаяния, последняя ставка издыхающей власти. Ставка будет бита, как была бита ставка на Геную, Урквардта, на Кемаля и т. п. Злокачественная опухоль на советском организме все более и более поражает здоровые ткани. Процесс

омертвления углубляется, ибо финансы — кровь государственного организма.

Уничтожены финансы, и организм обескровлен и умирает» [12, с. 8]. С 1 января 1924 г. были определены условия продажи червонцев за границей. Это была одна из мер ознакомления заграничных финансовых кругов с новой русской денежной единицей [10, 6 янв.].

Утром 1 марта 1923 г. в переполненном лекционном зале Делового клуба на Мясницкой, 5 собравшиеся с огромным вниманием слушали дополняющие друг друга выступления двух профессоров из Наркомфина. Л. Н. Юровский сделал доклад «Современное положение нашего денежного обращения и перспективы ближайшего будущего», выступивший за ним Н. Д. Кондратьев — «Современное положение товарного рынка и задачи его регулирования». В докладах были обоснованы основные принципы и важнейшие направления финансовой политики молодого Советского государства.

Тяжелая промышленность, цифрами и фактами доказывал Юровский, находится на государственном иждивении и требует многомиллионных дотаций из казны. Нуждается в государственной помощи, хотя бы в форме кредитов, и сельское хозяйство. Оно страдает от стеснения рынка сбыта продукции, что вызвало снижение цен на русскую рожь. Поэтому сельское хозяйство не может быть потребителем промышленной продукции. Легкая промышленность страны в значительной степени израсходовала свои оборотные средства. Выход из этой ситуации ученый видел в усиленном развитии экспорта, соединении советского внутреннего рынка с мировым рынком. Основная задача улучшения положения дел в экономике заключается не в самих финансах, а в создании благоприятных условий хозяйствования.

Н. Д. Кондратьев также говорил о том, что товарный рынок дезорганизован, его искусственно сужает огромный натуральный налог, который должен быть частично заменен денежным налогом, соответствующим платежеспособности населения. Необходимо расширение рыночного оборота. Для этого требуется создание бóльшего равновесия между ценами сельскохозяйственной и промышленной продукции.

Выход — усиленный экспорт, в первую очередь сельскохозяйственной продукции, понижение чрезмерных железнодорожных тарифов, улучшение торгового аппарата, реорганизация банковской системы, уменьшение натурального налогообложения, изменение сроков уплаты налогов, снижение себестоимости, проникновение промышленных товаров на деревенский рынок. «Только на этом основании может быть полностью разрешена проблема нашего денежного обращения» [13, с. 1; 14; 15].

Во взглядах на развитие народного хозяйства страны и способы решения стоящих на этом пути основных проблем Кондратьев и Юровский были едины. Их выводы и рекомендации легли в основу экономической политики государства. Оба становились все более влиятельными фигурами в Наркомфине. Приказом от 31 июля 1923 г., подписанным народным комиссаром финансов Г. Я. Сокольниковым и членом Коллегии НКФ СССР Н. Г. Тумановым, Л. Н. Юровский назначается начальником Валютного управления [1, оп. 18, д. 10181, л. 9]. На этом ответственном посту он, «буржуазный спец», сделает для советской финансово-кредитной системы очень многое. «Профессор Юровский, — отмечалось в подписанной 2 января 1924 г. Н. Г. Тумановым служебной характеристике, — обладает солидными теоретическими познаниями в области экономики вообще и в вопросах денежного обращения в частности. В течение последних 7 месяцев, будучи в должности начальника Валютного управления, он приобрел большой практический опыт, хорошо освоился с задачами финансовой политики Советской власти, отлично изучил финансово-экономическую конъюнктуру и является весьма пригодным в должности и руководителя Валютного управления.

Профессора Юровского нельзя характеризовать как хорошего и жесткого администратора, но тем не менее нужно совершенно определенно сказать, что он сумел внушить к себе со стороны подчиненных абсолютное уважение. Результаты руководства всей текущей работой Валютного управления определенно говорят, что он оправдал доверие, оказанное ему назначением его на должность начальника Валютного управления.

Лояльность профессора Юровского за все время его работы в должности начальника Валютного управления ко всем начинаниям Советской власти в области финансово-экономической политики вне подозрений» [1, оп. 18, д. 10181, л. 7].

К юному червонцу скоро стали проявлять интерес солидные зарубежные партнеры. «...Московские котировки червонца, — констатировал в ноябре 1923 г. директор Иностранного отдела Госбанка СССР С. К. Бельгард, — печатаются в главнейших органах европейской и американской печати... новой русской валюте посвящается ряд сочувственных статей даже в органах прессы, не благожелательной к России, — фактически результаты предпринятых мероприятий оказались гораздо большими, чем можно было ожидать, а именно, более 20 корреспондентов Государственного банка открыли у него счета в червонцах, и обороты по этим счетам достигли весьма почтенных цифр. Достаточно сказать, что за последние несколько месяцев один Ллойдс Банк приобрел от Государственного банка свыше 850.000 червонцев, и запросы из-за границы продолжают непрерывно поступать. В настоящее время можно уже определенно утверждать, что самые крупные переводы не только оплачиваются червонцами, но даже выставляются в этой валюте, тогда как еще полгода тому назад подавляющее большинство переводов и выставлялось в иностранной валюте и в ней же оплачивалось. В дальнейшем можно рассчитывать на полное вытеснение из оборота наличной иностранной валюты, ибо сведения о выгодности переводов в червонцах распространяются Государственным банком не только за границей, но и в России. Благодаря этому получатели переводов в России пишут отправителям за границу, прося их не высылать им больше наличной валюты, а присылать исключительно червонцы» [16, 15 нояб., с. 5].

Сегодня в это трудно поверить, но к концу 1923 — началу 1924 г. советская экономика подверглась «золото-валютной инфляции» (термин того времени): в страну буквально хлынул поток иностранного золота и валюты. Возникшая проблема оживленно обсуждалась. Вот, например, что писал в «Финансовой газете» Г. Я. Рохович: «Ведь мы все время только и

мечтали о привлечении к нам иностранных капиталов, иностранной валюты, какими угодно способами, хотя бы посредством концессий и займов. А теперь, когда мы собственными усилиями при некотором подъеме производительных сил страны добились прилива иностранного золота, мы сидим и горько плачем: «Что нам делать с этой проклятой валютой?». Это напоминает нам 1909 г., когда после целого ряда неурожайных лет природа, наконец, подарила хороший урожай, вся царская бюрократия завопила: «Что нам делать с этим проклятым урожаем?» [10, 18 апр.].

Даже в частном обороте червонец вскоре изгнал золотую царской чеканки десятку, в значительной степени заменив ее и в роли средства накопления. Вместо счета на реальную золотую монету в обиходе сам собой появился счет на червонцы. Этому способствовал декрет Совнаркома «О чеканке золотых червонцев», принятый 26 октября 1922 г.: «Поручить Народному Комиссариату Финансов приступить к чеканке золотой монеты, именуемой червонцем и содержащей один золотник семьдесят восемь целых и двадцать четыре сотых долей (1 зол. 78,24 долей) чистого золота» [17, 1922, № 66, ст. 876].

В июле 1923 г. во время работы второй сессии ВЦИК в огромном коридоре Большого Кремлевского дворца руководимое Л. Н. Юровским Управление НКФ СССР организовало привлекшую всеобщее внимание депутатов выставку. На ней были представлены наиболее крупные отделы Валютного управления: Металлфонд, Монетный двор, Особая часть по реализации госзаймов, Гознак. Были выставлены цветные фотографии всех ценностей Алмазного фонда, а также золотых червонцев чекана 1923 г. и серебряной монеты образца 1921 г. К этим витринам посетителей влекла не только красота экспонатов, но и то, что «они являются убедительным аргументом растущей экономической мощи Пролетарской республики», — сообщалось в «Информационном бюллетене Наркомфина» [18, с. 1].

Вскоре золото-валютное обеспечение советского червонца было продемонстрировано всему миру. 14 сентября 1923 г. дипломатический корпус в Москве был приглашен в полном составе на осмотр де-

нежных кладовых Государственного банка РСФСР. Дипломатам показали все золото центрального эмиссионного банка, являвшееся обеспечением червонца. Иностранцы ходили по кладовым и комнатам, в которых хранились ценности, внимательно рассматривая сотни стандартных мешков с золотой монетой дореволюционного и иностранного чеканов, шкафы и стеллажи со слитками золота. Пожелавшим лично удостовериться в реальности желтого металла дипломатам были тут же вскрыты указанные ими мешки с монетой — их содержимое оказалось в полном соответствии с обозначенным в описях [19, с. 12—13]. Червонец действительно имел реальное золотое обеспечение, о чем и сообщили из Москвы своим правительствам иностранные гости.

Одновременно с появлением в обращении бумажных червонцев чеканились и червонцы из золота. В 1924 г. на восстановленном Ленинградском монетном дворе их было начеканено из золота 900-й пробы 1 млн. 638 тыс. кружков [1, оп. 2, д. 237, л. 240]. «Когда мы выпускали червонцы, — напишет в том же году заместитель Л. Н. Юровского по Валютному управлению И. О. Шлейфер, — мы дали задание чеканить золотые червонцы... но основная цель этой меры другая (не внешнеэкономическая. — *А. Е.*): мы решили для себя, что если червонец бумажный поскользнется, мы объявим: бумажный червонец обменивается на золотой, и этим мы поддержим реальную стоимость бумажного червонца» [20, с. 44—45].

Однако на внутреннем советском рынке золотые червонцы так и не появились. Все они были использованы исключительно во внешнеторговых сделках, став сегодня нумизматической редкостью. Обмена бумажных червонцев на золотые, хотя иные современные советские авторы без каких-либо оснований уверяют своих читателей в противном, ни разу не производилось.

К концу 1923 г. система параллельного обращения червонца и «совзнака» зашла в тупик: осенью возник кризис сбыта промышленных товаров, наметилось падение покупательной силы червонца, эмиссия «совзнаков» оказывалась для государства убыточной. После оживленной дискуссии, в которой при-

няли участие крупные ученые и практические работники, в Наркомфине СССР было, наконец, найдено принципиальное решение по выходу из создавшейся ситуации. И в этом тоже немаловажная заслуга Л. Н. Юровского.

1 февраля 1924 г. в секции денежного обращения и кредита наркомфиновского Института экономических исследований Леонид Наумович делает доклад «Об условиях проведения денежной реформы». Он говорит, что все мероприятия в области валютной политики последних лет, если отбросить частности и технические детали, «меньше всего представляли собой что-либо надуманное и искусственное: все они были продиктованы стихийным развитием вещей. Существует довольно примитивная точка зрения на природу червонца, которая состоит в том, что цель, достигнутая банковской эмиссией, могла бы быть достигнута и без нее, так как единственная база, на которой покоится червонец, это падающий совзнак, и можно было бы выпускать, наряду с совзнаками, твердую казначейскую валюту, каждый день прокламируя курс ее, соответствующий падению совзнака, исчисленному по какому-нибудь индексу. Эта точка зрения, пожалуй, правильна в применении к первому периоду жизни червонца, когда приходилось внедрять его мерами административно-кредитного порядка и поддерживать курс его, в значительной мере, искусственно, но не к дальнейшему времени, когда червонец сумел опереться, с одной стороны, на потребности оборота, с другой — на значительный золотой резерв Госбанка. Червонец, правда, неразменен на золото, но на червонец можно купить определенное количество иностранной валюты и, в этом смысле, он является действительным представителем золота» [1, оп. 2, д. 972, л. 249 об., 250].

Именно в этом докладе Юровский обосновал необходимость и конкретный механизм завершения денежной реформы. Обстоятельно проанализировав ситуацию в экономике, он сделал вывод: «Остается только один путь — выпуск мелких купюр денег в твердой валюте. Можно было бы, конечно, приступить к выпуску мелкой купюры червонца, но это при существовании бюджетного дефицита обозна-

чало бы позаимствование казначейства у Госбанка, во всех отношениях нежелательное. Размеров этих позаимствований в настоящее время сколько-нибудь предвидеть нельзя, и такая система привела бы к падению престижа Госбанка как внутри страны, так и за границей. Предусмотрительность и осторожность требуют того, чтобы новый рубль не был столь сильно связан с червонной валютой, и новый казначейский рубль будет этому условию удовлетворять; законодательным образом его курс не будет связан с курсом червонца, но путем банковой политики будет фиксировано определенное соотношение между ними, так как 10 рубл. новыми казначейскими билетами будут приниматься Банком как 1 червонец. Твердые казначейские деньги будут состоять не только из казначейских билетов, но и из серебряных денег — банковского серебра в 1 р. и 50 к. и разменного серебра, а также медной монеты до 5 коп. Конечно, на первых порах вполне возможно тезаврирование серебра, но затем, когда население убедится, что выпуск серебра продолжается, вряд ли оно будет продолжать припрятывать монеты, товарная ценность которых меньше номинальной. Да и в самом тезаврировании серебра не будет большого несчастья» [1, оп. 2, д. 972, л. 251 об.].

Большинство слушателей, среди которых находились крупнейшие русские знатоки денежной теории, присоединилось к мнению докладчика о неотложности реформы как выхода из того тяжелого положения, которое возникло в последний период параллельного обращения червонцев и «совзнаков».

В тот же день в «Финансовой газете» Л. Н. Юровский выступает со статьей «Пройденный путь (к реформе денежного обращения)». Проанализировав основные этапы реформы, он констатировал как главную задачу: «По-прежнему с неослабным напряжением придется добиваться увеличения государственных доходов и соблюдать в расходах величайшую бережливость. Лишь при этом условии мы благополучно придем и к пятому этапу, к окончательному упрочению денежной системы» [10, 1 февр.].

4 февраля Л. Н. Юровский в Доме сельскохозяйственных кооперативных центров делает обширный

доклад о денежной реформе на совещании руководителей главных кооперативных органов страны. «Совещание приняло постановление, в котором денежная реформа признается желательной и вполне назревшей» [10, 5 февр.]. Тогда же ЦИК и СНК СССР принимают декрет «О выпуске государственных казначейских билетов». Другим декретом (от 14 февраля) прекращалось печатание «совзнаков». В разработке этих и других правительственных документов, связанных с подготовкой и осуществлением денежной реформы, Леонид Наумович принимал непосредственное участие.

5 марта за подписями Н. Г. Туманова и Л. Н. Юровского появляется адресуемый наркомфинам союзных республик циркуляр Валютного управления. В нем указывалось: «В настоящее время формальная часть денежной реформы близится к своему завершению. Опубликованы декреты о выпуске в обращение казначейских билетов, временных бон, о чеканке и выпуске в обращение серебряной и медной монеты. Приняты меры к беспрепятственному размену казначейских билетов на червонцы, выпущена в обращение золотая монета. Остается еще декретировать выкуп совзнаков и тогда денежная реформа юридически будет закончена. Центром приняты и другие меры к обеспечению успеха денежной реформы. Выпуск в обращение казначейских билетов будет нормирован самым жестким образом во избежание инфляции, которая могла бы сорвать реформу.

В этой первоначальной стадии денежной реформы проделана почти вся работа.

Но формальной стороной дела денежная реформа не заканчивается. Ныне она вступает во вторую стадию — стадию практического проведения, и здесь уже местным органам НКФ придется напрячь все силы в борьбе за успешное завершение реформы.

Самая важная сторона реформы — это реакция на нее со стороны торгового оборота и товарного рынка. Если товарный рынок ответит на реформу повышением цен — тогда реформа будет дискредитирована с самого начала, так как это подорвет доверие к новым деньгам. Все усилия местных органов

НКФ должны поэтому направляться на борьбу за снижение товарных цен» [1, оп. 2, д. 200, л. 16].

С 10 марта «совзнаки» начали изыматься из обращения путем их выкупа за казначейские билеты по твердому курсу [17, 1924, № 32, ст. 288; № 34, ст. 308; № 45, ст. 433]. Так умер «совзнак». Ему и его творцу — печатному станку Гознака — в газетах пелась «Вечная память».

14 февраля в переполненной аудитории Политехнического музея Леонид Наумович делает еще один доклад — «Переход к твердой валюте» [10, 15 февр.]. Вот бы и нам сегодня послушать такой же...

Итак, из своего рода ценной бумаги, в качестве которой при появлении на свет червонец рассматривался населением, он все больше превращался в основную денежную единицу. «К концу 1923 года Фондовому отделу пришлось зафиксировать в своем котировальном бюллетене, что червонец не только стал деньгами, но что червонец превратился в основную валюту страны, наряду с которой советский денежный знак («совзнак». — *А. Е.*) сыграл лишь вспомогательную роль. Это нашло свое выражение в том, что с 12-го декабря 1923 г. Котировальная комиссия Фондового отдела МТБ начала котировать все ценности в червонцах, а не в советских рублях, и только курс самого червонца устанавливался по-прежнему в советских денежных знаках. Самый рынок уже раньше стал расценивать доллар, фунт стерлингов, обязательства Центрокассы и проч. непосредственно в червонцах и Котировальная комиссия приняла в данном случае к сведению и руководству лишь то, что на рынке уже произошло» [22, с. 5].

Опыт денежной реформы 1922—1924 гг. изучается во всех странах. У нас, правда, имена творцов этой реформы до последнего времени оставались преданными забвению.

По должности Л. Н. Юровский вводится также в Совет Московского городского банка и Правление Промбанка СССР [23, с. 56, 66]. Но основным местом его службы остается Валютное управление Наркомфина СССР, размещавшееся в доме № $^3/_5$ по Рыбному переулку. Своими функциями и ролью оно превосходило даже Особенную канцелярию по кре-

дитной части дореволюционного Министерства финансов России. Валютное управление ведало вопросами денежной политики и установлением монетной системы, эмиссией денежных знаков и регулированием кассовой наличности в центральных кассовых учреждениях НКФ СССР, вопросами внутреннего и внешнего кредита, надзором за кредитными учреждениями и регулированием их деятельности, осуществлением финансовых расчетов с иностранными государствами, учетом и инкассированием валютных доходов, отпуском валюты для покрытия валютной сметы, чеканкой монеты, золотосплавочным и пробирным делом, приобретением благородных металлов, хранением государственного металлического фонда и государственных ценностей, их реализацией. В состав Валютного управления входил тогда и ГОХРАН, преобразованный вскоре в Отдел валютного фонда. Он ведал хранением всего золотого запаса СССР.

Валютное управление стало отвечать также за финансирование всей золотодобывающей промышленности государства, и возглавлял это ключевое управление Л. Н. Юровский.

23 февраля 1926 г. Л. Н. Юровский утверждается членом Коллегии союзного Наркомата финансов [1, оп. 18, д. 10181, л. 10]. К тому времени Г. Я. Сокольников, подвергшийся на XIV съезде ВКП(б) нападкам и необоснованным обвинениям со стороны генсека в том, что «выступает, по сути дела, сторонником дауэсизации нашей страны» [24, с. 354], был уже снят с поста народного комиссара финансов СССР. Он, как утверждала редакционная статья в «Правде» от 25 декабря 1925 г., предлагал «экономическую программу, которая сводится к ослаблению роли крупной промышленности, к развязыванию мелкобуржуазной стихии и превращению нашей страны в аграрную колонию промышленно-капиталистических стран» [25, 1925, 25 дек.]. С уходом Сокольникова Юровский остался в Наркомфине СССР бесспорно самым авторитетным специалистом.

Леонид Наумович по-прежнему продолжает занимать все ответственные посты, но отношение к нему «наверху» заметно меняется. Это проявилось, в частности, в следующем эпизоде. 18 января 1927 г. в

Совет Труда и Обороны СССР за подписями Н. П. Брюханова и Л. Н. Юровского направляется записка «Состояние золотопромышленности и необходимые меры к подъему ее». В ней констатируется, что по размерам валовой продукции советская золотопромышленность достигла только 52% довоенной, при этом степень ее восстановления резко отстает от среднего уровня восстановления всего народного хозяйства страны. «Современная организация нашей золотопромышленности неудовлетворительна. Золотопромышленность подчинена ВСНХ СССР и ВСНХ РСФСР, равно как и местным республиканским совнархозам и даже есть предприятия, находящиеся в полном распоряжении отделов местного хозяйства. Таким образом, промышленность, требующая безусловного единства руководства и регулирования, плановых калькуляций и увязки с общим состоянием народного хозяйства, находится в состоянии раздробленности со свойственными такому состоянию отрицательными явлениями.

Организационных коррективов требует также то обстоятельство, что НКФ и Госбанк, ведомства, наиболее заинтересованные в работе золотопромышленности, до сих пор были отстранены от участия в ее управлении.

В настоящее время НКФ в согласии с ВСНХ считает своевременным и целесообразным в интересах дальнейшего развития золотопромышленности объединить существующие тресты и создать государственное акционерное общество, которое явилось бы удобной формой для установления объединенного руководства этой отраслью промышленности со стороны ВСНХ, НКФ и Госбанка» [1, оп. 4, д. 345, л. 57, 59—60].

Идея получила поддержку — вскоре было создано «Союззолото». 1 октября Н. П. Брюханов докладывает в Орграспредотдел ЦК свои соображения относительно предполагаемого персонального состава Совета «Союззолото». Разумеется, им указывалась и фамилия начальника Валютного управления [21, оп. 69, д. 412, л. 245]. Однако «наверху» решили иначе: собранию акционеров кандидатура Леонида Наумовича в числе «рекомендуемых» даже не называлась. Уже тогда вместо действительно выборов в го-

сударственных и хозяйственных органах господствовало «назначенство». Беспартийный начальник Валютного управления имел смелость выступать, хотя и в довольно осторожной форме, против подобной практики насаждения членов партии «сверху». Так, в секретной служебной записке, направленной им 4 декабря 1926 г. Н. П. Брюханову, Леонид Наумович писал: «Я считал бы правильным добиться того, чтобы при установлении в партийном порядке состава Правлений всех кредитных учреждений (т. е. тех, Правления которых устанавливаются с санкции ЦК) вопрос согласовывался с НКФ СССР, т. е. с Вами. В отдельных случаях это имеет место и теперь, однако, я думаю, что это должно иметь место в качестве общего правила».

На записке Наркомфин наложил резолюцию: «Тов. Прокофьеву.

Выясните в ЦК. Я считаю правильным предложение Юровского.

4/XII Н. Брюханов».

[1, оп. 4, д. 175, л. 12].

Однако практика «назначенства» расширялась, тем самым государственный аппарат быстро «орабочивался» и «коммунизировался» (термины того времени). Это приводило к засилью в нем некомпетентных и малограмотных чиновников, безупречных с точки зрения властей по своему «пролетарскому происхождению» и партийной принадлежности. Вот красноречивый фрагмент докладной записки «Качественный состав финансовых работников СССР к 1927/28 бюд[жетному] г[оду]», поданной 3 марта 1928 г. в Орграспредотдел ЦК инспектором Учраспредотдела НКФ СССР Галаховым: «Несмотря на достигнутые результаты в улучшении качественного состава ответственно-оперативных звеньев центрального аппарата, дальнейшее повышение их удельного веса и квалификации, а также и усиление среди них партийного влияния, с закреплением командных высот за коммунистами, должно оставаться по-прежнему первоочередной нашей задачей.

Наиболее слабыми участками в деле комплектования центрального аппарата остаются — недостаточная его партийная и социальная прослойка и слабость квалификации партийного ядра, значительно уступа-

ющего беспартийной части ответсостава». Почти 40% партийной прослойки в центральном аппарате НКФ СССР имели лишь низшее образование (удельный вес таковых среди беспартийных чиновников был в 10 раз меньше) [1, оп. 5, д. 277, л. 15—16].

Начальник Валютного управления Л. Н. Юровский был обречен: рано или поздно ему в любом случае пришлось бы покинуть свой пост в наркомате. Коммунистическую идеологию и ее экономические догмы он принять не смог из-за своего мировоззрения трезво мыслящего интеллигента дореволюционной русской экономической школы. Юровский никогда не был «флюгером», а был подлинным ученым.

Даже если бы судьбе угодно было распорядиться так, что в дальнейшем Леониду Наумовичу и не довелось совершить чего-либо значительного, то и в таком случае его имя навсегда было бы вписано в нашу историю в связи с выдающейся ролью в создании червонца и осуществлении денежной реформы 1922—1924 гг.

Велико и до сих пор так и не изучено, не систематизировано теоретическое наследие ученого, разбросанное по страницам книг, газет и журналов, бюллетеней, сборников, энциклопедий, неопубликованных докладных и служебных записок, лекций и выступлений. Характерная особенность, своего рода «фирменный знак» научных трудов Л. Н. Юровского, — огромная эрудиция, четкость мысли, образный язык изложения, отсутствие даже малейшего признака абстрактно-схоластического теоретизирования, нацеленность на анализ актуальнейших практических проблем. «Профессор Юровский блестяще владеет пером, — отмечал в рецензии на его первую после революции монографию по финансовым вопросам «На пути к денежной реформе» (М., 1924) М. Г. Бронский. — Он пишет ясно, четко и умеет точно формулировать свои мысли. Он сумел одну из труднейших проблем экономической науки представить в книжке, которая читается с увлечением и легкостью. Нет в ней ни одного лишнего слова, ни одной неясной мысли» [26, с. 383].

После этой книги в свет выходили и другие монографии Леонида Наумовича: «Современные проблемы денежной политики» (М., 1926), «Наше хозяй-

ственное положение и ближайшие задачи экономической политики» (М., 1926). В них ученый затрагивал актуальные проблемы, стоявшие перед экономикой страны. Ему многое удалось предвидеть, предсказать, но, к несчастью, практически ничего не удалось предотвратить: окончательные решения по ключевым вопросам экономической политики принимались на более высоком уровне. А там все больше начинали считаться не со специалистами, не с учеными, не с объективными экономическими законами, а с собственным пониманием потребностей и задач диктатуры пролетариата.

Со второй половины 20-х годов в стране стали нарастать кризисные явления, как в зеркале отразившие появившиеся и углубляющиеся диспропорции в народном хозяйстве. Оформившейся и крепчающей административно-командной системе управления рыночные закономерности функционирования экономики становились все больше и больше неприемлемыми. Вместо рынка на арену выходил Его Величество План. В такой — нерыночной — экономике конвертируемой денежной единице, которой фактически и являлся советский червонец, места, вполне логично, уже не было. В 1926 г. принимается правительственный декрет о запрещении вывозить советскую валюту за границу, а в 1928 г. — ввозить ее из-за рубежа. Так умер знаменитый червонец, превратившийся из банковской валюты в де факто валюту казначейскую. Теперь бреши в дефицитном госбюджете затыкались и с помощью его усиленной эмиссии. Финансовая политика, оказавшаяся поставленной на службу общеэкономической политике партийно-государственной верхушки, подрезала самые основы устойчивости червонца как конвертируемой валюты.

22 октября 1927 г. на заседании расширенного совместного совещания НКФ СССР и наркомфинов союзных республик принимается решение: «Констатируя, что в прошлом имели место случаи использования ресурсов Госбанка на удовлетворение нужд хозяйства, подлежащих покрытию из бюджетных ресурсов (финансирование НКПСа, военных заказов промышленности и т. д.), а также случаи задержки расчетов бюджета с Госбанком, — признать совер-

шенно недопустимым повторение подобных фактов, как при составлении и выполнении кредитных планов, так и при составлении и исполнении бюджета» [1, оп. 5, д. 132, л. 67 об.].

Но все эти совершенно правильные решения остались благими пожеланиями — советская экономика входила в «инфляционный штопор». В этих условиях о твердости своей денежной единицы приходилось лишь мечтать. Беды, постигшие тогда червонец, под покровом секретности и закрытости всего и вся в области советской финансовой статистики имеют место и в наше время [27, с. 91]. Последним открытым статистическим справочным изданием о состоянии советского денежного обращения является капитальный сборник «Наше денежное обращение (1917—1925)». Он был подготовлен сотрудниками НКФ СССР и опубликован в 1926 г. под редакцией Л. Н. Юровского. Сегодня это не только библиографическая редкость, но и непревзойденный образец статистического справочника подобного рода.

...С грустью наблюдает ученый процесс гибели червонца. Пользуясь своим авторитетом ученого и высокими административными постами, он борется за укрепление советской кредитно-денежной системы, выступает против экономического волюнтаризма стоящей у руля государства верхушки. «Необходимо твердо помнить, — предупреждает профессор Юровский в 1926 г., — что мы имеем очень молодую денежную систему, над которой без крупного риска нельзя производить какие-либо эксперименты... Кредитная система и работает нормально до тех пор, покуда она не стремится перераспределить большее количество реальных благ, чем то, которое в действительности существует или поддается перераспределению. Она подобна самой прекрасной девушке Франции, которая, по пословице, не может дать больше того, что у нее есть. Когда же кредитная система выходит за эти пределы, тогда и наступает инфляция со всеми ее неблагоприятными последствиями» [28, с. 41, 43].

По своим теоретическим взглядам Л. Н. Юровский всегда оставался «товарником», «рыночником». С таких позиций он и анализировал причины воз-

никновения кризисных явлений в советской экономике.

Перечитывая сегодня книги и статьи Леонида Наумовича второй половины 20-х годов, восхищаешься не столько логикой, ясностью мысли и четкостью слога, сколько выводами ученого. Они явно шли вразрез с осуществляемым власть имущими курсом на свертывание нэпа, ликвидацию рынка, централизацию всех хозяйственных процессов, экономическое ограбление крестьянства, превращение государственного кредита фактически в разновидность централизованного финансирования промышленности.

В декабрьском 1926 г. номере «Вестника финансов» Юровский выступает с большой статьей «К проблеме плана и равновесия в советской хозяйственной системе». В ней он подвергнул критическому анализу «Контрольные цифры народного хозяйства на 1926—1927 гг.», разработанные Госпланом СССР. Ученый вскрыл их несостоятельность, прежде всего теоретико-методологическую.

Полемизируя с теоретиками Госплана, этого непримиримого противника Наркомфина, Л. Н. Юровский доказал, что и в советской экономике объективно действует закон стоимости («ценности» по терминологии того времени), что по своей природе она является товарной (рыночной). Отсюда — средства восстановления и поддержания в ней равновесия, устранения возникших и усиливающихся диспропорций. Автор статьи первым в советской экономической литературе попытался решить проблему сочетания двух диаметрально противоположных начал — рынка и плана. Вот лишь некоторые теоретические положения ученого.

«Существующую систему (советскую экономику. — *А. Е.)* нельзя понять как смесь прошлой и будущей. Она есть система товарного хозяйства, но только особая его система. Нормальные плановые элементы нашего хозяйства вовсе не ликвидируют товарного хозяйства и не вытесняют его... Плановое хозяйство современной советской хозяйственной системы проводится в обстановке рынка и присущих плану закономерностей. Оно может в очень широких пределах властвовать над рынком, т. е. прово-

дит на рынке и через рынок свои задания. Но это не значит проводить их помимо рынка, не считаясь с тем, какова будет реакция со стороны рынка и каковы будут ценностные последствия хозяйственного плана».

При таком понимании сути проблемы Леонид Наумович выходит и на механизм регулирования экономики: «Мы не раз повторяли, что плановое начало в современной советской хозяйственной системе должно не только проводиться с соблюдением равновесия на рынке, но даже иметь своей целью установление того равновесия, которое устанавливается стихийно, в условиях капиталистического хозяйства» [29, 1926, № 12, с. 3, 31].

Госплан, этот верноподданнейший слуга административно-командной системы, устами своих теоретиков изрекал диаметрально противоположные идеи.

Ситуация в советском народном хозяйстве заметно ухудшалась: усиливалась инфляция, все сильнее давал о себе знать товарный голод. Образовались очереди в лавках, «рационирование» продуктов, в деревне из продажи исчезли наиболее ходкие товары. Крестьянство стало «обороняться» — сокращать привоз сельскохозяйственной продукции в город. Возник «кризис хлебозаготовок». Ускоренная индустриализация означала перекачку средств из деревни в город через механизм неэквивалентного обмена. «Уже осенью 1927 г. нарушилось снабжение городов. Повсеместно вводилась карточная система. Даже в Ленинграде, тогда еще второй столице страны, с ноября 1927 г. распределяли еду по карточкам. В Москве вскоре не стало в продаже чая, мыла, масла. Исчез белый хлеб» [30, 4 мая].

27 ноября 1927 г. в Правлении Госбанка состоялось торжественное заседание, посвященное 5-летию червонца. С юбилейной речью выступил Председатель СНК СССР А. И. Рыков. Он говорил о червонце как твердых деньгах [31, с. 1—2]. В действительности к тому времени червонец как твердая конвертируемая валюта дышал на ладан. Это была лишь бледная тень червонца 1923—1924 гг., источник былой силы которого иссяк [32].

Советская экономика утратила способность к вос-

становлению равновесия. Диспропорции в народном хозяйстве страны нарастали. Юровский много и настойчиво выступает за сокращение чрезмерного кредитования промышленности, доказывая пагубность проводимой политики. Так, 8 декабря 1927 г. на заседании Комитета банков он заявит: «Мы не можем идти дальше длительно с тем напряжением, которое есть не только напряжение нашей кредитно-денежной системы, но и всего народного хозяйства, выражающееся в нашей кредитно-денежной системе, с которым мы шли в течение 4-го квартала и отчасти еще в течение 1-го квартала и нам нужно идти дальше для того, чтобы привести в равновесие нашу кредитно-денежную систему» [1, оп. 5, д. 955]. Юровский предлагает сжать находящуюся в обращении денежную массу, сократить размеры неподкрепленного реальными ресурсами кредитования промышленности, прекратить неэквивалентный обмен между городом и деревней. А это уже «правый уклон», в который, по сталинской терминологии, впали тогда многие видные большевики. «Юровский, — напишет после гибели Леонида Наумовича крупный советский знаток денежных проблем З. В. Атлас, — являлся главой контрреволюционной «школы» в области денежного обращения: троцкисты, зиновьевцы и правые повторяли по существу его вульгарные «теории».

Практика социалистического строительства не оставила камня на камне от прогнозов этого реакционного финансиста... В коренных вопросах теории советских денег и денежной политики существовало полное единство взглядов между троцкистами и правыми, с одной стороны, и буржуазными реставраторами типа Юровского, с другой стороны» [33, с. 178].

«Троцкистская оппозиция», вскоре полностью разгромленная, обоснованно забила тревогу, предсказывая катастрофу всей экономики при сохранении взятых темпов экономического роста. «Но никакие пророчества об «инфляции» и «последовательном и неуклонном падении курса нашего червонца, — писал будущий член Коллегии НКФ СССР А. Б. Маймин, — не свернут партию с рельс пролетарско-классовой ленинской экономической полити-

ки, последовательно ведущей наше хозяйство к победе социализма над капитализмом» [34, с. 121].

В действительности страна уверенно шла к финансовому краху. Но, как у нас зачастую водится, нашлось много теоретиков, желающих оправдать безумие власть имущих и возвести нужду в ранг добродетели. Так, К. Розенталь упорно утверждал, что наличие товарного голода заложено в самой природе советской хозяйственной системы [35, с. 23—24, 28].

Как мог, Л. Н. Юровский выступал против развала финансовой системы страны, спорил, доказывал, убеждал, составлял докладные и служебные записки. Эту его работу вскоре оценили «по достоинству»: «Юровский был четким выразителем чаяний живучих остатков буржуазных слоев общества эпохи диктатуры пролетариата, — писал в 1931 г. Г. Л. Шкловский, — и этими реставрационными чаяниями он пытался давить с ответственнейших хозяйственных вышек иногда при добродушном непонимании или попустительстве ряда ответственных за Юровского партийцев. В таких условиях Юровский наносил серьезный вред, пытаясь на своем участке работы извратить четкую линию партии» [36, с. 111—112].

23 октября 1930 г. на совещании с молодыми специалистами один из выступавших ответственных чиновников аппарата Наркомфина красноречиво скажет: «Что касается вредителей, во главе Управления стоял Юровский, его помощником был Лоевецкий, оба они арестованы. Я поднимал по партийной линии вопрос, чтобы Лоевецкого со всех сторон осветить. Администраторы — Тамаркин и целый ряд других членов партии считали, что Юровский и Лоевецкий незаменимые работники» [1, оп. 8, д. 260, л. 61 об.].

Бюро партячейки НКФ СССР поставит перед всей наркоматовской общественностью важную задачу — мобилизовать вокруг «штаба по активизации научно-технической работы» весь актив специалистов, выдвиженцев, партийцев и комсомольцев, «чтобы полностью их вооружить против «правого» и «левого» оппортунизма и в борьбе за скорейшую ликвидацию последствий вредительства юровских, конд-

ратьевых, громанов и др. классовых врагов». Начнется кампания по систематизации материалов, «характеризующих работу контрреволюционных финансистов-вредителей...». Далеко не все из работавших ранее под началом Леонида Наумовича сотрудников Наркомфина примут в ней добровольное участие, не считая «своим долгом помочь разоблачению теоретической и практической «работы» вредителей» [37].

Напишут и такое: «Юровский с 1925 г. кричал об инфляции в СССР и предлагал всячески сжать размеры денежного обращения. Эта заведомо ложная оценка нашего денежного обращения имела определенную классовую подоплеку: он держал курс на такое сжатие денежного обращения, которое не в состоянии было бы удовлетворить потребности народного хозяйства, потребности индустриализации, тем самым он стремился через денежную политику задержать темпы индустриализации. Эту же цель преследовало и его требование приспособления к закону капиталистического равновесия. Классовая физиономия теории денег и денежной политики Юровского очевидна, — она преследует интерес кулаков, капиталистов; она хочет превратить наши деньги в капиталистические... Юровщина в экономике и финансах питала теоретическую мысль правых уклонистов, которые примыкают к буржуазным теориям советских денег» [38, с. 93].

Но все это будет чуть позже. А пока Леонид Наумович публикует небольшим тиражом (всего 2 тыс. экземпляров) книгу «Денежная политика Советской власти (1917—1927)» — так озаглавит профессор Юровский свою последнюю опубликованную при жизни монографию. После нее, если не считать статей в энциклопедиях, периодике и сборниках, ему в 1929 г. удастся напечатать лишь небольшое учебно-методическое пособие «Основы кредитной политики».

«Новой книге Л. Юровского..., — прозорливо отмечал в рецензии на нее Г. Я. Сокольников, — надо думать, суждено стать «классическим» трудом по истории советской политики денежного обращения. Она представляет собой прекрасный комментарий к этапам этой политики... При этом Л. Юровский сохранил объективность научного исследования, конеч-

но, поскольку она доступна «современнику»... Несмотря на специальную тему, книга написана легко — автор владеет даром очень точного и вместе с тем доступного изложения» [39, с. 117].

В монографии Леонид Наумович действительно показал себя блестящим историком. Он сумел по «горячим следам» дать убедительную периодизацию не только денежной, но и всей экономической политики Советского государства. И сделал это как настоящий ученый — непредвзято, без раболепствования перед стоящими у государственного кормила власти силами, объективно. Его оценки, порою нелицеприятные, колючие, поразительно точны. Той монографией начальник Валютного управления навсегда вписал свое имя в историю советской экономической мысли, сделал весомый вклад в ее «золотой фонд». В будущем, я убежден, достаточно будет просто сказать: Автор «Денежной политики...» — и вас отличном поймут, что речь идет о профессоре Юровском.

Поражает глубина теоретических выводов Л. Н. Юровского: «Социалистическое хозяйство мыслимо в качестве системы безденежного хозяйства с единым принципом учета или без единого принципа учета, но во всяком случае, лишь при условии связанного потребления. Мыслимо не значит целесообразно и не значит даже возможно, ибо для того, чтобы мыслимое стало возможным в обществе, необходимо, чтобы достаточные социальные силы пожелали его осуществить. Едва ли, однако, какие-либо социальные силы заинтересованы в построении хозяйственной системы, основанной на пайковом распределении, если только на этот путь не толкает военная обстановка, подобная той, которая вызвала к жизни систему военного коммунизма. Вне этой обстановки социалистическое хозяйство может быть денежным хозяйством и именно в такой форме его скорее всего и следует представлять себе в качестве рационально построенной хозяйственной системы» [9, с. 124—125].

В теоретическом плане наиболее ценное в монографии — «Заключение», где автор концентрированно излагает свои основные научные идеи, рассматривая их не как абстрактную самоцель, а как реко-

мендации ученого властям для осуществления дальнейшей хозяйственной политики. Он останавливается на ключевых моментах, формально не вступает в полемику со своими оппонентами. Но читающему «Денежную политику...» понятно, с кем из теоретиков того периода он дискутирует, от чего и кого предостерегает. Это — «антирыночники», идеологи административно-командной системы, это отчетливо вырисовывающийся курс властей на ликвидацию нэпа, на переход к внеэкономическим методам управления советским народным хозяйством.

Л. Н. Юровский очень корректно, как и подобает настоящему ученому, подает свою главную мысль: «Современник особенно легко может ошибиться, когда приходится оценивать в этом отношении историческое значение тех явлений, среди которых он сам живет. Однако, нам думается, что имеется налицо множество признаков, в силу которых современный строй СССР может и должен быть описан как система sui generis, и именно как товарно-денежная форма социалистического хозяйства, для которой характерны целевые устремления пролетарского правительства, небывалая концентрация средств производства, вытекающее из всего этого плановое управление хозяйством и вместе с тем характерны основные закономерности рынка и образования цены. Мы специально отметили сохраняющееся значение этих закономерностей, потому что хозяйственная практика не всегда достаточно считается с ними, а экономическая мысль современности склонна иногда ими пренебрегать, усматривая в них только отмирающую хозяйственную категорию. Может быть, она и отмирает в аспекте векового развития хозяйства. Но с точки зрения теоретического осмысления существующей системы это есть, на наш взгляд, не отмирающая категория, а существенный ее признак, играющий в ней роль одного из основных устоев, на которых она построена» [9, с. 376—377, 382—383].

Завершает монографию Леонид Наумович фактически изложением сути программы, которой должны следовать власти: «Задачи нашей денежной политики заключаются, таким образом, в установлении того равновесия в области цен, которое является условием ликвидации бестоварья и развития экспорта,

а также в накоплении золотых запасов для укрепления денежной системы, для упрочения хозяйственного положения страны на мировом рынке и для создания общих материальных резервов государства в наиболее ликвидной их форме. Мероприятия в этой области в обстановке товарно-денежного хозяйства должны опираться на сдержанную и очень осторожную кредитно-денежную политику, ибо только при этом условии задача может быть разрешена» [9, с. 400].

В действительности все было сделано совершенно иначе, но вины Л. Н. Юровского в том нет — это трагедия нашей истории, логичная реализация мероприятий сталинщины в рамках «курса на коренной перелом...». Разумеется, властям ученый с такими взглядами вскоре окажется ненужным. Пока же Система вынуждена была его терпеть.

Профессора Леонида Наумовича Юровского очень любили студенты. Он был блестящим педагогом, счастливо соединявшим в себе мастерство преподавателя и талант крупного ученого огромной эрудиции с широким кругом научных интересов.

Сбылось предвидение графа С. Ю. Витте, поставившего в свое время перед Экономическим отделением С.-Петербургского Политехнического института задачу «удовлетворять назревшей... потребности в лицах, подготовленных для государственной и общественной экономической деятельности, восполнить ощущаемый пробел в высшем коммерческом образовании, а также образовать необходимый контингент преподавателей для коммерческих училищ по специальным предметам...» [40, с. 26].

Многое взял у своих учителей по Alma Mater Леонид Наумович. И вполне закономерно, что в зените своей известности он стал еще и профессором Ленинградского политехнического института, в котором читал лекции о государственном кредите и руководил семинаром по денежному обращению [41, с. 332; 1, оп. 5, д. 3, л. 20 об.]. Это произошло всего через два десятка лет после того, как выпускник Юровский покинул Лесное с дипломом кандидата экономических наук.

По мере ухудшения положения дел в советском денежном обращении, усиления темпов инфляции на-

чальник Валютного управления Л. Н. Юровский все чаще и настойчивее бьет тревогу. Истинные мотивы этого еще в полной мере неизвестны, но вряд ли случайно, что с 30 октября 1928 г. его освобождают от должностей начальника Валютного управления и представителя НКФ СССР в Совете по эмиссионным делам Государственного банка. Правда, он пока остается членом Коллегии союзного Наркомфина [1, оп. 18, д. 10181, л. 15].

Работы было много: государственный бюджет трещал по всем швам. Избыточная эмиссия нарастала катастрофическими темпами. 29 января 1929 г., ознакомившись с докладной запиской одного из консультантов, в которой инфляционные излишки денежной массы за 1927—1928 бюджетный год определялись в размере всего примерно 60 млн. руб., Леонид Наумович с горьким юмором накладывает лаконичную резолюцию: «Речь идет не о таких гомеопатических излишках». Сам же он в своей записке «Финансовое положение СССР и хозяйственные планы на ближайшее время» напишет так: «Мы перешли к пайковому распределению всех существенных продуктов, что является доказательством начинающегося разложения денежной системы... Общий недостаток товаров, т. е. общая дезорганизованность рынка и необходимость прибегать к распространению товаров по планам, нарядам и карточкам есть прямое выражение денежной инфляции» [36, с. 110].

Когда со временем историки окажутся в состоянии написать более или менее обстоятельную биографию этого человека, они не смогут пройти и мимо того факта, что именно Л. Н. Юровский как теоретик стоял у истоков создания советского «Интуриста».

Стране очень нужна была иностранная валюта. 2 января 1929 г. у наркома торговли А. И. Микояна проходило крупное совещание по вопросу о привлечении в СССР иностранных туристов. Обсуждался вопрос: следует ли создать специальное акционерное общество для руководства иностранным туризмом или оставить его в ведении «Совторгфлота»? Заместитель наркома иностранных дел М. М. Литвинов выступил против акционерного общества, А. И. Микоян, напротив, энергично ратовал за его необходимость, заявив при этом, что поставит вопрос в соот-

ветствующих правительственных инстанциях. Совещание тогда не приняло конкретного решения.

На следующий день Л. Н. Юровский направляет Н. П. Брюханову докладную записку со своими соображениями: «Я лично считаю, что у этого дела есть перспективы и даже довольно крупные, но что оно совершенно не подготовлено и что даже переход от 1.500 туристов-иностранцев в 1928 г. к 10.000, которых имеется в виду принять в 1929 г., будет сопряжен с очень большими трудностями, а также, вероятно, и неприятностями. В прошлом году из 600 американцев 97 подали жалобы. Такое отношение между довольными и недовольными на Совещании признавалось сравнительно благополучным, хотя надо было бы признать, что оно свидетельствует скорее об очень неудовлетворительной постановке дела. Я высказался за то, что мы в перспективе, по крайней мере, должны иметь в виду организацию специального предприятия, которое будет заниматься этим делом, иначе к нему не удастся привлечь необходимого внимания и поставить его на надлежащую высоту. Помимо того, надо иметь в виду, что это дело нельзя вести кустарно. Швейцария, Италия, Франция получают от туристов десятки и сотни миллионов иностранной валюты, но в дело обслуживания туристов они вложили огромные средства, не меньше, чем в любую крупную отрасль промышленности.

Мы останавливаемся очень внимательно на цифре возможных получений и совершенно игнорируем пока вопрос о капитальных вложениях. Такие вложения необходимы и, я полагаю, что на них следует идти. Мне думается, что если в Правительстве будет поставлен вопрос об организации специального предприятия, то Наркомфину не следует возражать против этого, а в вопросе о придании работе надлежащего размаха и об обеспечении этого дела необходимыми средствами Наркомфину даже следовало бы взять на себя инициативу» [1, оп. 6, д. 70, л. 32 об.].

Вскоре акционерное общество «Интурист» было создано. Но и до сих пор из-за своего крохоборства и желания только качать валюту мы не имеем современной «индустрии туризма». Л. Н. Юровскому это было хорошо понятно еще более шести десятков лет назад.

В Валютном управлении происходила настоящая чехарда с начальниками, никто из которых после Л. Н. Юровского не удерживался долго в его бывшем кресле. Сам Леонид Наумович получает с 1 февраля 1929 г. новое назначение — становится начальником Планово-экономического управления (ПЭУ) НКФ СССР, оставаясь по-прежнему и членом наркомфиновской Коллегии [1, оп. 18, д. 10181, л. 15].

Решением Коллегии от 14 января 1929 г. осуществлялась серьезная реорганизация аппарата союзного Наркомфина. Предложения по новой структуре было поручено сделать Юровскому, о чем он и доложил Коллегии 4 февраля. В том же заседании Леонид Наумович делает «не подлежащий оглашению» доклад возглавляемой им комиссии о перспективах возможного прорыва доходной и расходной частей госбюджета. Заслушав его, Коллегия констатировала, «что своевременно называвшийся ею при утверждении бюджета в СНК и в других правительственных инстанциях прорыв в размере от 150 до 170 млн. руб. оказался к настоящему моменту значительно большим. Коллегия считает необходимым доложить рассмотренные в Комиссии т. Юровского цифры завтрашнему заседанию Правительственной Комиссии под председательством т. Шмидта... Просить завтра же Совнарком, в целях частичной ликвидации намечающегося недобора доходов, принять постановление о повышении акциза на хлебное вино, столовое вино и пиво, против существующих ставок на бутылку хлебного вина в размере 22 коп., на бутылку столового вина в размере 30 коп., на бутылку пива в размере 3 коп.

...Предложить Госналогу срочно подготовить проект постановления о повышении акциза с водки и пива для внесения на завтрашнее заседание Совнаркома» [1, оп. 6, д. 23, л. 27 об., 28].

На посту начальника ПЭУ Л. Н. Юровский пробыл всего 10 месяцев, но и за этот небольшой срок сделать ему удалось немало. Главные функции ПЭУ заключались в разработке основных вопросов финансового хозяйства, в составлении сводного плана и наблюдении за его реализацией. Работу в этом направлении сотрудники ПЭУ начали еще осенью 1928 г. [42, с. 7]. Начальнику ПЭУ пришлось «воевать» с

нереальными, волюнтаристскими проектами Госплана СССР. Леонид Наумович выступает с критикой госплановских контрольных цифр на различных совещаниях и в печати. Он продолжает бороться за устойчивость рубля, вскрывая пагубность для советской финансовой системы и экономики в целом намеченных темпов индустриализации. Тогда многие из его коллег по работе и науке быстро «перестроились». Их кредо стала горькая поговорка того времени: «Лучше стоять за высокие темпы, чем сидеть за низкие». Но Леонид Наумович был Ученым — так «перестраиваться» он не желал и не мог.

Нет, профессор Юровский был не против самого планирования, как это вскоре припишут ему недруги и апологеты сталинщины. Он всегда был за *реалистичные*, подкрепленные действительно имеющимися финансовыми ресурсами планы. Госплан же в своих проектах исходил из необходимости и допустимости использовать инфляционную эмиссию ничем не подкрепленных бумажноденежных знаков. Необходимость соблюдения общеэкономического равновесия была объявлена вскоре «вредительской, реставраторской идеей правых уклонистов и их подголосков-теоретиков». Серьезные нападки на начальника ПЭУ НКФ СССР вызвали два его выступления в марте 1929 г. В своей большой статье «Финансовая сторона народнохозяйственной пятилетки» в «Вестнике финансов» Л. Н. Юровский напишет: «Финансовая осуществимость пятилетки... зависит от того, будет ли иметь место предположенное в ней накопление, последнее обусловлено целиком и полностью определенным соотношением между ростом производительности труда и ростом потребления. Здесь ключ к решению финансовых затруднений и к их возникновению. Эмиссионные излишества или, наоборот, укрепление денежной системы, денежные перерасходы, или, наоборот, накопление денежных ресурсов и т. п. — все это лишь внешняя форма проявления того, что происходит именно в указанной области. С финансовой точки зрения пятилетний план может быть осуществлен при условии реализации примерно тех требований в этой сфере, которые выдвинуты в проекте Госплана с некоторым их изменением в сторону повышения».

Но, писал автор статьи, «если хозяйственный план в советских условиях не смыкается и нуждается в ресурсах, которые в нем не даны, то он не может требовать, чтобы финансовая система дополнительно нашла их. Финансы не вне народного хозяйства, не над ним, а в нем самом» [29, 1929, № 3, с. 6, 19].

С этих теоретических позиций начальник ПЭУ НКФ СССР выступит 12 марта 1929 г. на утреннем заседании V съезда Госпланов. Это было очень «громкое» выступление, явно диссонировавшее с речами остальных ораторов. Оно стало и «звездным часом» Юровского. Кажется, в советской экономической прессе не было автора, который бы не стремился тогда «разоблачить» Леонида Наумовича, «лягнуть» его за основную идею, прозвучавшую в том знаменитом выступлении. Он, разумеется, хорошо представлял себе, что отстаивать подобные «крамольные» идеи небезопасно. Но Юровский еще верил, что его речь может хоть что-либо изменить в хозяйственной политике властей. Он блестяще парировал язвительные реплики председателя Госплана Г. М. Кржижановского и ответственных чиновников его ведомства.

Как всегда, Л. Н. Юровский говорил ярко, образно, голосом отличного оратора: «Принято считать, что НКФ против *больших темпов*. И это обычно ставится ему в вину. НКФ не против больших темпов, а против того, чтобы расходы твердо устанавливались на основе неимеющихся еще средств. Он против того, чтобы для осуществления тех или иных темпов, в приходную часть оперативного плана вносились такие ресурсы, которые, может быть, будут, а может быть, и не будут существовать.

Только в этом смысле можно толковать об осторожности НКФ в отношении темпов».

Развивая свою главную мысль, оратор полемизирует с госплановским главным финансистом Г. Ф. Гринько, который вскоре станет наркомом финансов и сделает все, чтобы теоретически «разоблачить» уже арестованного «вредителя» Л. Н. Юровского [43].

Опубликованная стенограмма заседаний съезда доносит до нас сухие слова, за которыми слышится гнев выступающего с трибуны начальника ПЭУ НКФ СССР: «Ресурсом является то, что обобществленный

сектор сам создает, а финансы являются лишь одним из методов перераспределения того, что в государственном секторе уже создается. Поэтому нельзя сказать, как говорил т. Гринько, что в нашем хозяйстве то или другое начинание будет осуществлено или не осуществлено в течение того или другого периода в зависимости от того, совершит ли финансовая система удачный маневр или нет. В связи с пятилеткой вы предусматриваете уже все, не дойдя еще до финансовой системы. Обложение в сель[ском] хозяйстве установлено правительственным актом. Установлены размеры изъятия из необобществленного сектора, так как предусмотрены цена и заработная плата. Как вы хотите, чтобы финансовая система еще что-нибудь дала?» — задает риторический вопрос оратор. Из президиума председатель союзного Госплана с места бросает глубокомысленную реплику-ответ: «Кроме арифметики планирования есть еще алгебра». На что Леонид Наумович мгновенно реагирует репликой: «Я думаю, что ни алгебра, ни высшая финансовая математика не создадут тех материальных ресурсов, которые не создались в самом народном хозяйстве».

Он продолжает свою речь: «Мы знаем по прошлому опыту, как важно произвести перелом в области денежного обращения. С эмиссией у нас связываются до сих пор представления, для которых в нашей системе не должно быть места. Эмиссия даже инфляционного характера в системе частного хозяйства по временам может иметь свой смысл в качестве дополнительного способа извлечения ресурсов (хотя она всегда имеет и дезорганизующие последствия). Но какой смысл она может иметь в наших условиях, когда размер потребления в отношении рабочего класса предопределен и когда соотношения с крестьянским сектором хозяйства тоже предусматриваются планом? В этих условиях излишняя эмиссия имеет только дезорганизующее значение. Если, несмотря на это, мы продолжаем смотреть на эмиссию, как на дополнительный ресурс, то это есть последствие несовершенства нашего планирования».

Заканчивая свою речь, Леонид Наумович под аплодисменты зала произнесет фразу, за которую его тут же начнут и еще долго будут бить недруги: «Во

всяком случае с точки зрения финансовой системы можно сказать одно: дайте нам хорошую экономику и хорошие качественные показатели, а хорошие финансы сами приложатся к этому. За хорошими финансами остановки не будет, если все остальные требования пятилетки Госплана будут выполнены» [44, с. 452—453, 455—456, 458].

Но, несмотря на многочисленные потуги критиков, на все лады склонявших Л. Н. Юровского и всячески стремившихся опровергнуть главный смысл его выступления, теоретически убедительно и состоятельно ни один из них сделать этого так и не смог.

Л. Н. Юровский продолжает активно отстаивать свою позицию на заседаниях и совещаниях летом и осенью 1929 г. 31 июня при обсуждении единого финансового плана он снова говорит о «перенапряженности» финансовой системы. Выступая 7 сентября на президиуме Госплана СССР, обсуждавшем контрольные цифры на 1929/30 бюджетный год, начальник ПЭУ доказывает, что «дальше двигаться некуда» — все финансовые средства уже мобилизованы до предела. Однако руководители Госплана не согласились с предостережениями Леонида Наумовича. «Выявив недоучтенные Наркомфином резервы», Госплан в тот же день предлагает увеличить доходную часть госбюджета еще на 300 млн. руб., что и было сделано [36, с. 39—40, 111]. Инфляционная эмиссия теперь не поддавалась контролю. Стране грозила гиперинфляция.

Серебряные рубли и полтинники уходили в «земельные банки» (зарывались в землю). Хронически увеличивался дефицит госбюджета. Для его покрытия печатались все новые многомиллионные порции обесценивающихся червонцев и казначейских билетов. Государственная машина, стремясь избежать финансового краха, вынуждена была прибегнуть и к другому средству. «Еще совсем недавно Сталин заверял, что алкоголь, с помощью которого царская Россия получала полумиллиардный доход, не будет в Советской России иметь распространения. Чуть позже он изменил свою точку зрения: наивно, мол, думать, будто социализм можно построить в белых перчатках. А в сентябре 1930 г. уже прямо писал Молотову: «Нужно, по-моему, увеличить (елико воз-

можно) производство водки. Нужно отбросить ложный стыд и прямо, открыто пойти на максимальное увеличение производства водки...». И это было сделано» [25, 1988, 28 окт.].

Теперь — место впервые публикуемому архивному документу, показывающему, как было сделано это безумие. 22 октября 1930 г. наркомфинам РСФСР, УССР и БССР (копия — Центроспирту) направляется «не подлежащий оглашению» циркуляр: «В связи с осуществляемой ныне кампанией по мобилизации средств населения НКФ СССР считает необходимым обратить внимание Наркомфинов союзных республик и всех нижестоящих финорганов на особое значение в этом направлении работы по сбыту хлебного вина, особенно в сельских местностях...

Между тем до настоящего времени, несмотря на ранее данные указания НКФ СССР, заводы Центроспирта не находят действительной поддержки местных органов. Вопрос о реализации сбытовой программы по хлебному вину должен быть поставлен в центр внимания финорганов, а по их инициативе и других местных руководящих организаций, наряду с прочими вопросами по мобилизации финансовых средств. В частности, необходимо принимать решительные меры к обеспечению спиртоводочных заводов гужевым транспортом для перевозки вина, спирта и посуды, к мобилизации всех местных возможностей по сбору и скупке порожней посуды у населения, к устранению наблюдающихся и теперь административных препятствий сбыту вина — закрыванию лавок, переселению их в непригодные помещения и т. п. Энергичное содействие следует оказывать и винокуренным заводам, как поставщикам спирта для заводов Центроспирта.

Препровождая разверстку сбыта хлебного вина по республикам, областям и заводам Центроспирта, НКФ СССР просит Вас сообщить эту разверстку соответствующим финорганам, поставив перед ними задачу всемерного и активного содействия обеспечению выполнения производственного и сбытового плана по хлебному вину и доказав им, что ответственность за выполнение плана лежит и на финансовых органах.

Копии В/распоряжений просьба сообщить в НКФ СССР.

Зам. народного Комиссара Финансов СССР — Рогов.

Пом. начальника Орг. Инс. Упр. НКФ СССР — Хволес» [45, л. 10].

Еще один впервые публикуемый архивный документ — выписка из протокола № 6 заседания «финансовой тройки» Нижегородского крайисполкома от 2 декабря 1930 г.

«Слушали: 1. Телеграмму ЦК от 30-го ноября с. г.

Постановили: ⟨...⟩ 2. Имея в виду, что винокуренная промышленность в крае не выполнила своей программы и что при соответствующем нажиме и оказании ей содействия она может дать дополнительно до 20 млн. руб., — поручить Крайфо принять соответствующие меры по своевременному взысканию средств, а Крайторготделу оказывать содействие винокуренной промышленности в производственной части» [45, л. 15].

В 1919 г. английский экономист Дж. М. Кейнс опубликовал книгу «Экономические последствия Версальского мирного договора». В. И. Ленин писал: «Кейнс пришел к выводам, что Европа и весь мир с Версальским миром идут к банкротству. Кейнс вышел в отставку, он в лицо правительству бросил свою книгу и сказал: вы делаете безумие» [7, т. 41 с. 219]. Кейнса после его книги ждали блестящая государственная и академическая карьера, долгая судьба всемирно признанного мэтра. Западные государства на вес золота ценят таких ученых, основывая свою экономическую политику на их теоретических рекомендациях. Л. Н. Юровский об отставке не заявлял. Но весь смысл его письменных и устных выступлений второй половины 20-х годов сводился к предупреждению властей от движения к грядущей катастрофе. К политике водочного безумства сталинщины автор «Денежной политики Советской власти» никакого отношения не имел — после своего выступления на V съезде госпланов оставаться на свободе Леониду Наумовичу суждено было всего 16 месяцев. Хотя ему и Кондратьеву Система «включила секундомер» гораздо раньше.

Трагедия нашей истории — еще при жизни этих

двух великих ученых денежную политику Советской власти надолго стали вершить силы, ничего общего с наукой никогда не имевшие...

1. ЦГАНХ СССР. — Ф. 7733.

2. Известия ВЦИК. — 1920. — 20 июня.

3. Кейнс Дж. М. Проблема восстановления Европы. — М.: Academia», 1922.

4. Цит. по: Крицман Л. Последние дни совзнака//Социалистическое хозяйство. — 1924. — № 1.

5. Шмидт О. Математические законы денежной эмиссии//Вестник социалистической академии. — 1923. — № 3.

6. Всероссийский съезд финансовых работников. 22 октября 1922 г.: Стеногр. отчет. Заседание 1-е, 22 октября. — [М]: НКФ, Фин.-эконом. бюро, 1922.

7. Ленин В. И. Полн. собр. соч.

8. Саму идею создания червонца подал и теоретически обосновал В. В. Тарновский. Подробнее об этом человеке см. нашу статью «Идея червонца и судьба ее автора»//Экономика и организация промышленного производства. — 1990. — № 10.

9. Юровский Л. Н. Денежная политика Советской власти (1917—1927). — М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1928.

10. Финансовая газета. — 1924.

11. Юровский Л. Банкноты Государственного банка//Экономическое строительство. — 1922. — № 1.

12. Яковлев Антон. Советские бумажные червонцы (По поводу выпуска золотых «червонцев»)//Русский экономист. Еженедельный журнал, посвященный экономическому воссозданию России (Берлин). — 1922. — № 2.

13. Инфляционный бюллетень Наркомфина. — 1923. — № 1.

14. Экономическая жизнь. — 1923. — 3 марта.

15. Торгово-промышленная газета. — 1923. — 2 марта.

16. Бельгардт С. Госбанк за границей в 1922—23 гг.//Бюллетень Государственного банка СССР. — 1923. — № 3 (15 нояб.).

17. Собрание узаконений и распоряжений Рабо-

че-Крестьянского правительства Российской Социалистической Федеративной Советской Республики.

18. Информационный бюллетень Наркомфина. — 1923. — № 95 (18 июля).

19. Бюллетень Инспекции Правления Государственного банка РСФСР. — 1923. — № 18.

20. Шлейфер И. О. Денежная реформа. — М.: Изд. Финанс. газеты, 1924.

21. ЦПА ИМЛ. — .Ф. 17.

22. Юровский Л. Н. Фондовый отдел и восстановление финансов//Два года работы фондового отдела при МТБ. — М.: Изд-во Бирж. комитета МТБ, 1925.

23. Кредитный справочник на 1926 г. — М.: Кредит и хозяйство, 1926.

24. Сталин И. В. Соч. — Т. 7.

25. Правда.

26. Социалистическое хозяйство. — 1924 — Кн. II.

27. Не случайно в Программу перехода к рынку включено и «законодательное запрещение административного использования ресурсов банка для финансирования бюджета»/Переход к рынку: Концепция и Программа. — М., 1990.

28. Юровский Л. Н. Наше хозяйственное положение и ближайшие задачи экономической политики. — М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1926.

29. Вестник финансов. — 1926. — № 12.

30. Социалистическая индустрия. — 1989.

31. Бюллетень Финансово-экономического бюро Правления Госбанка СССР. — 1927. — № 11—12.

32. «...Наш червонец держится на благоприятном торговом и платежном балансе, — в этом его сила, — писал в 1925 г. Г. Я. Сокольников. — Кто этого не понимает, тот ничего не понял в червонце» (Сокольников Г. Я. Денежная реформа. — 2-е изд. — М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1925. — С. 18). Во второй половине 20-х годов этих источников силы червонца уже не было.

33. Атлас З. В. Очерки по истории денежного обращения в СССР (1917—1925). — М.: Гос. фин. изд-во, 1940.

34. Маймин А. Финансовое хозяйство СССР и оппозиция. — М. — Л.: Гос. изд-во, 1928.

35. Пути индустриализации. — 1928. — № 2.

36. Шкловский Г. Вредительство как метод клас-

совой борьбы (К вопросу изучения вредительства в условиях переходного периода). — М.: Советское законодательство, 1931.

37. Финкор (многотиражка НКФ СССР). — 1931. — 29 янв., 25 июня.

38. Морозов Ф. М. Деньги/Под ред. И. Д. Удальцова. — М.: Госфиниздат, 1933.

39. Печать и революция. — 1928. — № 3.

40. Цит. по: Данилевский В. В. История основания Ленинградского политехнического института// Труды Ленинградского политехнического института им. М. И. Калинина. — № 1. — Материалы по истории института. — Л., 1948.

41. Наука и научные работники СССР. — Ч. IV. — Научные работники Москвы. — Л.: Изд-во АН СССР, 1930.

42. Единый финансовый план на 1929—30 гг. (Материалы). — М.: Гос. фин. изд-во НКФ СССР, 1930.

43. Горькая ирония судьбы — самого Г. Ф. Гринько постигнет та же трагическая участь, что и Леонида Наумовича.

44. Плановое хозяйство, 1929.

45. ГАНО. — Ф. 975. — Оп. 1. — Д. 150.

СЕМЬ ЛЕТ ИЗ ЖИЗНИ УЧЕНОГО

Весной 1919 г. потрясенный кончиной М. И. Туган-Барановского Н. Д. Кондратьев написал в некрологе на смерть Учителя, что каждый раз тот брал для исследования одну тему, одну идею и развертывал ее во всем блеске своего таланта. «Вот почему научная работа его была творчеством «милостью Божией», скорей «игрой», чем трудом. Вот почему все сочинения его так удивительно увлекательны, так красочно написаны» [1, с. 20].

Когда из жизни суждено будет уйти ему самому, ни некролога, ни хотя бы одного доброго слова не напишет никто. Лишь командовавший расстрелом и захоронением «врагов народа» комендант-энкаведешник внесет в формуляр казненного соответствующие записи...

Для Николая Дмитриевича Кондратьева научная работа никогда не являлась «игрой» — она была его жизнью. И экономистом он стал не только «милостью Божией», но и ежедневным упорным, неистовым трудом крестьянского сына. Его статьи, выступления, монографии увлекательными, тем более — удивительно увлекательными, не назовет даже экономист-профессионал. Но любой, кто знаком с ними, поражается логике анализа, мастерству изложения материала, глобальному характеру исследуемой проблемы, всегда имеющей большую практическую значимость, и что самое главное, — истовой страстности ученого.

Сегодня о Н. Д. Кондратьеве написано гораздо больше, чем о Л. Н. Юровском. В 1989 г. в Москве

вышел сборник трудов Кондратьева «Проблемы экономической динамики». Однако и до сих пор мы не имеем однозначного ответа на вопросы: что все-таки является наиболее ценным в научном наследии этого талантливейшего и удивительно многогранного ученого? В чем именно заключается основной вклад Н. Д. Кондратьева в развитие советского народного хозяйства и советской экономической мысли? За неполные семь лет ему в науке и практической деятельности суждено было сделать столько, сколько не под силу иным крупным академическим коллективам и хозяйственникам высоких рангов за многие десятилетия. Именно по этой причине повествование о семи годах из жизни ученого, не повторяя сказанного в других главах, вынуждено будет как бы «разветвляться», иначе показать деятельность Н. Д. Кондратьева невозможно, хотя и при таком подходе можно затронуть лишь ее часть.

...Разгар гражданской войны и «военного коммунизма». Условия не то что для научной работы — для жизни в тогдашней Москве были тяжелыми: голод, обыски, аресты, реквизиции, подозрительное отношение властей к «бывшим». Только за два года (с 1 ноября 1918 г. по 1 ноября 1920 г.) ВЧК раскрыла здесь 54 «контрреволюционных организации», расстреляв за «контрреволюцию» 52 человека, арестовав за «контрреволюционную деятельность» 5171 человека, 5214 человек были заключены в концентрационные лагеря. Еще 578 человек чекисты расстреляли в виде «меры предупреждения преступления» [2, с. 13].

Большевики упорно продолжали курс на мировую революцию и грядущее торжество коммунизма во всемирном масштабе. Не веря ни в то, ни в другое, русская экономическая мысль и в этой сложнейшей обстановке продолжала идти вперед — к поискам научной истины, путей развития производительных сил России. Летом 1919 г. по инициативе профессора А. Я. Чаянова при Петровской сельскохозяйственной академии в Москве группа молодых ученых-экономистов (в нее входил и Н. Д. Кондратьев) организует Высший семинарий сельскохозяйственной экономии и политики. «Трудно, конечно, предсказать, — напишет тогда А. Я. Чаянов, ставший руководителем

Семинария, — насколько удачно пойдет работа в новом научном центре, и остается только надеяться, что группирующиеся вокруг него работники, отчетливо сознавая важность поставленной задачи, приложат все свои силы к созданию в новом семинарии действительного центра научной мысли» [3, с. 22]. Надежда Александра Васильевича полностью оправдалась. Вскоре круг научных интересов и исследований, которые проводились «семинаристами», заметно расширяется. Поэтому 20 июля 1920 г. Совет Петровской академии, заслушав доклад специально созданной комиссии под председательством В. Я. Железнова, принимает важное для развития советской экономической науки решение: образовать при Высшем семинарии институт по изучению народнохозяйственных конъюнктур [4, с. 195]. Инициатором создания этого учреждения, бывшего собственно институтом тогда лишь по названию, выступил Н. Д. Кондратьев. Да и свое официальное название его детище получило не сразу: даже в 1921 г. А. В. Чаянов пишет не об институте, а о «бюро текущего наблюдения за хозяйственной жизнью России и других стран» [5, с. 4].

Но как бы то ни было с октября коллектив энтузиастов-«конъюнктурщиков» под руководством Кондратьева, только что ставшего профессором, берется за работу. Правда, первое время Николай Дмитриевич руководит институтом как бы на «общественных началах» — основным местом его службы тогда был Народный комиссариат земледелия РСФСР (начальник Управления сельскохозяйственной экономии и плановых работ).

Дом № 10 по Тверскому бульвару, в котором с 1920 г. разместились Высший семинарий и Конъюнктурный институт, был хорошо знаком Н. Д. Кондратьеву: здесь еще совсем недавно находился упраздненный Кооперативный институт, студентам которого он читал лекции.

С переходом к нэпу Конъюнктурный институт получает широкое поле деятельности и вскоре становится известным своими исследованиями динамики товарных цен. До 1921 г. он пользовался информацией, получаемой из других источников, но затем стал добывать ее в Москве собственными силами —

Сотрудники Конъюнктурного института (1927 г.). В центре Н. Д. Кондратьев, рядом его помощница Ковальская

появились регистраторы цен. Им, как вспоминал бывший сотрудник Конъюнктурного института А. А. Конюс, «было вменено в обязанность прицениваться к товарам, выдавая себя за покупателей, и даже вступать с продавцами в торг. Таким способом регистраторы определяли ту цену, которая устанавливается в большинстве сделок, не прибегая к массовому опросу и ограничиваясь 3—4 продуктами. Работа регистраторов была очень тяжелой: приходилось подвергаться оскорблениям, иногда даже физическим, или же покупать сторгованные товары. Специальных же средств для этой цели выхлопотать, однако, не удавалось» [6, с. 95—96].

С 1921 г. регистраторы цен вели наблюдения на Смоленском, Тишинском, Сухаревском рынках Москвы. На основе полученных сведений в институте выводилась средняя арифметическая цена [7, с. 110]. В других городах цены регистрировали и оперативно сообщали в институт сотрудники местных финорганов. По итогам регистраций рассчитывались и публиковались московский, всероссийский, а затем и всесоюзный розничные индексы цен Конъюнктурного института. Последний из этих индексов представлял собой взвешенную среднеарифметическую величину изменений цен 35 товаров на рынках 40 крупнейших городов СССР, исчисленную с применением цепного метода [8, с. 88; 9, с. 179—180].

С 1 июля 1922 г. «конъюнктурщики» первыми стали исчислять по более чем 101 товару московский индекс оптовых цен. Методика и приемы расчетов постоянно совершенствовались. Эту работу, генерируя идеи, возглавлял Николай Дмитриевич.

В середине декабря 1921 г. Н. Д. Кондратьев публикует статью «К вопросу об исчислении чисел показателей» — первую в советской литературе, предметом которой были проблемы теории и методологии исчисления индексов (Index Numbers, чисел-показателей). «Как известно, — отмечал автор, — все культурные страны ведут исчисления Index Numbers. По вопросу о методах его построения и значении имеется обширная литература» [10, с. 6]. Но эта литература была иностранной. Кроме того, Россия тогда почти не имела опыта практического исчисления индексов товарных цен, хотя потребность в по-

строении таких «чисел-показателей» в условиях гиперинфляции была огромной. «...Первым по времени индексом, возникшим после Октябрьской революции, — был индекс вольных розничных цен по гор. Москве, исчисление которого было произведено Конъюнктурным институтом в конце 1920 г., который был тогда же использован для целей экономической политики и частично опубликован в разных изданиях», — сообщал в одной из служебных бумаг Н. Д. Кондратьев [11, с. 489]. Он был в кругу единомышленников, безоговорочно признавших авторитет своего руководителя — 28-летнего профессора. Коллектив подобрался небольшой, но способный, и ему многое оказалось по плечу. «Институт приступил к работе в чрезвычайно своеобразных условиях народного хозяйства СССР при полной неразработанности методов анализа этой динамики и конъюнктуры применительно к новым хозяйственным условиям», — отмечал Н. Д. Кондратьев в одной из докладных записок [12, оп. 3, д. 1248, л. 1]. В другом хранящемся в архиве документе («Краткие сведения из истории Конъюнктурного института и «Экономического бюллетеня») он писал: «Так как Институт немедленно приступил к составлению индексов и др. показателей народного хозяйства и т. к. в других учреждениях этих данных не было, то Институт часто вызывался для консультации в различные государственные учреждения, в особенности в Финансовую комиссию СНК» [12, оп. 5, д. 68, л. 56].

К лету 1922 г. коллектив из 19 человек (первоначально их было пятеро) окреп и начал небольшим тиражом (1—1,5 тыс. экземпляров) издавать «Экономический бюллетень Конъюнктурного института»; разумеется редактором его стал Н. Д. Кондратьев. Открывая первый номер, он писал: «...«Бюллетень» ставит себе узко специальную информационную задачу, задачу обосновать наблюдения движения экономических конъюнктур» [13, с. 1]. В действительности этому изданию удалось сделать намного больше — в нем публиковались не только голые цифры, но и теоретические положения самого высокого уровня, мирового класса. Редакция «Бюллетеня» находилась в том же доме, что и квартира его редактора — Большой Николо-Песковский переулок, 9.

Частыми гостями здесь были многие ученые, в том числе Л. Н. Юровский, принимавший в «Бюллетене», как тогда говорили, «ближайшее участие» [14].

Вскоре возглавляемые Н. Д. Кондратьевым научное учреждение и его печатный орган были замечены даже в далекой Америке. Уже в марте 1925 г. «Журнал Американской статистической ассоциации» напишет: «Чрезвычайно интересно отметить появление одного учреждения в Москве, известного под несколько громоздким названием Конъюнктурного Института, которое печатает сведения о текущих хозяйственных условиях в России, подобные тем, которые издаются здесь Департаментом Торговли и Федеральным Резервным бюро. Институт издает ежемесячный «Экономический бюллетень». Материал, публикуемый в «Экономическом бюллетене», тщательно обработан по новейшим статистическим методам и является крайне ценным источником сведений об экономическом развитии России» [15].

Результаты исследований Николая Дмитриевича и его коллег по институту, кроме сугубо теоретического, имели и большое практическое значение для экономики Советской России. Например, «конъюнктурщики», по словам их руководителя, приняли в ходе осуществления денежной реформы «деятельное участие в работах по первоначальному установлению курса рубля» (точнее — червонца) [16, оп. 7, д. 68, л. 10]. Они напряженно работали над выяснением возможностей, сроков и методов проведения реформы.

С октября 1923 г. ежеквартально регистрировались цены на рынках разных городов на рожь, пшеницу, ячмень и овес. После денежной реформы число городов, в которых регистрировались цены «вольного» рынка, было увеличено до 101, а количество товаров — до 35. «С июля 1924 г. Конъюнктурный институт ввел регистрацию московских цен обобществленной и частной торговли на товары не первой необходимости или, как они тогда именовались, на «условно-роскошные» товары. Они представляли особый интерес потому, что в меньшей степени подвергались административному регулированию, чем товары массового потребления, и поэтому более чутко реагировали на колебания спроса и предложения. Список «условно-роскошных» товаров включал око-

ло 60 наименований, в частности, в него входили: хлеб белый, пирожное, печенье, лимоны, мандарины, ветчина, сыр, сливки, балык, водка, шампанское, спортивные принадлежности, конфеты дорогих сортов, высшие сорта мануфактуры, парфюмерия, галантерея, мебель, фотопринадлежности, ювелирные изделия» [8, с. 88—89].

Еще находясь в составе Петровской сельскохозяйственной академии, Конъюнктурный институт начинает тесно сотрудничать с Народным комиссариатом финансов РСФСР. В конце марта 1922 г. в составе наркомфиновского Финансово-экономического бюро организуется небольшое, всего 7 человек, Бюро цен, имевшее задачей наблюдение за движением цен на Московском и всероссийском рынках на основе информации о ценах, собираемой сотрудниками института, а также исчисляемых ими индексов. Бюро стало давать срочные справки о движении цен на московском и всероссийском рынках Г. Я. Сокольникову. Вскоре на Бюро цен были возложены новые задачи: сбор, систематизация и обработка информации о ценах трестов; составление индекса оптовых цен; сбор сведений о ценах кооперативных организаций и сравнение их с рыночными ценами; получение сведений о ценах на рынках Петрограда, их обработка и сопоставление с ценами московского рынка; составление ежедневных справок о цене золота вольного рынка.

Бюро цен выполняло также работы для управлений НКФ: давало справки о курсах иностранной валюты на различных рынках Валютному управлению, собирало информацию о движении хлебных цен по районам для Бюджетного управления. Необходимую информацию получали Налоговое управление, Комиссия по подготовке русско-германского торгового договора [16, оп. 7, д. 68, л. 175—176].

Возглавлял наркомфиновское Бюро цен старый друг Л. Н. Юровского Н. В. Якушкин [12, оп. 18, д. 4161, л. 3]. В его совершенно секретной характеристике, собственноручно написанной Н. Д. Кондратьевым позднее, будет и такая фраза: «Работник высокоценный и незаменимый» [12, оп. 18, д. 10258, л. 39]. Увеличение числа заданий, их срочности и большая практическая значимость этого Бюро для

ПСХА. Группа профессоров (2-й ряд) среди слушателей: 2-й слева — Л. Н. Юровский, 3-й — Н. Д. Кондратьев

НКФ закономерно поставили вопрос о необходимости слияния Бюро цен и Конъюнктурного института. Однако этому препятствовали, во-первых, различная ведомственная подчиненность этих учреждений, во-вторых, руководители Конъюнктурного института долго не соглашались с предложением Г. Я. Сокольникова перевести коллектив «конъюнктурщиков» на Ильинку, где размещался Народный комиссариат финансов РСФСР. Вместе с тем настойчивость главного российского «красного финансиста» возымела действие. Как писал Н. Д. Кондратьев, по соглашению, достигнутому между ним и Г. Я. Сокольниковым, «было решено всю работу, имеющую практическое значение по собиранию цен, составлению индексов, наблюдению за текущей народнохозяйственной конъюнктурой, передать вместе с основным кадром научных работников в Бюро цен, реорганизуемое в Конъюнктурный институт Наркомфина, всю же работу научно-исследовательского теоретического характера оставить в научном институте при Петровской с.-хоз. академии» [16, оп. 7, д. 68, л. 10, 176]. При этом, как отмечал в другом документе Николай Дмитриевич, «было подписано особое соглашение, которое в известных пределах предусматривало научную независимость [Конъюнктурного] Института, а также то, что Институт выполняет практические задания НКФ... В дальнейшем Институт в своей работе все более срастается [с] работой НКФ» [12, оп. 5, д. 68, л. 56].

25 ноября 1922 г. Н. Д. Кондратьев пишет заявление в Народный комиссариат финансов: «Настоящим прошу зачислить меня Консультантом НКФ с возложением на меня обязанностей по заведыванию Конъюнктурным институтом Н. К. Ф. и редактора «Экономического Бюллетеня Института». Его основным местом работы по-прежнему остается здание на Старой площади, но с нового года Николай Дмитриевич одновременно числится и по Наркомфину. В качестве его представителя он участвует в работе открывшегося 11 января I Всероссийского съезда биржевой торговли. Приказом по НКФ от 20 января 1923 г. Н. Д. Кондратьев с 1 января назначается на должность заведующего Конъюнктурным инсти-

тутом «на правах совместительства по 17-му разряду тарифной сетки».

Вместе с организованным осенью 1919 г. Институтом экономических исследований (его первым руководителем был О. Ю. Шмидт) Конъюнктурный институт вошел во вновь созданное Финансово-экономическое бюро (ФЭБ), которое объединило лучших ученых-экономистов. Такого мощного научного органа, как ФЭБ Наркомфина СССР, не имело тогда ни одно ведомство страны. Главным секретарем ФЭБ (на правах начальника Управления) стал однокурсник Л. Н. Юровского по Экономическому отделению Политехнического института Н. Н. Деревенко. Как беспартийного (к тому же из буржуазной семьи) его вскоре сменит видный революционер большевик М. Г. Бронский. Он окажется не только непосредственным начальником Николая Дмитриевича, но и одним из критиков и оппонентов теоретических идей ученого (горькая ирония судьбы — для обоих, и критика-большевика, и критикуемого бывшего эсера наступит один и тот же трагичный финал).

А пока М. Г. Бронский высоко оценивает заведующего Конъюнктурным институтом. В подписанной им секретной характеристике Н. Д. Кондратьева отмечается: «Талантливый организатор, руководитель, с большой эрудицией, автор научных трудов. Специалист по вопросам конъюнктуры, сельского хозяйства, рынка» [12, оп. 18, д. 4161, л. 14].

Выступая в 1925 г. с трибуны Второго Всесоюзного финансового совещания, М. Г. Бронский скажет: «До сих пор еще кое-где существует мнение, якобы у нас в ФЭБе группируются старые профессора царской России, охраняемые нашими наркомфиновскими работниками, группируются со скрытыми контрреволюционными целями. Это очень ошибочное мнение. Наши научные институты не являются сборищем контрреволюционной науки». Он характеризует Конъюнктурный институт как один из важнейших источников по исследованию советского народного хозяйства, труды которого «стоят в смысле научном на уровне самых квалифицированных институтов Америки и Англии».

Тем не менее «наверху» отношение к уникальному наркомфиновскому ФЭБ и его ученым было от-

нюдь не цивилизованным. «...До сих пор еще существуют люди, — отмечает М. Г. Бронский, — которые думают, что большой научный аппарат в 150 человек ненужный нарост на аппарате Наркомфина. Недавно мне пришлось встретиться с очень авторитетными товарищами, которые говорят, что достаточно собрать 25 профессоров, заставить их работать по указке Коллегии и не расширять больше аппарата. Это, конечно, близорукая политика. Финансовая наука, как и всякая наука, требует систематической работы и преемственности в работе» [17, с. 94—95, 102].

Иными были условия и отношение к ученым-профессорам в Наркомземе, где Николай Дмитриевич не прекращал научной и практической деятельности.

18 мая 1922 г. Коллегия Наркомзема РСФСР утверждает состав президиума Плановой комиссии (Земплана из 5 человек во главе с И. А. Теодоровичем. Одним из ее членов стал Н. Д. Кондратьев [18, д. 151, л. 1 об.]. Судьбе угодно было самым причудливым образом свести вместе этих двух людей. В Октябрьские дни 1917 г. первый советский Народный комиссар по делам продовольствия большевик И. А. Теодорович и товарищ министра Временного правительства эсер Н. Д. Кондратьев стояли по разные стороны баррикад. Теперь оба сообща делали одно дело. Правда, с продовольствием оно было связано лишь косвенно. В Наркомпроде теперь заправляли другие люди. Одним из них был вчерашний меньшевик А. Я. Вышинский. Это ему, члену Коллегии Наркомпрода РСФСР, 23 ноября 1922 г. пошлет, вполне в духе нравов того времени, секретную записку с просьбой отпустить «3 пуда сыру и 3 пуда икры паюсной для заседаний секретариата и Оргбюро» [19] управляющий делами ЦК РКП(б) И. К. Ксенофонтов, недавний председатель Верховного революционного трибунала при ВЦИК на процессе по делу «Тактического центра». Тогда автор этой записки выносил приговор Н. Д. Кондратьеву. Через 10 лет в его роли выступит уже адресат, который будет допрашивать «свидетеля» Л. Н. Юровского.

Председатель Земплана высоко ценил своего бывшего политического противника, ставшего самым дея-

тельным членом руководимой И. А. Теодоровичем Комиссии. Впоследствии (1935 г.) в журнале «Пролетарская революция» Н. Рубинштейн с умилением напишет: «ЦК вскрыл правооппортунистическую практику в ряде советских учреждений, в частности, в Наркомземе и Земплане, где руководители — А. П. Смирнов и И. А. Теодорович — явились орудием контрреволюционной кондратьевщины» [20, с. 94].

Как писали недруги обоих, И. А. Теодорович и «целый ряд коммунистов считал... Кондратьева своим человеком, пользующимся полным доверием» [21, с. 15]. Впоследствии один из бывших подчиненных Николая Дмитриевича Д. А. Батуринский, автор чуть ли не хвалебных рецензий на его монографии, тоже напишет: «...оппортунистические элементы Наркомзема пытались защищать Кондратьева от марксистской критики... А сам Кондратьев был аттестован как «добросовестный советский работник, работающий не покладая рук» [22, с. 93]. Председатель Земплана погибнет годом раньше, чем самый активный член этой Комиссии.

Главными функциями Земплана являлись: «1) внесение планомерности в работу Управления НКЗ и его местных органов, разработка конкретных программ и планов и 2) для заключения по всем важнейшим общим и текущим делам КОМИССАРИАТА». Н. Д. Кондратьев был утвержден докладчиком от Земплана в СНК, СТО и других государственных органах «по всем вопросам экономич[еской]политики» [18, д. 151, л. 1, 47].

26 мая 1922 г. на заседании президиума Земплана Николаю Дмитриевичу дается ответственное поручение: «разработать план деятельности центральных и местных органов Наркомзема на 1922—23 гг. Содержание плана должно заключать в себе — 1) генеральный план, выявляющий эволюцию сельского хозяйства и планирование последнего в более долгий период времени и 2) план текущей деятельности органов Наркомзема.

Ввиду того, что план должен составляться в части своей и местными органами и центром, Н. Д. Кондратьеву поручить выработать инструкцию по составлению плана» [18, д. 145, л. 1].

Всего через три дня (29 мая) на первом заседа-

нии Земплана Николай Дмитриевич делает доклад «О методах и порядке составления плана деятельности органов НКЗ в центре и на местах», представив также разработанный им проект инструкции для составления плана по восстановлению сельского хозяйства. «Основные принципы доклада, — лаконично сообщает протокол того заседания, — не встретили возражений и приняты Комиссией». 20 июля пленум Земплана принимает предложенную Н. Д. Кондратьевым схему содержания плана работ на 1922—1923 гг. и порядок выработки этого плана [18, д. 142, л. 1 об.; д. 168, л. 77].

К тому времени в Наркомземе начались аресты, ГПУ готовило потенциальных пассажиров «философских пароходов», а Н. Д. Кондратьев все продолжает активно выступать со своими предложениями относительно будущего сельскохозяйственного плана, спорит, доказывает, не соглашается, высказывает порой особое мнение. 28 июля президиум Земплана принимает разработанное Н. Д. Кондратьевым «Положение о заграничных командировках НКЗ» [18, д. 145, л. 11].

Арест прерывает деятельность ученого. Лишь 13 октября ему удается вновь принять участие в работе Земплана. Вот довольно красноречивая запись в протоколе того заседания: «Предложение профессора Кондратьева принимается без возражений» [18, д. 146, л. 28 об.]. Подобные выражения в архивных протоколах встречаются нередко.

Вскоре Николай Дмитриевич подает заявление о предоставлении ему заграничной командировки. Президиум Земплана, рассмотрев заявление, постановляет: «Принимая во внимание продолжительную службу проф. Кондратьева в НКЗ и ценность начатых им научных работ согласиться с предоставлением ему командировки, согласно его ходатайству на 1 год с ассигнованием на расходы по поездке 11.200 руб.» [18, д. 146, л. 45].

Но по неизвестной пока причине заграничная командировка Н. Д. Кондратьева тогда не состоялась. Ученый продолжает свою деятельность в Наркомземе. 1 декабря он докладывает Земплану программу работ Комиссии, после обсуждения принятую с мелкими уточнениями. 27 декабря делает доклад о слия-

нии двух наркоматовских управлений («Цупроконжива» и «Цузема»), на следующий день — об опытном деле в Наркомземе и о сельскохозяйственном образовании [18, д. 143, л. 197—198; д. 146, л. 48].

Еще более напряженной на «аграрно-плановом фронте» окажется деятельность Н. Д. Кондратьева в следующем, 1923 г. Он продолжает выступать с высоких трибун и в печати, выпускает монографию «Мировой хлебный рынок и перспективы нашего хлебного экспорта», две работы о своем учителе М. И. Туган-Барановском.

С осени 1923 г. в Наркомземе начинается упорный труд над составлением первого советского сельскохозяйственного плана. Ни практического, ни теоретического опыта в этом ни у кого в мире еще не было. Н. Д. Кондратьев и его коллеги шли неизведанными путями первопроходцев. 10 сентября президиум Земплана рассматривает операционный план Управления сельским хозяйством на 1923—1924 гг. Доклад делает Б. Н. Книпович. Выступая в прениях, Николай Дмитриевич показывает основной недостаток построения доклада — «отсутствие достаточных конкретных и цифровых данных» [23, № 31 (17 сент.), с. 3].

Через месяц (8 октября) он уже сам докладывает Коллегии Наркомзема разработанный Земпланом перспективный операционный план НКЗ на 1923—1924 гг. «Потенциальные силы страны колоссальны и должны создаваться условия, при которых они могли бы максимально развернуться». Ученый схватывает самую суть проблемы. Он говорит, что «методы, которыми должны осуществляться задачи, намечаемые операционным планом, заключаются в экономическом воздействии на массу хозяйств, в возбуждении заинтересованности самого населения, в пробуждении самодеятельности его, и как форма этой самодеятельности кооперирование населения». Наркомзем рассматривается им как орган, регулирующий сельское хозяйство. Коллегия создает комиссию (И. А. Теодорович, Н. Д. Кондратьев, В. И. Сенин), которой поручается в трехдневный срок отредактировать доложенный Николаем Дмитриевичем план «согласно сделанным в Коллегии указаниям» [23, № 35 (16 окт.), с. 4—5].

В какие только комиссии тогда ни включали Н. Д. Кондратьева, в каждой из них его голос звучал весомо, предложения были по-научному аргументированы, с мнением ученого в Наркомземе считались. 23 ноября он выступает в Землане при обсуждении вопроса об организации сельскохозяйственного банка, включается в комиссию по его организации. Уже через 4 дня президиум Земплана заслушивает и в целом принимает эти документы [23, № 42 (4 дек.), с. 5]. В феврале 1924 г. создается Центральный сельскохозяйственный банк СССР.

7 декабря Н. Д. Кондратьев снова выступает в Земплане. Он уточняет предложенную И. А. Теодоровичем схему построения перспективного плана по Управлению сельского хозяйства, обосновывает главные структурные блоки этого плана, доказывает, что основной мыслью, которой должен быть пронизан план, является поднятие ценности сельскохозяйственной продукции и оказание содействия накоплению капитала в деревне. После обсуждения предложенная Николаем Дмитриевичем схема построения плана принимается [23, № 44 (18 дек.), с. 5—7].

Поражает круг научных и практических проблем, в решение которых внес свой вклад Н. Д. Кондратьев.

В 1921 г. при переходе к нэпу в условиях катастрофически расстроенного денежного обращения Н. Д. Кондратьев выдвинул и отстаивал идею единого *натурального* налога, сформулировав свои 25 тезисов [24, № 24 (15 ноябр.)]. В новых условиях, когда не за горами было окончание денежной реформы, он предлагает новые формы и принципы налогообложения. 4 января 1924 г. Земплан рассматривает предварительный проект представленного Наркомфином положения о едином сельскохозяйственном налоге. В соответствии с этим документом налогообложение основывалось на следующих принципах: «1) максимальное приближение к обложению ренты. Важно, чтобы крестьянин уплачивал налог, как налог за пользование землей. Этот принцип является уточнением того принципа обложения условно-чистого дохода, который выдвигался раньше Наркомземом; 2) принцип районности обложения в логической связи с учетом доходности каждого хо-

зяйства; 3) устойчивость объекта обложения. Признаком, по которому будет производиться обложение, является... только земля. В связи с этим признаком находится стабилизация налога; 4) принцип умеренного прогресса; 5) денежное исчисление и взимание налога; 6) улучшение практики взимания налога; 7) окладное, а не раскладочное обложение» [25, № 2 (15 янв.), с. 5—6].

Руководимая И. А. Теодоровичем Комиссия продолжала работу над составлением сельскохозяйственного плана. 15 января Земплан слушает доклад Н. П. Огановского и содоклад Н. Д. Кондратьева о перспективах развития сельского хозяйства России на ближайшее пятилетие [25, № 4 (22 янв.), с. 6]. Оба они стали авторами первого советского пятилетнего плана развития сельского хозяйства. Через день после своего выступления в Земплане Николай Дмитриевич повторяет свой доклад в Сельскохозяйственной секции Госплана.

«В настоящих условиях для того, чтобы обеспечить желательное направление развития сельского хозяйства, — система мероприятий экономической политики должна принять: 1) ставку на интенсификацию определенных районов страны и на расширение границ районов, подлежащих интенсификации, 2) ставку на рациональное экстенсивное сельское хозяйство в других районах, где для этого имеются соответствующие естественно-исторические и хозяйственные условия, 3) ставку на повышение товарности крестьянского хозяйства и вовлечение его в процесс общественного производства и 4) ставку на индустриализацию сельского хозяйства.

В то же время эта система мероприятий, чтобы обеспечить необходимый темп развития сельского хозяйства, должна стремиться: 1) развить самодеятельность и поднять хозяйственную инициативу массового населения, 2) стремиться к организации этой самодеятельности, в частности, к кооперированию крестьянских масс и 3) должна обеспечить условия накопления материальных ценностей в сельском хозяйстве.

Отправляясь от этих основных положений и следует строить систему мероприятий в области сельскохозяйственного кредита, в области рынка и цен,

в области кооперации, в области переселения и колонизации, железнодорожных тарифов, таможенных тарифов и т. д.». При этом докладчик акцентирует внимание слушателей на том, что исходит из рациональной будущей сельскохозяйственной политики государства [26, с. 1, 23—36].

В мае план пятилетки снова обсуждается в Наркомземе. Н. Д. Кондратьев выступает в качестве эксперта Земплана. От имени Коллегии он предложил свою схему построения плана, который предлагалось разбить на 8 взаимосвязанных блоков: «1. Очерк эволюции с. х. и факторов этой эволюции по СССР. 2. Оценка этих факторов. 3. Перспективы развития с. х. по СССР. 4. Очерк эволюции с. х. по районам, оценка факторов эволюции по районам и перспективы развития по районам. 5. Задачи, принципы и метод построения экономической с.-х. политики. 6. Общая система мероприятий по с. х. 7. Мероприятия по районам. 8. Планы по отдельным отраслям: животноводству, коневодству и т. д.».

Затем Николай Дмитриевич обосновывает свое понимание принципов, которые Наркомзем должен «отвоевать», чтобы осуществить поставленные задачи. Первый — «возбуждение и организация самостоятельности населения». Второй — «развитие кооперации». Третий — «правовая свобода кооперации». Четвертый — «создание стимулов для развития с. х. методом правильного регулирования с. х.». Пятый — «содействие организации производства — снабжение семенами, конским составом и т. д.». Шестой — «агрикультурно-показательная работа — колхозы, совхозы и т. д.». Седьмой — «агропомощь и культпросветительская деятельность НКЗ».

Двое суток шли оживленные дебаты, в итоге которых «...Земплан признал схему тов. (!) Кондратьева правильной, согласился с формулировкой комиссии о задачах и принципах работы и методах построения мероприятий по отрасли, оставив некоторые спорные вопросы открытыми для дальнейшего согласования» [25, № 21 (17 мая), с. 14]. Этот план неофициально так и называли — «пятилетка Кондратьева». К несчастью, с тех пор ни один из наших планов не строился на подобных теоретико-методологических посылках. Теоретики все заметнее набиравшей

силу административно-командной системы в своих построениях исходили из принципиально иных посылок, имели диаметрально противоположные взгляды как на самую суть планирования, так и на роль сельского хозяйства. Последнее вскоре стало рассматриваться в качестве источника получения средств «на нужды социалистической индустриализации».

8 июля Николай Дмитриевич снова выступает с докладом на заседании Сельскохозяйственной секции Госплана, по которому была принята резолюция: «Признать общие предпосылки доклада проф. Н. Д. Кондратьева о перспективном плане сельского хозяйства на ближайшее пятилетие вполне правильными и, считая, что сложность вопросов, затронутых докладом, требует комплексной проработки, передать доклад в комиссию для рассмотрения отдельных вопросов в связи с конкретными планами различных управлений» [27, с. 121].

Вскоре Н. Д. Кондратьев на полгода прерывает работу над составлением пятилетнего плана развития сельского хозяйства. Еще в середине мая 1924 г. нарком земледелия РСФСР А. П. Смирнов разрешает ему командировку за границу — в Англию, Америку и Германию сроком на 5—6 недель. Как писал Николай Дмитриевич в своем заявлении, «〈...〉 с целью ближайшего ознакомления с коньюнктурой и перспективами мирового с.-х. рынка, что стоит в ближайшей связи с вопросами и направлением нашей политики по возрождению с. хозяйства и транспорта» [12, оп. 18, д. 4161, л. 4]. В Наркомфине отпуск заведующему Конъюнктурным институтом был предоставлен «без оплачиваемого содержания» — за ним сохранялась лишь его должность.

Вместе с женой Николай Дмитриевич отправляется в длительную зарубежную поездку: Англия, Германия, США, Канада. 29 и 30 сентября из Лондона он посылает в Москву для журнала «Сельское и лесное хозяйство» и «Финансовой газеты» свои заметки с впечатлениями о Выставке Британской империи [28, с. 141—166; 29, 12 окт.].

Николай Дмитриевич интересуется организацией содействия сельскому хозяйству в США, знакомится с постановкой у американцев сельскохозяйственной статистики. Выступая по возвращении в Москву на

II Всесоюзной статистической конференции с докладом об этом, он скажет: «Я лично не считаю возможным рассматривать свое сообщение в смысле рекомендации, что все, что делают американцы, нужно вводить и у нас. Но некоторые черты сельскохозяйственной статистики Америки несомненно заслуживают нашего внимания» [30, с. 230]. Особенно потрясла ученого американская счетная техника; в Земплане и Конъюнктурном институте расчеты велись с помощью логарифмических линеек и допотопных ручных арифмометров.

Командировка затягивалась. По ходатайству Н. Д. Кондратьева нарком земледелия А. П. Смирнов продлил ее до 1 февраля 1925 г. [12, оп. 18, д. 4161, л. 6]. Но вот приближается и этот день. Перед ученым встает проблема выбора: несколько американских университетов предлагают русскому профессору занять кафедру. Ему было о чем задуматься. Еще не так давно он сопротивлялся новому режиму, неоднократно арестовывался, лишился многих друзей и коллег, расстрелянных или ставших пассажирами «философских пароходов».

Как и начальник Валютного управления Л. Н. Юровский, тоже побывавший по долгу службы за границей (Турция, Франция), Н. Д. Кондратьев поверил в возможность возрождения производительных сил России. Многое из того, что раньше вызывало его протест, теперь изменилось. Именно на этом фоне и происходила эволюция отношения обоих ученых к новой власти. Подводя итоги первой годовщины революции, Н. Д. Кондратьев так выразил свое понимание стоящих перед Россией задач: «Национально-хозяйственное возрождение! — вот лозунг дня, выдвигаемый объективным ходом вещей и правильно понятыми интересами народа, как экономическими, так и политическими. Национально-хозяйственное возрождение — вот вопрос, который должен привлечь к себе внимание и подвергнуться остальной разработке в целях установления конкретной программы. Но уже и теперь можно выставить несколько самых общих и первых условий возрождения.

Национально-хозяйственное возрождение, предполагающее сознательность и организованность рабочего класса и не исключающее разумной классовой

борьбы, не мыслимо вне развития производительности и напряженности труда. Национальное возрождение не начнется, пока продолжается бессмысленная гражданская война, разрывающая нацию на враждующие части; национального возрождения не будет, пока не будет национальной обороны. Наконец, оно не мыслимо, пока нет национальной власти, пока существует чисто классовая, утопическая власть и проделывает с народным хозяйством самые дикие опыты» [31, с. 222].

Нэп означал отказ от «самых диких опытов» над российской экономикой. Гражданская война закончилась, начиналось национально-хозяйственное возрождение. Не участвовать в нем крестьянский сын Николай Кондратьев, конечно, не мог, поэтому он возвращается на Родину.

В Москве Николая Дмитриевича тепло встретили его «конъюнктурщики», они устроили на квартире одного из сотрудников, как было указано в шутливом анонсе этого мероприятия, «не вечеринку, но собрание». Там научные сотрудники Конъюнктурного института, как зеленые студиозы, хохмили, веселились, пели частушки, пили вино, танцевали [32]. Они были обычными людьми, и ничто человеческое им не было чуждо. Большинству из них не исполнилось тогда и сорока лет, виновник торжества еще не вступил даже в «возраст Иисуса Христа»...

К 9 часам вечера квартира № 2 в доме № 1 по Кропоткинскому переулку была полна народу. Виновник торжества поднимается из-за накрытого стола — капустник начинается. Его участники, разумеется, не могли знать, что ждет всех и каждого из них в недалеком будущем. С. Ш. Меклера — арест в 1928 г. как иностранного шпиона, Соловки. Н. С. Четверикова, И. Н. Леонтьева, Я. П. Герчука, Альб. Л. Вайнштейна, В. А. Ревякина, Г. С. Кустарева, В. Э. Шпринка, И. Н. Жирковича, И. Н. Озерова — арест в начале 30-х годов, высылка, ГУЛАГ. Расстреляны в 1937—1938 гг. будут И. О. Лик и А. А. Карпов. В начале 1941 г. бесследно исчезнет из Москвы Л. М. Ковальская. Кто-то останется на свободе. До 1990 г. доживет лишь А. А. Конюс... [33, с. 431—432].

Конъюнктурный институт стал известным и при-

знанным в научном мире учреждением. Советские и крупнейшие западные экономисты уважительно отзывались о нем и его руководителе, высоко оценивая научные достижения коллектива «конъюнктурщиков».

Осенью 1925 г. как приложение к «Экономическому бюллетеню» (тоже под редакцией Н. Д. Кондратьева) начали выходить объемистые книжки «Вопросов конъюнктуры», первая из которых открывалась его статьей «Большие циклы конъюнктуры». Новое издание института сразу привлекло к себе внимание. «Судя по первому выпуску, — писала «Правда», — надо сказать, что начинание это интересное... Правда, статьи носят характер преимущественно постановки проблем и постановки настолько серьезной, что не имеет смысла их критика в рамках газетной статьи» [34]. «Бывают книги, — отмечал в журнале «Наука и искусство» А. В. Чаянов, — против которых можно спорить, с выводом которых можно не соглашаться, но появление которых составляет собой некоторое событие в развитии науки, свидетельствующее о вступлении ее в новую сферу развития. Рассматриваемый сборник бесспорно принадлежит к книгам этого рода» [35, с. 254].

Заметили новое издание Конъюнктурного института и за границей. В письме Н. Д. Кондратьеву президент Американской экономической ассоциации профессор Э. Янг сообщал: «Чрезвычайно ободряюще действует, что труд такого достоинства мог быть выполнен в современной России» [36].

Конъюнктурный институт установил регулярные корреспондентские связи с почти тремя десятками крупных и авторитетных научно-исследовательских учреждений США, Англии, Франции, Германии, Италии, крупнейшими западными учеными-экономистами: Фишером, Янгом, Маультоном, Роу, Митчеллом, Персоном, Уорреном и другими американцами; англичанами — Боули, Кейнсом, Шварцем, Орвином, Флаксом, Бевериджем; французами — Марком, Симианом, Афталионом, Жидом, Ристом; немцами — фон Борткевичем, Гебером, Вагеманом, Эробе; итальянцами — Бенини, Риччи, Джюсти, Мортари, Джини.

По предложению зарубежных корреспондентов Конъюнктурный институт выполнял интересующие их

научные исследования, результаты которых публиковали Йельский университет, Гарвардское экономическое бюро, Национальная промышленная конференция, Национальное бюро экономических исследований (США), Лондонская экономическая школа [12, оп. 3, д. 1248, л. 36—38 об.]. Западные экономисты «из первых рук» получали интереснейшую и достоверную информацию об экономике Советской России. «Особенно следует подчеркнуть при этом, что сведения, сообщаемые Институтом для иностранной печати, печатаются без всяких изменений, чем достигается правильная информация заграницы о нашем хозяйственном положении», — указывал Н. Д. Кондратьев в «Справке о работе Конъюнктурного института» [12, оп. 3, д. 1248, л. 39 об.].

Его недруги вскоре с удовольствием скажут и напишут совершенно иное: «Конъюнктурный институт Наркомфина был по существу органом кондратьевщины, непосредственно связанным с заграничными буржуазными институтами, которые он информировал подробнейшим образом о положении дел в СССР. Бюллетени этого института цитировались во всех буржуазных экономических органах как достоверные данные об СССР. Этот институт... информировал буржуазную печать, информировал буржуазные круги об экономическом положении в СССР в тонах, которые должны были бы характеризовать не подъем нашего хозяйства, а падение его. Ясно, что такая информация затрудняла нам получение кредитов, затрудняла нашу внешнюю торговлю, такая информация была нужна буржуазным деятелям» [37, с. 9].

К помощи института прибегало высшее партийное и государственное руководство СССР: М. И. Калинин, А. И. Рыков, Л. Д. Троцкий, Г. Е. Зиновьев, Я. А. Яковлев и др. По их заданиям научные сотрудники института составляли многочисленные справки, выполняли исследования, давали консультации.

Почти через полвека после этого Альб. Л. Вайнштейн напишет, что к тому времени институт «уже сформировался как крупное исследовательское учреждение, где велись наблюдения и теоретическое изучение конъюнктуры советского и мирового хозяйства. Анализ экономики нашей страны и капиталистиче-

ских стран был необходим в целях получения ориентиров для советской экономической политики. До революции такие работы не велись, ни опыта, ни инструментария, ни литературы по этим вопросам не было, а зарубежная литература ввиду своеобразия советского хозяйства, его совершенно иной структуры и целенаправленности могла быть использована в очень малой степени. Поэтому молодому научному учреждению было необходимо искать собственные пути и методы решения поставленной задачи. Наряду с организацией сбора и обработки статистической информации требовалось теоретически осмыслить выдвинутые перед К. И. проблемы, избрать и применить надлежащий экономической инструментарий» [9, с. 279—280].

Институт постоянно наращивал объемы работ, совершенствовал их методологическую базу. Внушителен даже краткий перечень основных направлений научной работы института на первую половину 1926/27 бюджетного года: 1. Общие вопросы динамики и конъюнктуры народного хозяйства в связи с проблемой диспропорции сельскохозяйственного и промышленного производства, темпы развития народного хозяйства, прогноза конъюнктуры. 2. Специальные вопросы хозяйственной конъюнктуры в различных областях народного хозяйства, в особенности — денежного обращения и кредита. 3. Исследование сезонных колебаний конъюнктуры народного хозяйства СССР в связи с задачами денежно-кредитной и финансовой политики. 4. Изучение некоторых вопросов конъюнктуры мирового хозяйства.

Наряду с этим велись методологические работы по построению циклических изменений конъюнктуры, разрабатывались методы волнообразных ее колебаний, совершенствовалась методология выявления «сезонных волн» [12, оп. 3, д. 1248, л. 25 об., 26].

30 сентября и 4 октября 1926 г. в Аграрной секции Коммунистической академии проходило оживленное обсуждение проектов законов об основных началах землеустройства и землепользования. В прениях выступил и Н. Д. Кондратьев. Поразительно, но практически все сказанное им тогда, если не знать дату и автора, вполне может быть воспринято (со шквалом аплодисментов слева и злобными выкри-

ками справа) как выступление крупного современного советского ученого-аграрника или пишущего на сельскохозяйственные темы публициста. Порою создается впечатление, что не шесть с лишним десятков лет назад сказано все это, а сегодня, во время дебатов на съездах народных депутатов или сессиях Верховного Совета СССР.

Критически проанализировав обсуждаемые проекты законов, Кондратьев отметил их положительные стороны и недостатки. «С одной стороны, — сказал он, — мы ставим ставку на повышение товарности хозяйства и в то же время, и в земельном законодательстве и в других сферах законодательства, связанных с земельным, затрудняем развитие товарности хозяйства. Далее, мы ставим ставку на развитие кооперации и в то же время боимся роста живой кооперации. Мы стремимся к развитию кредитной системы и к вовлечению вкладов крестьян, и в то же время земельным и связанным с ним законодательством этому препятствуем... Я все это веду к тому, чтобы сказать, что в нашем земельном и связанном с ним законодательстве есть страх перед существующим и несуществующим кулачеством... И мне кажется, что вопрос об устойчивости сельского хозяйства не разрешим без надлежащего решения проблемы об аренде. То же нужно сказать и об институте наемного труда. Если не ставить всех этих коренных вопросов, то мотивов к пересмотру действующих кодексов при надлежащей и последовательной политике их осуществления, по-моему, сейчас нет. Если есть мотивы к изданию общесоюзного закона, то, по-моему, лишь при условии, что он даст ответ на назревшие важные потребности, которые указаны выше» [38, с. 179—180, 182].

Николай Дмитриевич внес письменные поправки к обсуждаемому проекту закона. Снова поражает то, что в них он сумел предугадать трагедию советского крестьянства, до начала которой оставалось всего три года. Против нее и предостерег ученый: «Наше сел[ьское] хозяйство в общем еще настолько примитивно и бедно, насколько исчерпывается сплошной однородной необъятной массой распыленных и слабосильных хозяйств, что на основе этой ошибки легко находить кулаков там, где имеет ме-

сто здоровый, энергичный слой крестьянских хозяйств с наиболее высокой производительностью труда и наиболее быстрым накоплением. Если идти по указанному ошибочному пути, то нужно заранее принять и все его последствия, заранее помириться с длительным господством семейно-потребительского строя крестьянских хозяйств, с их низкой товарностью, с низким уровнем накопления и крайне медленным ростом их производительных сил».

Н. Д. Кондратьев доказывал, что земельное законодательство должно «дать простор здоровой инициативе с.-х. производителя». Но у большинства участников дискуссии его позиция поддержки не получила и была заклеймлена как «буржуазная программа». С этого времени ученого объявили «защитником кулака», «кулацким идеологом», однако от своих взглядов на пути развития советского сельского хозяйства Николай Дмитриевич не отрекся. Он продолжал отстаивать их в устных и печатных выступлениях. Ученый не был, как его представляли критики и недруги, противником коллективного сельского хозяйства. Он был реалистом и, как сегодня стало модным говорить, выступал за плюрализм форм собственности в аграрном секторе народного хозяйства.

1 октября 1927 г. была создана комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) для подготовки к предстоящему XV съезду партии тезисов о работе в деревне. Председатель комиссии В. М. Молотов обратился к ведущим ученым и специалистам сельского хозяйства с предложением представить свои материалы. Николай Дмитриевич живо откликнулся на это и всего за сутки написал обширную Записку «К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значении».

«Развитие коллективных хозяйств при современных условиях будет продолжаться, — делал из своего анализа вывод Н. Д. Кондратьев. — Однако при наличной технической базе сельского хозяйства оно будет идти замедленным темпом, и еще долгие годы коллективное сельскохозяйственное производство не приобретет заметного значения в общем составе нашей сельскохозяйственной продукции. Усиление темпа роста здорового коллективизированного земледе-

лия требует неизмеримо более высокой технической базы сельского хозяйства и повышенного культурного уровня населения».

Автор Записки констатировал, что для роста числа совхозов нужны государственные капиталовложения, рассчитывать на которые сейчас трудно. Поэтому, хотя доля совхозов в производстве сельскохозяйственной продукции в дальнейшем и будет повышаться, но еще долго она вынуждена оставаться незначительной: «...На ближайшее время вопрос о развитии сельского хозяйства будет, как и раньше (с точки зрения удельного веса) прежде всего вопросом развития индивидуальных крестьянских хозяйств, хотя бы и объединенных в кооперативы на основе сбыта и переработки продуктов сельского хозяйства, а также на почве снабжения его орудиями и средствами производства». В заключение Н. Д. Кондратьев подчеркивал «все значение условий, обеспечивающих достаточную заинтересованность сельскохозяйственных мелких производителей в развитии производительных сил сельского хозяйства и в повышении его товарности» [39, с. 210].

В другой поданной в том же году «наверх» Записке Кондратьев явно шел против «генеральной линии партии», когда подчеркивал: «Исторически положительную хозяйственную линию выполняют лишь те планы, которые прогрессивны, которым принадлежит будущее. Деревенская беднота такими чертами не обладает. Она является не хозяйственной силой, а хозяйственным бедствием» [40].

Казалось, порою он даже как бы нарочно злил оппонентов образностью выражений, с помощью которых иллюстрировал свои теоретические выкладки. Например: «Я делаю такие подсчеты и берусь доказать, что если бы в каком-нибудь уральском районе работающее в с/х население уменьшилось в четыре раза, а все остальные ничего не делало, просто гуляло бы и собирало бабочек по лесам, а четвертая часть работала, то эта четвертая часть населения могла бы удержать все население на том экономическом уровне, на котором существует сейчас» [41, с. 16].

Это было обоснованием курса на развитие фер-

мерского хозяйства, которое сегодня всячески приветствуется.

С 1926 г. Конъюнктурным институтом стали исчисляться «крестьянские индексы» на основе регистрации на нескольких сотнях городских и сельских рынков цен 52 товаров, покупаемых и продаваемых крестьянами. Отношение таких индексов показывало динамику изменения положения крестьянства на рынке, а соответственно — и благосостояния сельского населения страны.

«Крестьянские индексы, — писал Н. Д. Кондратьев в предисловии к сборнику с таким же названием, — позволяют судить — стимулирует ли рынок развитие крестьянского хозяйства данного района в направлении к повышению интенсивности, к повышению товарности, к усилению специализации и индустриальной переработки с.-х. товаров, к улучшению благосостояния деревни и т. д., или нет. В силу этого крестьянские индексы позволяют, до известной степени, судить и о тех вероятных будущих сдвигах в организации крестьянского хозяйства, которые под влиянием рыночных условий произойдут, если они не будут предотвращены системой специальных мероприятий... Институт считает, что его работа по крестьянским индексам еще далека от завершения. Однако необходимо иметь в виду, что в этой области ему приходилось разрабатывать вопрос совершенно заново. Ни у нас, ни в мировой литературе мы не имеем разработанной системы крестьянских индексов. В Соединенных Штатах Северной Америки Департамент земледелия и отдельные исследователи не раз подходили к вопросу о методах определения положения фермерского хозяйства на рынке. Однако нужно признать, что практикуемая там система методов все же весьма примитивна. Поэтому она не могла служить Институту в качестве примера» [42, с. 3—4].

Вскоре «крестьянские индексы» будут названы «кулацкими» и объявлены ненаучными — они объективно фиксировали резко ухудшающееся экономическое положение крестьянства...

В начале 1927 г. институт стал регистрировать цены товаров, реализуемых в городской и кооперативной торговле. В связи с этим потребовалось обос-

новать и внести коррективы в методику исчисления «большого индекса Конъюнктурного института». В принятой Межведомственной комиссией при Госплане СССР резолюции было отмечено: «Признать, что работа Конъюнктурного института НКФ СССР по реформе его общетоварного индекса розничных цен в общем и целом выполнена удовлетворительно и отвечает заданию Совета Труда и Обороны — разработать систему уточненного индекса розничных цен по секторам торговли» [15, № 3, с. 11].

1. Кондратьев Н. Д. Памяти М. И. Туган-Барановского//Вестник Московского областного союза кооперативных объединений. — 1919. — № 2 (10 апр.).

2. ВЧК учет вела!//Союз. — 1990. — № 40.

3. Чаянов А. Высший семинарий с.-х. экономии и политики при Петровской с.-х. академии//Вестник сельского хозяйства. — 1919. — № 27—30 (июль).

4. Сельское и лесное хозяйство. — 1924. — Кн. 12.

5. Труды высшего семинария сельско-хозяйственной экономии и политики. — Вып. 1. — [М].: Гос. изд-во, 1921.

6. Конюс А. Методы собирания и обработки материалов по ценам в Конъюнктурном институте//Динамика цен советского хозяйства. — М.: Планхозгиз, 1930.

7. Игнатьев М. В. Конъюнктура и цены. — М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1925.

8. Столяров С. Г. О ценах и ценообразовании в СССР (статистическо-экономические очерки). — 3-е изд., доп. и перераб. — М.: Статистика, 1969.

9. Советская статистика за полвека (1917—1967). — М.: Наука, 1970.

10. Кондратьев Н. Д. К вопросу об исчислении чисел показателей//Известия Народного комиссариата финансов. — 1921. — № 20 (15 дек.).

11. Цит. по: Кондратьев Н. Д. Проблемы экономической динамики. — М.: Экономика, 1989.

12. ЦГАНХ СССР. — Ф. 7733.

13. Экономический бюллетень Конъюнктурного института. — 1922. — № 1 (июнь).

14. В 1923 г. Л. Н. Юровский опубликовал в редактируемом Н. Д. Кондратьевым «Бюллетене...» две

аналитических статьи о денежном обращении (№ 5—6, № 9—10).

15. Цит. по: Экономический бюллетень Конъюнктурного института. — 1927. — № 11—12. — Обложка.

16. ЦГАОР СССР. — Ф. 374.

17. Второе Всесоюзное финансовое совещание: Стеногр. отчет. Работа секций и резолюции. — М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1925.

18. ЦГАНХ СССР. — Ф. 478. — Оп. 2.

19. ЦПА ИМЛ. — Ф. 17. — Оп. 84. — Д. 428. — Л. 159.

20. Рубинштейн Н. Партия в борьбе с правой оппозицией. Подготовка развернутого социалистического наступления по всему фронту и правая опасность// Пролетарская революция. — 1935. — № 6.

21. Кондратьевщина, чаяновщина и сухановщина. Вредительство в сельском хозяйстве. — М.: Междунар. аграрный ин-т, 1930.

22. Батуринский Д. А. Кондратьевщина на с.-х. плановом фронте. — М.: Гос. изд-во с.-х. и колх.-кооп. лит-ры, 1932.

23. Сельскохозяйственная жизнь. — 1923.

24. Сельскохозяйственная жизнь. — 1921.

25. Сельскохозяйственная жизнь. — 1924.

26. Кондратьев Н. Д., Огановский Н. П. Перспективы развития сельского хозяйства СССР/Под общей ред. И. А. Теодоровича. — М.: Новая деревня, 1924.

27. Пути сельского хозяйства. — 1926. — № 3.

28. Сельское и лесное хозяйство. — 1924. — Кн. 17.

29. Финансовая газета. — 1924.

30. Кондратьев Н. Д. Организация сельскохозяйственной статистики в С.-А. С. Штатах (Доклад Н. Д. Кондратьева на II Всесоюзной статистической конференции)//Вестник статистики. — 1925. — Кн. XXII. — № 7—9.

31. Кондратьев Н. Д. Год революции с экономической точки зрения//Год русской революции (1917—1918 гг.): Сб. статей. — М.: Земля и воля, 1918.

32. Личный архив Е. Н. Кондратьевой.

33. О конъюнктурной статистике 20-х годов [Беседа С. Л. Комлева с А. А. Конюсом]//Экономика и математические методы. — 1989. — Т. XXV. — Вып. 3.

34. Правда. — 1925. — 11 нояб.

35. Вопросы конъюнктуры//Наука и искусство. — 1926. — № 1.
36. Цит. по: Вопросы конъюнктуры. — Т. II. — Вып. 1. — М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1926. — Обложка.
37. Кондратьевщина (сборник). — М.: Изд-во Комм. академии, 1930.
38. Основные начала землепользования и землеустройства: Сб. статей, докладов и материалов. — М.: Изд. Комм. академии, 1927.
39. Кондратьев Н. Д. К вопросу об особенностях условий развития сельского хозяйства СССР и их значении//Известия ЦК КПСС. — 1989. — № 7.
40. Цит. по: Против правого уклона, против кондратьевско-чаяновской реконструкции//Социалистическая реконструкция сельского хозяйства. — 1930. — № 9—10. — С. IX.
41. Цит. по: Против кондратьевщины. Классовая борьба в экономической теории (Сб. статей). — М.: Молодая гвардия, 1936.
42. Крестьянские индексы: Сб. трудов Конъюнктурного института/Под общей ред. проф. Н. Д. Кондратьева. — М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1927.

ВМЕСТО «ВТОРОГО ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ»

К середине 20-х годов Н. Д. Кондратьев и Л. Н. Юровский как ученые получили мировое признание. Н. Д. Кондратьев был избран членом Американской ассоциации социальных наук, Американской экономической ассоциации, Американского статистического общества, Американской ассоциации по вопросам сельскохозяйственной экономики, Американского социологического общества, Лондонского королевского статистического общества, Лондонского королевского экономического общества.

Книги обоих ученых использовались в качестве учебных пособий в вузах страны, их научные труды переводились на иностранные языки, публиковались за границей. Репортеры брали у Николая Дмитриевича и Леонида Наумовича интервью и уважительно отмечали: «Как считает сам профессор Кондратьев...», «По мнению самого профессора Юровского...». Казалось, ничто не предвещает беды, а «первое предостережение» полностью забыто.

Правда, один из инициаторов того «первого предостережения» — Л. Д. Троцкий — по-прежнему упорно продолжал считать Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского мелкобуржуазными спецами. Ведя борьбу со Сталиным, он писал: «Во внутренней политике группа Сталина все больше равняется по мелкобуржуазным и бюрократическим верхам, приближает непосредственно к делу руководства устряловских и полуустряловских спецов, типа Кондратьева, Садырина, Юровского и др.» [1, с. 213]. В одном Троц-

кий был прав — влияние Кондратьева и Юровского на хозяйственную политику государства было велико. Как и большинство их коллег (это были преимущественно представители дореволюционной российской интеллигенции), сами себя они относили к сторонникам «объективной науки» — науки, свободной от идеологического воздействия со стороны какой-либо политической доктрины. Безусловно, считали они, социализм и его экономика имеют свою специфику. Но ведь есть и общие закономерности функционирования и развития производительных сил, не зависящие от социального строя. Что бы ни говорили о различиях, даже диаметральной противоположности между капитализмом и социализмом, законы денежного обращения, например, и там, и здесь одинаковы. Стоимость, цена — тоже категории общие. Если спрос больше предложения — цены просто не могут не расти. А сельскохозяйственное производство? — Труд свободного крестьянина-хозяина везде одинаков. И если ухудшается экономическая конъюнктура, то хозяйствующие субъекты ведут себя аналогично, будь то капитализм или социализм.

Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский и их коллеги по работе и науке никогда не считали себя марксистами. Просто они делали свое дело как настоящие ученые, вобравшие опыт мировой экономической мысли. Во время бурной экономической полемики середины 20-х годов заместитель председателя Госплана СССР С. Г. Струмилин писал: «...виднейшие профессора Наркомфина до сих пор не проявили большой приверженности к марксизму и марксистским методам мышления. И поэтому нашему брату марксисту сговориться с ними, а иной раз даже и понять друг друга по-настоящему — задача нелегкая. Тем не менее к голосу критики буржуазной науки мы должны всегда прислушиваться очень внимательно...» [2].

Н. Д. Кондратьев и Л. Н. Юровский были блестящими полемистами. Но оппоненты далеко не всегда вели полемику корректно и придерживались правил. Однако до личных оскорблений и навешивания политических ярлыков дело вначале не доходило. Теоретические взгляды Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского стали со временем все больше расхо-

диться с официальными воззрениями властей на существо обсуждаемых проблем и пути их решения.

К концу второй половины 20-х годов появление в печати фамилий Кондратьева и Юровского стало все чаще сопровождаться ярлыками-эпитетами «буржуазные», «мелкобуржуазные экономисты». Политическое руководство страны еще продолжало питать иллюзии насчет грядущей мировой революции. Ортодоксальные теоретики-марксисты чутко реагировали на идущие сверху директивы, возводя догмы и стремление властей в главные критерии научности той или иной теории. Для Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского было чуждо подобное понимание научности.

В правящей верхушке все отчетливее зрела мысль, что нэп себя исчерпал и его нужно сворачивать, поэтому теоретические воззрения и выводы обоих ученых начинают диссонировать с пониманием ситуации и дальнейших путей развития сельского хозяйства тогдашними вершителями экономической политики.

Н. Д. Кондратьев стал терпеть заметные поражения и на «плановом фронте» — его идеи планирования, плана-прогноза в противовес плану-приказу руководством союзного Госплана были заклеймлены как ненаучные, а позднее — вредительские. В марте 1927 г. Николай Дмитриевич выступает на Втором съезде плановых работников с докладом «О природе нашего хозяйственного подъема» в Институте экономики. С. Г. Струмилин, один из противников кондратьевской концепции планирования, назовет его вскоре «эпигоном народничества», призывая «развенчать и обезвредить» школу Кондратьева в области планирования и предсказывая, что она «плохо кончит» [3, с. 220, 258].

К несчастью для нашей экономики и экономической науки именно так и вышло — кондратьевские идеи планирования экономики оказались «разоблаченными». Сегодня академик Л. И. Абалкин констатирует, что идеи победившей в том споре струмилинской школы стали «азбукой планирования, не вызывающей сомнений», но они еще никогда за всю нашу историю не смогли на практике обеспечить соответствия «плана и факта» на заранее определенную дату. То, что это невозможно в принципе, еще на заре планирования советской экономики доказы-

вал Н. Д. Кондратьев. Планирование, основанное на струмилинских идеях, справедливо замечает Л. И. Абалкин, — «самый ненадежный способ управления» [4, с. 15].

Но тогда к доказательствам ученого у нас прислушаться не пожелали, а западные теоретики планирования кондратьевскую идею плана-прогноза взяли на вооружение. Сегодня мы пристально изучаем их опыт — еще один горький парадокс, еще одна ирония истории. У нас самих такого практического опыта нет...

Начиналась настоящая травля Н. Д. Кондратьева, по нему били из орудий всех калибров. Били все, но сигнал подал Г. Е. Зиновьев. В июле 1927 г. он злобно обрушился на Николая Дмитриевича, называя его «наместником Устрялова», «вождем легализующейся устряловщины». Зиновьевская статья в «Большевике» называлась «Манифест кулацкой партии». Г. Е. Зиновьеву не понадобилось долго раздумывать над названием своей статьи — нечто подобное уже было. Еще в январе 1921 г. Е. М. Ярославский заклеймил в «Правде» роман А. В. Чаянова «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии» как «кулацкий манифест» [5]. Не мог тогда Александр Васильевич предвидеть, что всего через девять лет рожденный его богатым воображением писателя-фантаста сюжет будет как реальность ставиться в вину ему самому, Н. Д. Кондратьеву, Л. Н. Юровскому и еще почти двумстам тысячам человек. И что преждевременная гибель этих трех и других советских экономистов окажется связанной с тем фантастическим сюжетом чаяновского романа...

«Манифестом кулацкой партии» Зиновьев окрестил тезисы Н. Д. Кондратьева «Задачи в области сельского хозяйства в связи с общим развитием народного хозяйства и его индустриализацией». Их Николай Дмитриевич в виде докладной записки подал в свое время «наверх». В ответ — зубодробительный политический донос Зиновьева: «Идеологи новой буржуазии обожгли крылышки в 1922—23 гг., когда они попробовали издать в Москве и Ленинграде несколько легальных журналов, открыто проповедовавших буржуазно-устряловские идеи. Теперь эти

господа действуют более окольными путями. Но в последнее время они начинают распоясываться с необычайным нахальством. Пора, давно пора дать идейно-политический отпор Кондратьевым и K^0, действующим сейчас в порах очень многих важнейших наших государственных учреждений и использующих легальные советские возможности более чем успешно».

Но все это было еще не очень страшно. Гораздо страшнее оказались выводы Зиновьева: «Кондратьевщина — это уже не просто накипь нэпа: это более или менее законченная идеология новой буржуазии. Борьба против нее есть составная часть борьбы против кулака, нэпмана и бюрократа» [6, с. 47]. Так в компанию ко всем другим тогдашним «—щинам» был введен уродливый и вскоре ставший жупелом термин «кондратьевщина». Ученому припомнили тогда все: и былое эсерство, и кресло в Аничковом дворце, и членство в Учредительном собрании, дружбу с пассажирами «философских пароходов», книги, статьи, доклады. Досье на Николая Дмитриевича, надо полагать, оказалось пухлым. Недоступное пока исследователям, оно стало бы ценным источником жизнеописания ученого.

Однако Н. Д. Кондратьев в этих сложных условиях не изменил себе как ученому. По-прежнему и в Тимирязевке, и в Конъюнктурном институте, на многочисленных совещаниях и конференциях в Госплане и Наркомземе он упорно продолжал отстаивать свои научные убеждения.

Многие из его тогдашних высказываний, «взятые на карандаш», будут вскоре поставлены ему в вину вместе с обвинениями в никогда не совершавшихся преступлениях. Теперь профессора Кондратьева публично товарищем никто уже не называл — только «гражданин Кондратьев». Вскоре после зиновьевского политического доноса «лягнуть» профессора Кондратьева за мнимые «ошибки» стало как бы признаком хорошего тона, подлинной научности и приверженности «делу пролетариата». В этом тогда преуспели многие...

Подобная участь постигла тогда и Л. Н. Юровского. Он тоже был объявлен «буржуазным экономистом», став дежурным объектом нападок со стороны

коллег по работе и экономической науке. Его били и в одиночку, и вкупе с Н. Д. Кондратьевым. Усердствовали тогда в этом многие, но особенно выделялся среди них А. Леонтьев. Он ревностно и неустанно «вскрывал ошибочность» понимания Л. Н. Юровским советской экономики как товарной, в которой действует пресловутый закон стоимости, доказывал несостоятельность понимания Н. Д. Кондратьевым самой сути планирования [7].

В проповедовании «неокапиталистической идеологии» обоих ученых обвинял М. Г. Бронский. Особенно нападал он на последнюю монографию Леонида Наумовича «Денежная политика Советской власти» [8].

Административно-командной системе управления, заметно набиравшей силу, теоретические идеи Л. Н. Юровского и Н. Д. Кондратьева мешали все больше и больше. Теперь социальный заказ давался не на науку, а на апологетику всего изрекаемого «сверху».

Происходила вульгаризация официальной советской экономической науки конца 20-х годов. «Отныне дело уже шло не о том, правильна или неправильна та или другая теорема, — заметил в свое время К. Маркс о рождении вульгарной политэкономии (буржуазной), — а о том, полезна ли она для капитала или вредна, удобна или неудобна, согласуется с полицейскими соображениями или нет. Бескорыстное исследование уступает место сражениям наемных писак, беспристрастные научные изыскания заменяются предвзятой, угодливой апологетикой» [9, с. 17].

Сопротивляться вульгаризации советской экономической науки продолжали лишь ее «зубры» из числа представителей «объективной науки». Естественно, они были уже обречены на отстрел. Как хорошо показал Г. Х. Попов, административно-командная система вынуждена была признавать право «зубров» на творчество в их профессиональной области, право следовать собственным выводам. Но одновременно она не могла и смириться с этим, поскольку любое непослушание органически чуждо законам функционирования системы» [10, с. 58]. В науках, напрямую выходящих на экономическую политику властей, система душила инакомыслие в зародыше.

Близилась кульминация государственной (советской) карьеры обоих ученых. В марте 1928 г. заместитель Наркомфина СССР С. М. Кузнецов и заведующий Учетно-распределительным отделом Ильин в адресованном в Орграспредотдел ЦК ВКП(б) отношении выражают недоумение относительно очень слабого партийного влияния в Финансово-экономическом управлении наркомата, в котором численно преобладают немарксисты. Этот вопрос давно ставился, но все еще «оставался неразрешенным». Теперь руководство НКФ СССР просило включить его в «общий план усиления плановых органов научными работниками-партийцами». Из состава Института красной профессуры и Коммунистической академии Кузнецов и Ильин просили прислать не менее 4—5 партийцев, в том числе «на руководящую работу в Конъюнктурном институте» [11, оп. 5, д. 126, л. 168 об.].

Замену, правда, не прислали, но Н. Д. Кондратьева сняли быстро. 2 апреля 1928 г. бессменный заведующий Конъюнктурным институтом был освобожден от занимаемой должности и назначен простым консультантом института. С 1 мая Николай Дмитриевич вообще увольнялся из созданного им научного учреждения Наркомфина СССР «за проведение в работе линии, идеологически чуждой Сов. политике» [11, оп. 5, д. 91, л. 43, 53; оп. 6, д. 127, л. 3; оп. 4161, л. 20]. Та же участь постигла тогда Альб. Л. Вайнштейна и Н. Н. Шапошникова. 5 мая уволенный Н. Д. Кондратьев последний раз председательствовал в заседании научных сотрудников Конъюнктурного института. Слушался интересный доклад Т. И. Райнова «Проблема длительных волн конъюнктуры в связи с колебаниями продуктивности научно-технической мысли» [11, оп. 6, д. 745, л. 109]. Следующее такое заседание проходило уже без Николая Дмитриевича...

Над Конъюнктурным институтом все сильнее сгущались тучи. Уже давно этот научный орган объективно выдавал и публиковал беспристрастную информацию, свидетельствовавшую о нарастании кризисных явлений в советской экономике. Чашу терпения властей переполнил большой аналитический обзор Альб. Л. Вайнштейна «Итоги и основные экономические процессы народного хозяйства СССР в 1926/27 хозяйственном году», опубликованный в № 11—12

«Экономического бюллетеня» за 1927 г. Ученый называл вещи своими именами — прогрессирующая инфляция, товарный голод, обнищание крестьянства, нарушение важнейших народнохозяйственных пропорций. По свидетельству английского экономиста А. Ноува, Альб. Вайнштейн говорил ему, что с декабря 1927 г. его и Н. Д. Кондратьева советы стали расцениваться властями как вредительские [12, с. 175].

Находясь во главе Конъюнктурного института, Н. Д. Кондратьев на протяжении нескольких лет сражался за свое детище, отбивая поползновения на его и без того небогатые штаты и самостоятельное существование со стороны союзного Наркомата рабоче-крестьянской инспекции. Чиновникам последнего, ревностно стоявшим на страже интересов казны, то казалось, что «конъюнктурщики» даром едят хлеб и нужно резко сократить их численность, то вдруг начинали носиться с идеей слияния Конъюнктурного института с Институтом экономических исследований Наркомфина. Но теперь Николай Дмитриевич был бессилен — Конъюнктурный институт оказался обреченным.

8 мая 1928 г. на объединенном заседании Совнаркома СССР было проведено постановление о том, что на основании соглашения между двумя ведомствами Конъюнктурный институт НКФ СССР с 15 мая передается в Центральное статистическое управление. Правда, технически осуществить передачу в этот срок так и не удалось. Но с 16 июля институт числился уже за ведомством статистики, заместителем заведующего которого был тогда О. Ю. Шмидт.

5 июня СНК принимает постановление «Об организации конъюнктурной статистики Союза ССР». «В целях установления большего единства и устранения параллелизма в области организации, собирания и разработки конъюнктурных наблюдений народного хозяйства СССР» организацию статистических конъюнктурных наблюдений предписывалось сосредоточить исключительно в ЦСУ. Теперь планы и программы сбора статистических конъюнктурных данных все ведомства страны должны были предварительно согласовывать с ЦСУ СССР [11, оп. 6, д. 729, 4, 80; 13, ст. 351]. Независимая честная конъюнктурная

статистика фактически перестала существовать — власти в ней больше не нуждались.

Когда 18 февраля 1929 г. ЦСУ представило в Совнарком печальную оценку продукции зерновых за 1928 г., председатель СНК А. И. Рыков предписал руководителям ЦСУ, Госплана и Наркомвнешторга считать ее секретной [14, д. 3691, л. 2]. Подобная засекреченность реальной действительности стала вскоре нормой и дожила буквально до наших дней. С осени 1928 г. СССР стал снова секретно продавать на западе крупные партии золота и музейных ценностей. Не нуждались стоявшие у власти и в самостоятельно мыслящем коллективе ученых, осмеливающихся нелицеприятно указывать на главные причины и истинных виновников углубляющегося кризиса советской экономики. Так, Н. И. Бухарин в 1928 г. в своей книге «Уроки хлебозаготовок, шахтинского дела и задачи партии» вскрыл истинные побудительные мотивы «раскассирования» руководимого Н. Д. Кондратьевым института: «Бюллетень этого Конъюнктурного института оценивал положение вещей таким образом, что беды, мол, в нашей стране происходят от курса на индустриализацию: слишком быстрый темп индустриализации, не связанный, по мнению этих специалистов, с реальным темпом накоплений во всей стране и в крестьянском хозяйстве, этот курс есть главный виновник всех бед и несчастий. Прямой вывод, который они делают из всего этого, — необходимость дать отбой назад, пересмотреть генеральный курс на индустриализацию страны... Это совершенно определенная кулацкая программа, в результате которой соответствующий научный орган приказал долго жить» [15, с. 34, 35].

Вместо Конъюнктурного института в Наркомфине было дозволено организовать маломощное Бюро финансовой конъюнктуры из 17 человек, но и оно просуществовало недолго. В конце 1929 г. был ликвидирован и Конъюнктурный институт ЦСУ. Н. Д. Кондратьев продолжал работать в Тимирязевке и Научно-исследовательском институте сельскохозяйственной экономии. Его научные труды больше не публикуются.

Травля Н. Д. Кондратьева особенно усилилась после ноябрьского (1929 г.) Пленума ЦК ВКП(б),

Н. Д. Кондратьев, 1927 г.

в резолюции которого о кадрах подчеркивалась необходимость развертывания и укрепления подготовки кадров экономистов. Тут же заведующий отделом социально-экономического образования Госкомпрофобразования РСФСР в журнале «Красное студенчество» бросает призывный клич «Заменим Кондратьевых пролетарским молодняком!» [16, с. 4]. Профессор Кондратьев и группа его единомышленников-коллег изгоняются из Тимирязевки.

15 декабря на своем собрании «разоблачают» Николая Дмитриевича специалисты Госплана СССР [17]. Попутно бьют и других ученых, но главный объект развернутой кампании, бесспорно, — Кондратьев. Фамилия Леонида Наумовича рядом с фамилией Николая Дмитриевича не упоминается. — Не было, видно, сигнала.

Через пять дней в Москве начинается Первая всесоюзная конференция аграрников-марксистов. В докладе В. П. Милютина «Борьба на аграрном фронте и реконструкция сельского хозяйства» фамилия Николая Дмитриевича и слово «кондратьевщина» упоминались более двух десятков раз. Борьба с

«Кондратьевыми и К⁰» была объявлена одним из основных направлений в научно-исследовательской работе советских аграрников-марксистов. Некоторые соратники Н. Д. Кондратьева уже покаялись и принесли повинную в своих заблуждениях. Сам травимый ученый, как специально отметил докладчик, таких заявлений до сих пор не сделал [18, с. 32, 60].

Трудное время переживал тогда и Л. Н. Юровский. Наркомфин СССР проходил процедуру «чистки». Это была страшная кампания, имевшая целью устранение из государственных органов всех «бывших» и инакомыслящих. Они изгонялись с «волчьими билетами» — без права на работу в государственных, кооперативных и общественных учреждениях и организациях, без права на выходное пособие, пособие по безработице.

3 ноября подошла очередь начальника Планово-экономического управления Л. Н. Юровского. В этой кампании принимали участие также аспиранты и выпускники институтов РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук), которым приказали «теоретически разоблачить» его. И дело было сделано, хотя и не все согласились принять в нем участие. Всего из 85 штатных сотрудников ПЭУ было «вычищено» 23 человека, в том числе 18 по «категориям», т. е. с «волчьими билетами». Среди них оказался и автор идеи червонца В. В. Тарновский. «Одной из главных причин, выявивших невыполнение ПЭУ возложенных на него заданий, — отмечалось в докладе чистившей аппарат НКФ СССР Комиссии, — является отсутствие политически четкого руководства этим Управлением» [11, оп. 7, д. 43, л. 3].

12 ноября Леонид Наумович подает заявление об освобождении его от должности начальника Планово-экономического управления. Еще через три дня оно удовлетворяется приказом наркома финансов Н. П. Брюханова [11, оп. 18, д. 10181, л. 12—13]. Другого исхода быть просто не могло.

Та же Комиссия вскрыла в Валютном управлении «одесский куст», состоявший из примерно трех десятков бывших земляков Л. Н. Юровского [19]. Леонид Наумович тяжело переживал все происходящее. Он

даже заболел и не скоро смог приступить к дальнейшей работе, оставаясь членом Коллегии Наркомфина.

15 апреля 1930 г. постановлением СНК СССР Л. Н. Юровский персонально назначается членом практически полностью обновляемого Совета Госбанка [14, д. 2163, л. 134]. Несмотря на кампанию его «теоретического разоблачения» в ходе чистки, он продолжал оставаться одной из виднейших фигур советской экономической науки и финансово-кредитной системы. В стране усиливалась инфляция, нарастал товарный голод.

По своим теоретическим воззрениям оба ученых были «товарниками», «рыночниками». Поэтому Л. Н. Юровскому был понятен конкретный адрес, по которому в своей статье в февральском номере «Проблем экономики» бросал гневные анонимные упреки «красный профессор» Г. А. Козлов, издеваясь над «цветом буржуазной экономической мудрости». «Верхом на стоимости, — писал будущий член-корреспондент АН СССР и главный редактор учебников политэкономии социализма, — к социализму не выедешь. Надо сменить лошадку. Думать же, что у лошадки могут вырасти вместо ног колеса, а вместо морды — мотор, — это просто... верить в боженьку...» [20, с. 86].

Оба экономиста еще находились на свободе и публично их никто не назвал «вредителями», когда тот же Г. А. Козлов выступил в июльском номере «Проблем экономики» со своими «Заметками о кулацкой денежной политике». Теперь он разоблачал вполне определенную «группу Кондратьева — Юровского», величая последнего из них «присяжным экономистом буржуазии» и призывая бороться с «Юровскими и их правыми припевалами, как с главной опасностью» [21, с. 11—19]. Дни травимых экономистов были сочтены. «Второго предостережения» не последовало...

1. Архив Троцкого. Коммунистическая оппозиция в СССР. 1923—1927. — Т. 3. — [Б. н.]: Терра-Течча, 1990.

2. Струмилин С. Какие выводы нам опасны//Экономическая жизнь. — 1924. — 4 июня.

3. Струмилин С. Г. На плановом фронте. — М.: Наука, 1980.
4. Коммунист. — 1989. — № 6.
5. Правда. — 1921. — 25 янв.
6. Зиновьев Г. Манифест кулацкой партии//Большевик. — 1927. — № 13.
7. См., например: Леонтьев А. Социалистическое строительство и его критики. К характеристике буржуазной и мелкобуржуазной идеологии в вопросах хозяйственного строительства. — М.—Л.: Гос. изд-во, 1928.
8. См.: Бронский М. Проблемы экономической политики СССР. — М.—Л.: Гос. изд-во, 1928; Он же. Неокапиталистическая идеология в советской экономической литературе//Социалистическое хозяйство. — 1928. — Кн. III.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — 2-е изд. — Т. 23.
10. Попов Г. Система и Зубры//Наука и жизнь. — 1988. — № 3.
11. ЦГАНХ СССР. — Ф. 7733.
12. Ноув А. О судьбах НЭПа//Вопросы истории. — 1989. — № 8.
13. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических Республик. — 1928. — № 38.
14. ЦГАНХ СССР. — Ф. 2324. — Оп. 20.
15. Бухарин Н. И. Уроки хлебозаготовки, шахтинского дела и задачи партии. — Л.: Прибой, 1928.
16. Смушко В. Заменим Кондратьевых пролетарским молодняком//Красное студенчество. — 1929. — № 14.
17. Экономическая жизнь. — 1929. — 18 дек.
18. Труды Первой всесоюзной конференции аграрников-марксистов. — Т. I. — М.: Изд-во Комм. академии, 1930.
19. ЦГАОР СССР. Ф. 374. — Оп. 1. — Д. 571. — Л. 169.
20. Козлов Г. Перерождение кредита//Проблемы экономики. — 1930. — № 2.
21. Козлов Г. Заметки о кулацкой денежной политике//Проблемы экономики. — 1930. — № 7.

«ДА ЗДРАВСТВУЕТ ГПУ НАУЧНОЙ МЫСЛИ»

Лето 1930 года. Курс на «коренной перелом» завел страну в тупик. Как узнал недовольный резким ухудшением своего положения (дефицит всего и вся, карточки, усиливающаяся инфляция) обыватель, главными виновниками этого оказались «вредители» из бывших «буржуазных спецов», засевшие в важнейших хозяйственных органах рабоче-крестьянского государства. По Москве в преддверии, в ходе и сразу по окончании XVI съезда ВКП(б) прокатилась волна арестов представителей научно-технической интеллигенции. Перечень фамилий арестованных «вредителей» одних повергал в изумление, в других вселял страх, третьим доставлял огромное удовольствие. В нем фигурировали крупнейшие специалисты советской науки и народного хозяйства, еще совсем недавно занимавшие высокие посты.

19 июня был арестован Н. Д. Кондратьев, через месяц А. В. Чаянов и Л. Н. Юровский. Их увезли в Бутырку. Накануне Леонид Наумович участвовал в заседании Коллегии Наркомфина СССР, следующее заседание проводилось уже без него...

Допросы арестованных «вредителей» непрестанно велись с 27 июля по 2 сентября. За их ходом из Сочи внимательно следил Сталин, которому Ягода привозил выбитые у обвиняемых показания. «Я думаю, — пишет Сталин Молотову 2 августа, — что все эти показания плюс первое показание Громана следует разослать всем членам ЦК и ЦКК, а также наиболее активным нашим хозяйственникам. Это —

документы первостепенной важности». Получив ответ, Сталин снова инструктирует Молотова: «Я думаю, что следствие по делу Кондратьева — Громана — Садырина нужно вести со всей основательностью, не торопясь. Это дело очень важное. Все документы по этому делу нужно раздать членам ЦК и ЦКК. Не сомневаюсь, что вскроется прямая связь (через Сокольникова и Теодоровича) между этими господами и правыми (Бух., Рыков, Томский). Кондратьева, Громана и пару-другую мерзавцев нужно обязательно расстрелять» [1, с. 102—103].

Вскоре по личному указанию Сталина последовали новые аресты «вредителей» из числа виднейших советских ученых и специалистов народного хозяйства: Н. Н. Суханова, В. А. Базарова, Л. К. Рамзина и др.

Без указаний продолжавшего отдыхать в Сочи «Хозяина» Молотов не предпринимал ни одного важного самостоятельного решения относительно дальнейшей судьбы арестованных. 2 сентября Сталин снова инструктирует его: «Разъяснение в печати «дела» Кондратьева целесообразно лишь в том случае, если мы намерены передать это «дело» в суд. Готовы ли мы к этому? Считаем ли мы нужным передать «дело» в суд? Пожалуй, трудно обойтись без суда.

Между прочим: не думают ли гг. обвиняемые признать свои ошибки и порядочно оплевать себя политически, признав одновременно прочность Совласти и правильность метода коллективизации. Было бы недурно.

...Насчет привлечения к ответу коммунистов, помогавших громан-кондратьевцам, согласен, но как быть тогда с Рыковым (который бесспорно помогал им) и Калининым (которого явным образом впутал в это «дело» подлец-Теодорович)? Надо подумать об этом» [1, с. 103].

На следующий день «Известия» ограничились лаконичным сообщением, что ОГПУ арестованы Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский, А. В. Чаянов, Л. К. Рамзин «...и другие как участники и руководители контрреволюционных организаций, поставивших целью свержение Советской власти и восстановление власти помещиков и капиталистов.

Арестованные признали свою руководящую роль

в этих контрреволюционных организациях и свою связь с вредительскими организациями специалистов, в том числе и с шахтинцами. Следствие продолжается».

Москва стремительно полнилась слухами. Сначала шепотом передавали друг другу, что казнь «Кондратьева, Чаянова, Юровского и К°» предрешена или даже уже состоялась. Потом появились не менее «достоверные» слухи, будто все «вредители» получили по заслугам и сменили свои московские квартиры на камеры Соловков. Но арестованные ОГПУ ученые и специалисты продолжали сидеть в Бутырской тюрьме, где их усиленно обрабатывали специалисты — заплечных дел мастера.

«Дела» Н. Д. Кондратьева, Л. Н. Юровского и А. В. Чаянова вел один из самых страшных садистов с Лубянки (вскоре после этого ставший заместителем Народного комиссара внутренних дел СССР) Я. С. Агранов. Его портрет нам оставила жена Г. Я. Сокольникова писательница Галина Серебрякова: «...Рыхлый, нескладный человек, брюнет, с позеленевшей кожей, густой сетью морщин вокруг злых, полубезумных черных глаз, с удивительно длинными и толстыми губами, углы которых были опущены, как у бульдога, к подбородку и придавали лицу выражение жестокости и пресыщения» [2, с. 274].

Какими методами этот изувер обрабатывал А. В. Чаянова, поведала в письме в Президиум XXIII съезда КПСС жена Александра Васильевича: «Ему было предъявлено обвинение в принадлежности к «трудовой крестьянской партии», о которой он не имел ни малейшего понятия. Так он и говорил, пока за допросы не принялся Агранов. Вопросы вначале были мягкие, «дружеские», иезуитские. Агранов приносил книги из своей библиотеки, потом просил меня передать ему книги из дома, говорил мне, что Чаянов не может жить без книг, разрешил продовольственные передачи и свидания, а потом, когда я уходила, он, пользуясь духовным потрясением Чаянова, тут же устраивал ему очередной допрос. Принимая «расположение» Агранова к нему за чистую монету, Чаянов объяснял ему, что ни к какой партии он не принадлежал, никаких контрреволюционных действий не предпринимал. Тогда Агранов начал ему показывать

одно за другим тринадцать показаний его товарищей против него. Я не знаю подробностей обвинения. Знаю только, что кроме обвинения в ТКП повторялась клевета, которую он, опираясь на факты, опроверг будучи еще на воле.

Показания, переданные ему Аграновым, повергли Чаянова в полное отчаяние — ведь на него клеветали люди, которые его знали и которых он знал близко и много лет. Но все же он еще сопротивлялся. Тогда Агранов его спросил: «Александр Васильевич, есть ли у вас кто-нибудь из товарищей, который, по вашему мнению, не способен солгать?» Чаянов ответил, что есть, и указал на проф. эконом. географии А. А. Рыбникова. Тогда Агранов вынимает из ящика стола показания Рыбникова и дает почитать Чаянову. Это было последней каплей, которая подточила сопротивление Чаянова. Он начал, как и все другие, писать то, что сочинял Агранов. Так он в свою очередь оговорил и себя» [3, с. 19—20].

До 1980 г. дожил М. П. Якубович, проходивший по делу «Союзного бюро РСДРП». Он-то и сообщил в Прокуратуру СССР, как тогда «выбивались» из них «признания»: Одни «поддались на обещание будущих благ, других, пытавшихся сопротивляться, «вразумляли» физическими методами воздействия — избивали... держали без сна на «конвейере», сажали в карцер (полураздетыми и босиком на мороз или в нестерпимо душный и жаркий, без окон) и т. д. Для некоторых было достаточно одной угрозы подобного воздействия. Для других оно применялось в разной степени, в зависимости от сопротивляемости каждого» [4, с. 74].

Как «вышибали» показания из Л. Н. Юровского, с точностью не установлено, зато известно, как добивались этого следователи от Н. Д. Кондратьева. Его сутками, не давая заснуть, держали перед слепившей глаза яркой лампой. От всего этого можно было сойти с ума.

Так палачам удалось получить нужные показания от всех арестованных. Были срочно типографски отпечатаны протоколы допросов. Эту до сих пор недоступную исследователю секретную книгу «Материалы по делу контрреволюционной «Трудовой крестьянской партии» и группировки Суханова — Громана (Из ма-

териалов следственного производства ОГПУ)» получили тогда в соответствии со сталинскими указаниями все члены ЦК и ЦКК [1, с. 98]. Но сам Сталин изуверски продолжал тянуть с началом открытого судебного процесса. 22 сентября он снова пишет Молотову: «Подождите с делом передачи в суд кондратьевского «дела». Это не совсем безопасно. Подождите до осени с решением этого вопроса. В половине октября решим этот вопрос совместно. У меня есть некоторые соображения против» [1, с. 105].

Вскоре, получив от председателя ОГПУ В. Р. Менжинского письмо и материалы следствия с показаниями Рамзина, Сталин дает главе чекистского ведомства письменные указания о том, что именно должны содержать будущие показания «верхушки ТКП, «Промпартии» и особенно Рамзина». Здесь же Сталин приказывает Менжинскому: «Провести сквозь строй гг. Кондратьева, Юровского, Чаянова и т. д., хитро увиливающих от «тенденции к интервенции», но являющихся (бесспорно!) интервенционистами, и строжайше допросить их о сроках инт[ервенции] (Кондратьев, Юровский и Чаянов должны знать об этом так же, как знает об этом Милюков, к которому они ездили на «беседу»).

Если показания Рамзина получат подтверждение и конкретизацию в показаниях других обвиняемых (Громан, Ларичев, Кондратьев и К⁰ и т. д.), то это будет серьезным успехом ОГПУ...» [1, с. 100].

За несколько дней до начала суда над членами «Союзного бюро РСДРП», сообщал М. П. Якубович, в кабинете старшего следователя Д. Н. Дмитриева под его председательством состоялось первое «организационное заседание» арестованной головки этой мифической партии. «На заседании обвиняемые познакомились друг с другом, и согласовывалось — репетировалось — их поведение на суде. На первом заседании эта работа не была закончена, и оно было повторено». В «генеральной репетиции» участвовал и прокурор Н. В. Крыленко, с которым М. П. Якубович был знаком еще с дореволюционного времени. «Я не сомневаюсь, что Вы лично ни в чем не виноваты, — сказал он М. П. Якубовичу. — Мы оба выполняем наш долг перед партией. Я Вас считал и считаю коммунистом, я буду обвинителем на процес-

се. Вы будете подтверждать данные на следствии показания. Это — наш с Вами партийный долг...» [5, с. 186]. В результате подобной подготовки судебные процессы над «Промпартией» и «Союзным бюро РСДРП» прошли без сучка и задоринки, в полном соответствии со «сценариями». Но все это впереди, а пока судебные фарсы над учеными еще только готовятся...

В ожидании суда арестованные сидели в Бутырке и других московских тюрьмах, а недавние коллеги громогласно клеймили их позором, объявили вредителями и требовали смертной казни. 1 октября собравшиеся в Аграрном институте Коммунистической академии дружно одобрили доклад В. П. Милютина «О контрреволюционном вредительстве в сельском хозяйстве». Через неделю общее собрание Тимирязевки единогласно потребовало для бывших своих профессоров Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова, А. Г. Дояренко и других ученых, арестованных вместе с ними, «высшей меры социальной защиты» [6, с. 61]. Интересно, не спели ли они в порыве воодушевления хором «Гимн Тимирязевки», музыку к которому написал А. Г. Дояренко?

Еще через три дня этих же ученых вкупе с Л. Н. Юровским и Н. Н. Сухановым разоблачали как «профессоров-вредителей» и клеймили позором собравшиеся в Международном аграрном институте [7] их недавние коллеги, многих из которых вскоре постигла та же горькая участь.

Подобные «разоблачения» происходили тогда и в других наркоматах и ведомствах, где до ареста работали «вредители», — Наркомфине, ЦСУ, Госплане, ВСНХ, Наркомземе, институтах и академиях Москвы. 17 ноября состоялось совещание финансовых работников, с гневом обличавших и громивших Кондратьева, Юровского и других «идеологов капиталистической реставрации», представителей «кулацко-капиталистической философии денежного обращения».

«Одним из важнейших условий успешной работы научной мысли в области финансов, — поставил в своем заключительном слове задачу новый нарком финансов СССР Г. Ф. Гринько, сменивший снятого и «брошенного на низовку» Н. П. Брюханова, — является расчистка наследия, оставленного Юровскими,

Кондратьевыми, Шмелевыми, Соколовыми и др. Эта работа до сих пор нами не проделана. По писаниям Юровских и Кондратьевых мы еще и сейчас воспитываем наши финансовые кадры. Эта расчистка должна быть доведена до конца, т. е. вплоть до разоблачения тех теорий и теориек, которые внутри нашей партии прямо или косвенно являются отражением юровщины и кондратьевщины. Мы, кроме того, должны повести борьбу с отражением юровщины в методах работы финансового аппарата» [8, с. 29].

Ему вторил будущий сталинский сатрап Н. И. Ежов: «Кондратьевы, Макаровы, Дояренки и др. арестованы, но корни кондратьевщины еще есть в наших земорганах, научных учреждениях и вузах. Перед нами стоят громадные задачи по окончательному выкорчевыванию этих корней кондратьевщины...» [9, с. 12].

Началась тотальная «охота на ведьм», к лику которых были причислены как уже «разоблаченные», так и пока до конца не выявленные органами их сторонники и пособники. Последние публично каялись в потере классового чутья и бдительности, винились, что не сумели (или не успели) своевременно разоблачить работавших рядом с ними «вредителей».

12 ноября 1930 г. в Коммунистической академии заседало Общество марксистов-статистиков. С погромными речами выступали В. Старовский, А. Боярский, Л. Цыпкин и др. Председательствующая — будущий член-корреспондент АН СССР М. Смит резюмировала: «...Никогда еще мы не видели такой 100-процентной корреляции между вредительством и антимарксистской теорией, какую установило ГПУ. Мы можем гордиться тем, что по линии статистики первые выступили в борьбе с этими антимарксистами, но эта гордость пустяки по сравнению с той гордостью, которую мы когда-нибудь будем иметь себе приписать, если мы сделаемся ГПУ научной мысли в области статистики и в ее применении к планированию» [10, с. 52].

Призывный клич «Поможем ГПУ в искоренении вредительства на научном фронте!», подхваченный и ставший «руководством к действию», вызвал нарастание мутного потока доносов. К чести некоторых ученых, надо сказать, что и в этих условиях они не

поступились своей научной и гражданской совестью. Незадолго до заседания в Обществе марксистов-статистиков заседал Ученый совет НИИ математики и механики, разбиравший вопрос о вредительстве в математике. С горечью крупнейший в то время математик профессор Егоров бросил обвинителям: «Что вы толкуете о вредительстве... худших вредителей, чем вы, товарищи, нет, ибо вы своей пропагандой марксизма стандартизируете мышление...» Это было последнее выступление «тогда еще не разоблаченного вредителя Егорова». Поведавший об этом марксистам-статистикам Б. Ястремский призвал своих коллег к дальнейшим усилиям: «ГПУ верной рукой выдавливает вредителей. Что же нам, научным работникам и работникам практическим, следует делать? Нужно выявлять вредителей, которые ради якобы свободы мысли, против «стандартизации» мышления ведут свою якобы идейную борьбу. Этих вредителей надо вылавливать, и мы в этом отношении должны помочь ОГПУ» [10, с. 38].

Все газеты и журналы страны еще задолго до суда стали усиленно разоблачать арестованных. Большие статьи печатались в «Правде», их авторы камня на камне не оставляли от «ученых-вредителей». «Дело Кондратьева — Громана показывает, — писал Н. Попов, — как глубоко сидели наши враги в аппарате пролетарской диктатуры, разлагая ее изнутри, какая еще огромная работа предстоит нам впереди, чтобы вымести прочь этих врагов, заменяя их своими, пролетарскими и коммунистическими кадрами и в то же время укрепляя связь с массами советских специалистов, не имеющих ничего общего с вредителями и честно помогающих делу социалистического строительства. Оно заставляет проявлять удвоенную бдительность к бывшим членам буржуазных и мелкобуржуазных партий, которые прикрылись платформой советской власти, чтобы легче и свободней ее предавать» [11, 15 сент.].

Издеваясь над арестованными «жрецами правильной арифметики», «беспартийной статистики» и «объективной науки», которых за их великие заслуги пролетариат вознаградил бесплатным помещением и довольствием в не столь отдаленных от б. площади Дзержинского местах, заведующий Отделом печати

и издательств ЦК ВКП(б) Б. Таль писал в «Большевике»: «Партия при активной помощи ОГПУ разрушила этот аппарат сигнализации классового врага» [12, с. 37]. Всего через несколько лет и сам Б. Таль получит такое же вознаграждение в тех же самых местах.

По «вредителям» вели огонь из орудия всех калибров, требуя «изъять», «исключить», «расстрелять»... Особенно бесновались те, кто сами и в подметки не годились арестованным «псевдоученым головам». В журнале «Красное студенчество» Г. Дементьев назвал арестованных профессоров «зубрами» (!) — «доверенными международного капитала и белогвардейщины»: «Имена этой плеяды, притянувшей себе на помощь «объективную науку», включавшей в план действий интервенцию и террористические акты на вождей пролетарской революции, читаются теперь трудящимися Союза с величайшей брезгливостью... Пролетарское студенчество должно разоблачать у себя идеи кулацко-буржуазного реставраторства, проникающие зачастую с кафедр под видом учености» [13, с. 6—7]. И студенчество стало это делать, требуя изгнания из вузов еще оставшихся на свободе сторонников Л. Н. Юровского и Н. Д. Кондратьева, уничтожения их «вредительских» трудов.

Сегодня читать об этом без содрогания невозможно, как нельзя спокойно просматривать периодику и кинохронику того времени: оболваненные пропагандой «широкие массы трудящихся» добровольно понесли свои вязанки дров на костер судилища над Наукой.

25 ноября 1930 г. мимо Дома Союзов прошел 1 миллион 200 тысяч москвичей, требовавших: «Расстрелять контрреволюционную сволочь!» [14, с. 169]. Грандиозные демонстрации, многотысячные «митинги трудящихся» прошли по всей стране. На одном из них в Нижнем Новгороде рабочие крупнейших промышленных предприятий с воодушевлением приняли резолюцию, заканчивавшуюся призывами: «Долой поджигателей войны! Да здравствует ОГПУ! Да здравствует тов. Сталин!» [15, 26 нояб.].

1. Коммунист. — 1990. — № 11.
2. Смерч. — М.: Изд-во ДОСААФ СССР, 1988.

3. Цит. по: Муравьев В. Б. Творец московской горманиады//Чаянов А. В. Венецианское зеркало: Повести. — М.: Современник, 1989.

4. Цит. по: Елфимов Е., Щетников Ю. Три процесса над старой интеллигенцией (1928—1931 гг.)// Политическое образование. — 1989. — № 16.

5. Знамя. — 1989. — № 2.

6. Наука и жизнь. — 1988. — № 6.

7. Кондратьевщина, чаяновщина и сухановщина. Вредительство в сельском хозяйстве. — М.: Междунар. аграрн. ин-т, 1930.

8. Финансы и народное хозяйство. — 1930. — № 33.

9. Ежов Н. И. Кондратьевщина в борьбе за кадры. — 1930. — № 9—10.

10. На борьбу за материалистическую диалектику в математике: Сб. статей по методологии, истории и методике математических наук. — М.—Л., 1931.

11. Попов Н. На решающем этапе ликвидации кулачества//Правда. — 1930.

12. Таль Б. Право-«левый» блок в борьбе против партии//Большевик. — 1930. — № 21. — 15 нояб.

13. Дементьев Г. Вожди «объективной» науки// Красное студенчество. — 1930. — № 7.

14. Октябрь. — 1988. — № 1.

15. Известия. — 1930. — 26 нояб.

«СВИДЕТЕЛИ» И ПОДСУДИМЫЕ

Колонный зал Дома Союзов, хорошо знакомый Л. Н. Юровскому и Н. Д. Кондратьеву. Здесь 25 ноября 1930 г. Специальным судебным присутствием Верховного суда СССР начинает рассматриваться «Дело № 38», более известное как процесс «Промпартии».

На скамье подсудимых — 8 человек во главе с директором Теплотехнического института профессором Л. К. Рамзиным. «...В три месяца был подготовлен и сыгран великолепный спектакль, подлинное совершенство нашей юстиции и недостижимый образец для юстиции мировой — Процесс «Промпартии»...», — так оценил действо, происходящее с 25 ноября по 7 декабря 1930 г. в Доме Союзов, А. И. Солженицын [1, № 9, с. 112].

Сам «Лучший друг советских ученых» внимательно следил за ходом процесса, «сценарий» которого был заранее с ним согласован. Л. К. Рамзину этим «сценарием» была уготована роль главаря «Промпартии». Он безукоризненно и вдохновенно сыграл ее, признавая и показывая суду все, что только от него требовалось. Приговор Л. К. Рамзину и четырем другим обвиняемым был одинаковым: высшая мера наказания. Но уже на следующий день Президиум ВЦИК, рассмотрев апелляции осужденных, заменил им смертную казнь 10 годами тюремного заключения. Соответственно снижались сроки другим членам «Промпартии». Рамзин продолжил работу в одном из режимных учреждений, не просидев после приговора в тюрьме ни дня.

К несчастью, одним из персонажей того «сценария» стал и Л. Н. Юровский. Персонажем очередного подобного «сценария» пришлось стать Н. Д. Кондратьеву...

Свидетель Юровский вводится комендантом суда в зал заседания и начинает давать суду показания. Горькая ирония судьбы — в этом зале профессору Юровскому приходилось выступать и раньше. Возможно, Леонид Наумович вспомнил свое пятилетней давности выступление и даже его точную дату — 25 июня 1925 г. [2, с. 225—227]. Тогда, на Втором всесоюзном финансовом совещании, его тоже внимательно слушали как крупного специалиста своего дела. После того выступления начальника Валютного управления Наркомфина СССР увез персональный служебный автомобиль. Теперь «вредителю Л. Н. Юровскому» предстоял иной маршрут — до Бутырки.

Пока он всего только «свидетель» — процесс «Трудовой крестьянской партии» еще готовится в недрах Лубянки, пишется и согласовывается с «Хозяином» его сценарий. Сегодня Леонид Наумович показывает суду под председательством А. Я. Вышинского лишь о связях своей партии с «Промпартией». В качестве государственного обвинителя на процессе «Промпартии» выступает прокурор Н. В. Крыленко.

«**Председатель.** К какой группе контрреволюционной организации вы принадлежите?

Юровский. К организации, которая именовала себя «Трудовая крестьянская партия».

Председатель. Продолжайте...»

Да, он и Н. Д. Кондратьев являются главарями «Трудовой крестьянской партии», вместе с руководством «Промпартии» тайно злоумышлявшими на устои Советской власти. Будучи по служебным делам в Париже, он, Л. Н. Юровский, вел там разговор с П. Н. Милюковым о сроках вооруженной иностранной интервенции в СССР. Да, в составе нового правительства России после свержения большевистского режима ему перепал бы один из министерских портфелей [3, с. 297].

Свои показания «свидетель» Юровский давал вечером 30 ноября 1930 г. Возможно, слушая их, кто-нибудь из сидящих в зале листал купленный утром

только что вышедший из печати номер «Большевика», который открывался статьей «Процесс русской и международной контрреволюции». Ее анонимный автор писал: «На том участке исторического развития, на котором Советская власть должна была для накопления сил для нового прыжка допустить развитие зажиточных слоев деревни, довольствуясь ограничением их эксплуататорских тенденций, господа Юровские, Кондратьевы, Громаны оказывали нам некоторую помощь. При этом, конечно, они делали надежду, что служат делу возрождения капитализма, ибо по их мнению, Советская власть, сказав «а», должна будет сказать и «б». В этом они жестоко ошибались».

Процесс «Промпартии» был еще не закончен, поэтому автор той передовицы «Большевика» хвалил не приговор суда, а «творчество» прокурора Н. В. Крыленко: «...надо прямо сказать, обвинительный акт советской прокуратуры с содержащимися в нем признаниями подсудимых стоит выигранной битвы. Он является выигранной битвой в нашей борьбе за мир» [4, с. 2—3]. Сомнительно, чтобы фальсифицированный процесс «Промпартии» мог быть битвой за мир, но бесспорно, что он означал трагедию, катастрофу советской научно-технической и экономической мысли, ее глубочайшее поражение, разгром, успешно содействовавший приведению ее в то состояние, из которого она не может полностью выйти до сих пор. Этот процесс был прямым продолжением «первого предостережения» 8-летней давности...

В Бутырке Юровский написал 12 сохранившихся до наших дней «тюремных сонетов», все они посвящены любимому человеку — жене. Вот один из них — седьмой, наиболее удачно передающий тогдашнее состояние Леонида Наумовича. Он датирован самим поэтом: «1931 год. Внутренняя тюрьма — Бутырская тюрьма»:

Почти что десять лет мы жили близ Арбата,
Я кое-что писал, но в вечной суете;
Без радости я вспоминаю годы те:
Как много лишних дел, какая сил растрата.

Я не хотел совсем ни почестей, ни злата,
Стремился к тишине, к покою, к простоте,
Готов с тобою был ютиться в тесноте,
Была бы только жизнь внутри меня богата.

Беда, коль попадешь, как муха в паутину.
Я начал уж входить в чиновничью рутину,
Хоть сам о том скорбел. Но беспощадно небо:
Душа стремится ввысь, а людям нужно хлеба.
И строишь жизнь свою случайно и превратно,
А годы между тем уходят безвозвратно [5].

Тем временем на воле во всех кинотеатрах демонстрировался документальный фильм «13 дней, или Дело «Промпартии». По окончании процесса «Промпартии» А. Я. Вышинский стал чуть ли не «национальным героем». Итоги этого судебного фарса были доложены им на III сессии Государственного ученого совета. Хорошо поставленным голосом оратор вещал собравшимся ученым мужам, разбивая до основания, в мелкие кусочки, утверждение капиталистической и эмигрантской прессы, кричавшей о явной фальсификации только что закончившегося трагикофарса. Фарисей Вышинский, будущий советский академик, демонстрировал собравшимся примеры того, как не признававшиеся во время ведения следствия ОГПУ люди на гласном судебном заседании добровольно признавали: «Вероятно, мы обладаем другим гипнозом, который перекрывает гипноз ОГПУ». Под смех зала оратор эффектно закончил: «Вероятно, здесь, как подсказывает Михаил Николаевич [Покровский], играет роль, может быть, Юпитер» [6, с. 22]. Ученые дружно одобрили итоги процесса. Началась широкая кампания с посылкой различных «писем» и «ответов».

От имени ученых страны за подписями 17 человек во главе с академиком Н. Я. Марром (в их числе оказался и бывший студент Л. Н. Юровского — будущий советский академик экономист К. В. Островитянов) последовал дружный «Ответ научных работников СССР на вредительство и подготовку интервенции»: «Мы приветствуем ОГПУ — оплот и зоркого часового пролетарской революции, который своей бдительностью расстроил коварные планы наших врагов и передал изменников в руки пролетарского правосудия... Наше внимание должно быть заострено на своевременном активном разоблачении вредных, но скрывающих свою классово-враждебную сущность научных и технических теорий и практических предложений в области науки и техники... Необходимо

при этом решительно ликвидировать все последствия вредительства в науке, в котором, кроме вредителей из «Промпартии», принимали участие действовавшие в контакте с ними: Кондратьев, Чаянов, Громан, Базаров, Суханов и др.» [7, с. 4—5].

Вскоре последовало продолжение, и в Колонном зале Дома Союзов предстояло выступать в роли «свидетеля» уже Николаю Дмитриевичу.

«Стандарт достигнут — и теперь может держаться многолетие и повторяться хоть каждый сезон — так скажет Главный Режиссер. Благоугодно же Главному назначить следующий спектакль уже через три месяца! Сжатые сроки репетиций, но ничего. Смотрите и слушайте! Только в нашем театре! Премьера.

Процесс Союзного Бюро Меньшевиков (1—9 марта 1931)... И все проходит не только гладко — одуряюще гладко» [1, № 9, с. 123]. Снова обвиняет Н. В. Крыленко «вредителей». Теперь на скамье подсудимых уже 14 человек. Наиболее известные из них — ученые-экономисты В. Г. Громан, Н. В. Суханов, И И. Рубин, А. Ю. Финн-Енотаевский. Теперь главным обвиняемым выступает сломленный палачами В. Г. Громан.

...«Сценарий Лубянки» снова воплощается в трагикофарсе суда над советской научно-технической интеллигенцией. Как и предыдущий, процесс «Союзного бюро РСДРП» тоже застенографирован. Стенограмма в целях действенного «назидания потомкам» издана. Не случайно она тоже никогда не помещалась в библиотечные спецхраны и всегда была доступна любому желающему. Только далеко не всему в обеих стенограммах можно верить: «По воспоминаниям жены Н. В. Крыленко Е. В. Розмирович, экземпляр стенограммы частями, по мере проведения процесса, направлялся Сталину, которым каждая страница стенограммы была прочитана еще до опубликования». При этом стенограмма тщательно редактировалась [8, с. 152]. Но других источников у нас еще нет...

4 марта 1931 г. комендант вежливо приглашает в зал суда свидетеля Н. Д. Кондратьева из той же Бутырки. Снова, как почти 11 лет назад, судьба сводит двух Николаев — Кондратьева и Крыленко. На

этот раз последний из них великодушием и гуманностью уже не отличается...

«**Председатель.** Я вас предупреждаю о том, что вы должны суду показывать только правду». Предупрежденный «свидетель» Н. Д. Кондратьев, которого уже соответствующим образом «подготовили» палачи Лубянки, начинает давать интересующие суд показания. Он делает это очень подробно. Да, он действительно был заместителем Л. Н. Юровского, который в качестве главаря «Трудовой крестьянской партии» входил в контактную комиссию представителей этой партии и «Союзного бюро РСДРП»... Да, мы вместе с ним вели активную борьбу за свержение Советской власти... Да... Да... Да...

Лишь временами в Николае Дмитриевиче как бы просыпается его бойцовский характер и он бросает иронические реплики-ответы.

«**Крыленко.** Склады оружия были?

Кондратьев. Мне неизвестно о существовании ни одного большого склада оружия.

Муранов. А маленькие?

Кондратьев. И маленькие мне лично неизвестны.

Крыленко. Одним словом, была попытка к созданию такой организации...»

Позже Н. Д. Кондратьев покажет суду, что принимал участие в контрреволюционной деятельности, руководствуясь идейно-политическими соображениями, что он действительно включился в борьбу с Советской властью: «Но всякая политическая борьба имеет свою логику и, начавшись с легальной оппозиции, эта борьба привела меня постепенно и к различным формам нелегальной борьбы, которая вот здесь достаточно рельефно была выявлена, вплоть до — в конечном итоге — установок вредительского характера, вплоть до признания в той или иной форме необходимости использования интервенции».

Объявленный 9 марта 1931 г. приговор оказался на удивление мягким: ни одной «высшей меры наказания». Сроки — не больше 10 лет тюрьмы. Все ожидали очередного, третьего по счету, спектакля — процесса над «Трудовой крестьянской партией». Но тот почему-то задерживался.

Прошел почти год, прежде чем томившиеся в Бутырке Кондратьев, Юровский и их коллеги узнали о

своей дальнейшей судьбе. Все это время Николай Дмитриевич работал над рукописью монографии, которую озаглавил «Основные проблемы экономической статики и динамики (Предварительный эскиз)» [9].

Пока Кондратьев и Юровский сидели в Бутырке, на свободе их имена и научные труды предавались анафеме. Не было ни одной появлявшейся в тот период статьи, монографии, сборника или брошюры по проблемам финансов, сельского хозяйства, политэкономии, в которых бы как атрибут не громились все сильнее и яростнее «кондратьевщина», «юровщина», чаяновщина» и им подобные «-щины». На многочисленных собраниях, совещаниях, активах, конференциях ставились задачи как можно быстрее «искоренить», «разгромить», «уничтожить» и т. д. и т. п. любые их проявления, «покончить» с еще оставшимися, затаившимися сторонниками «Юровского — Кондратьева — Чаянова и К°».

Вряд ли возможно определить количественно тот урон, который понесла советская экономическая и аграрная наука сразу после разоблачения «кондратьевщины» и «юровщины».

Ожидавшийся процесс над «Трудовой крестьянской партией» так и не состоялся. Действительные причины этого не известны. Существуют лишь версии. Одну из них в «Архипелаге...» предложил А. И. Солженицын: «Следственный аппарат ГПУ работал безоглядно: уже тысячи обвиненных полностью сознались в принадлежности к ТКП и в своих преступных целях. А всего было обещано «членов» — двести тысяч... И вдруг в одну прекрасную ночь Сталин передумал — почему, мы этого, может быть, никогда не узнаем. Захотел ли душеньку отмаливать? — так рано. Пробило чувство юмора, что уж больно однообразно, оскомина? — так никто не посмеет попрекнуть, что у Сталина было чувство юмора. А вот что скорей: прикинул он, что скоро вся деревня и так будет от голода вымирать, и не двести тысяч, так нечего и трудиться. И вот была отменена вся ТКП, всем «сознавшимся» предложили отказаться от сделанных признаний (можно себе вообразить их радость) и вместо этого засудили внесудебным порядком, через коллегию ОГПУ, небольшую группу Кондратьева — Чаянова» [1, № 8, с. 34].

Вряд ли все это действительно было именно так, но в последнем автор «Архипелага...» бесспорно прав, достаточно обратиться к соответствующим документам текущего архива Военной коллегии Верховного суда СССР. Из них видно, что «дело» Н. Д. Кондратьева, Л. Н. Юровского, А. В. Чаянова и других «главарей» «Трудовой крестьянской партии» было рассмотрено в закрытом заседании Коллегией ОГПУ 26 января 1932 г. Прокурор обвинил их в государственных преступлениях, предусмотренных сразу тремя статьями печально знаменитой, самой страшной главы 58 УК РСФСР: 58^4 («Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности...»); 58^{11} («Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой...»). Но особенно дико и нелепо звучало обвинение Н. Д. Кондратьева и его подельцев по статье 58^7: «Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях...».

По каждой из статей предъявленного обвинения предусматривалось наказание от 3-летнего тюремного заключения до «высшей меры социальной защиты». Но руководители ОГПУ проявили к руководителям ТКП «гуманность»: Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский и Н. П. Макаров получили по 8 лет, А. В. Чаянов и двое других обвиняемых — по 5 лет. Шестеро остальных — по 3 года тюрьмы, правда, кто с заменой наказания высылкой на тот же срок, а кто — с заменой наказания «ограничением в месте жительства на тот же срок» [10]. Всем им, можно сказать, тогда еще повезло: Коллегия ОГПУ отнюдь не всегда проявляла подобную «гуманность». Незадолго до начала

процесса «Промпартии» она в своем таком же закрытом заседании по личному приказанию Сталина присудила к расстрелу 48 видных работников продовольственного дела. Как сообщалось в газетах, эти «вредители» во всем признались, показывая на связи с «Промпартией», Юровским и Кондратьевым, другими арестованными учеными и специалистами народного хозяйства. Но и это не спасло: приговор был сразу приведен в исполнение.

До революции на территории России было 550 действующих тюрем. К началу 30-х годов их осталось (по официальным данным) лишь 336, другие были переоборудованы под школы, гостиницы, больницы, разрушены, сгорели, разобраны на строительные материалы [11, с. 433]. В то же время открывались и новые «воспитательные учреждения». В одно из них и поместили «для исправления» часть арестованных ученых. Им тогда тоже повезло — на Соловках оказалось бы гораздо хуже.

Перевоз осужденных профессоров к новому месту жительства был недолгим — от Москвы до Владимира, оттуда — еще десятка три верст. 12 февраля в письме жене Н. Д. Кондратьев сообщил: «Доехал благополучно. Буду заниматься, насколько смогу» [12]. На конверте он указал свой новый адрес: «Суздаль, политизолятор, Н. Д. Кондратьеву»...

1. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ: Опыт художественного исследования//Новый мир. — 1989.

2. Второе всесоюзное финансовое совещание: Стеногр. отчет, работа секций и резолюции. — М.: Фин. изд-во НКФ СССР, 1925.

3. Процесс «Промпартии» (25 нояб. — 7 дек. 1930 г.): Стенограмма судебного процесса и материалы, приобщенные к делу. — М.: Советск. законодательство, 1931.

4. Процесс русской и международной контрреволюции//Большевик. — 1930. — № 22 (30 нояб.).

5. Социалистическая индустрия. — 1989. — 12 янв. (Публикация Ю. М. Голанда).

6. Вышинский А. Я. Дело «Промпартии» (доклад на III сессии Государственного ученого совета)//Научный работник. — 1930. — № 11—12.

7. Ответ научных работников СССР на вредительство и подготовку интервенцев//Научный работник. — 1930. — № 11—12.

8. Писаренко Э. Е. Александр Дмитриевич Цюрупа//Вопросы истории. — 1989. — № 5.

9. Сохраненная женой и дочерью эта рукопись давно привлекала внимание Запада. Е. Н. Кондратьевой неоднократно предлагалось издать книгу отца за рубежом, но она отвергала подобные предложения даже тогда, когда полная реабилитация Н. Д. Кондратьева представлялась невозможной и он продолжал числиться в «буржуазных экономистах» и «вредителях».

10. Текущий архив. Военной коллегии Верховного суда СССР. — Определение № вн-0372/87.

11. От тюрем к воспитательным учреждениям: Сб. статей/Под ред. А. Я. Вышинского. — М.: Советск. законодательство, 1934. — С. 433.

12. Здесь и далее цитируемые письма Н. Д. Кондратьева жене хранятся в личном архиве их дочери Е. Н. Кондратьевой, любезно предоставившей автору право их использования для настоящей книги. Фрагменты некоторых из этих писем опубликованы в газетах «Суздальская новь» (г. Суздаль). — 1988. — 30 дек. и «Рабочий край» (г. Вичуга). — 1989. —6 июня.

«ОТРАДНАЯ ЖИЗНЬ В СВЯТОМ МОНАСТЫРЕ»

Испытывал ли ты, что значит задыхаться?
И видеть над собой не глубину небес,
А звонкий свод тюрьмы, — и плакать,
И метаться, и рваться на простор, — в поля,
В тенистый лес? Что значит с бешенством и
Жгучими слезами, остервенясь душой, как
Разъяренный зверь, пытаться оторвать
Изнывшими руками железною бронею окованную
дверь?..

С. Я. Надсон

В годы русской революции из тюрьмы выпустили всех узников. Но летом 1923 г. она стала функционировать вновь, теперь уже как Суздальский политизолятор. Н. Д. Кондратьев и Л. Н. Юровский были помещены в тюрьму Суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. До революции в монастырских тюремных камерах-кельях, рассчитанных на одного заключенного (в советское время камеры были переоборудованы в общие), побывало более 400 человек: раскольники, сектанты, священники, монахи, архимандриты, диаконы, дьячки, послушники, причетчики, мещане, офицеры, канцеляристы, дворяне-однодворцы. Спасо-Евфимиев монастырь владел драгоценными камнями, золотом, серебром, жемчугом. В ходе кампании изъятия церковных ценностей в помощь голодающим, начавшейся в 1922 г., все ценности были доставлены в Москву и помещены в ГОХРАН, входивший в руководимое Л. Н. Юровским Валютное управление Наркомфина СССР. По

злой иронии судьбы вместо них здесь окажется бывший начальник Валютного управления. Но о «суздальском» периоде жизни Л. Н. Юровского, тюремные письма которого не сохранились, известно мало.

В камере Л. Н. Юровский пишет свою книгу, посвященную проблемам теории хозяйственного развития. Он задумал ее еще за два года до ареста. Замысел ученого, если судить по сохранившемуся плану, был грандиозным: Введение в изучение народного хозяйства. Теория капиталистического хозяйства. Теория социализма и хозяйства переходного периода. Всего 30 глав. В нем Л. Н. Юровский собирался теоретически проанализировать на макроэкономическом уровне основные проблемы общей теории цены, общей теории денег и денежных систем, тренда капиталистического хозяйства, больших циклов конъюнктуры, общей теории распределения, теории планового социалистического хозяйства, теории кредита. Венчать труд должна была глава «Капитализм, социализм и проблема народного богатства» [1].

Осенью 1932 г. соузником Л. Н. Юровского и Н. Д. Кондратьева стал еще один экономист, не имевший, правда, какого-либо отношения к старой русской профессуре — Мартемьян Никитич Рютин. Видный революционер-большевик, он в октябре 1930 г. был исключен из рядов партии, арестован ОГПУ, но вскоре, правда, освобожден и стал работать экономистом в «Союзсельэлектро». В сентябре 1932 г. последовал новый арест. 11 октября Коллегия ОГПУ приговорила М. Н. Рютина к 10 годам тюремного заключения. Он тоже был обвинен в создании контрреволюционной группы «по восстановлению в СССР капитализма и, в частности, кулачества» [2, с. 157—160]. Еще будучи на свободе, М. Н. Рютин написал пламенный антисталинский манифест, обращенный «Ко всем членам ВКП(б)». За него он потом заплатил жизнью.

Поразительно, но в рютинском «Манифесте» *как уже свершившиеся* констатировались те предостережения, о которых до своего ареста говорили и писали Кондратьев и Юровский, его теперешние соседи по тюрьме: «Авантюристические темпы индустриализации, влекущие за собой колоссальное снижение заработной платы рабочих и служащих, непосильные

открытые и замаскированные налоги, инфляцию, рост цен и падение стоимости червонца; авантюристическая коллективизация с помощью невероятных насилий, террора, раскулачивания, направленного фактически главным образом против середняцких и бедняцких масс деревни, и, наконец, экспроприация деревни путем всякого рода поборов и насильственных заготовок привели всю страну к глубочайшему кризису, чудовищному обнищанию масс и голоду как в деревнях, так и в городах» [3, с. 618].

«Манифест» М. Н. Рютина не был известен Н. Д. Кондратьеву и Л. Н. Юровскому, иначе бы они смогли прочитать в нем описание происшедшего и все более усиливающегося развала народного хозяйства страны: «Всякая личная заинтересованность к ведению сельского хозяйства убита, труд держится на голом принуждении и репрессиях; насильственно созданные колхозы разваливаются. Все молодое и здоровое из деревни бежит, миллионы людей, оторванных от производительного труда, кочуют по стране, перенаселяя города, остающееся в деревне население голодает и питается суррогатами. Эпидемии начинают свою работу.

В перспективе — дальнейшее обнищание, одичание и запустение деревни. В перспективе — угроза сильнейшего голода на будущий год. Внутренняя торговля также находится в состоянии хаоса: червонец обесценен, беспринципная политика цен беспомощно мечется из стороны в сторону; цены повышаются; на почве бестоварья, голода и расстройства всей экономики страны пышным цветом расцветает во всех областях и во всех формах спекуляция. Внешнеторговый баланс имеет огромный дефицит; экспорт в корне подорван и держится лишь за счет обнищания масс.

Планирование превратилось в сплошное очковтирательство и обман; всюду получаются неизбежные прорывы, вину за которые сталинское руководство взваливает на низовых работников; планы выполняются на 60—70 процентов, возможность экономического продвижения и регулирования сведена на нет, экономика страны дезорганизована, и все ее развитие поставлено под власть стихии» [3, с. 619].

Парадокс и горькая ирония судьбы: Н. Д. Конд-

ратьев и Л. Н. Юровский сидели в Спасо-Евфимиевом монастыре за то, что предостерегали против всего этого, М. Н. Рютин — за то, что посмел открыто указать на главного виновника происходящего развала. Тоталитаризм не прощает ни того, ни другого. Скорее всего, Леонид Наумович, Николай Дмитриевич и Мартемьян Никитич встречались во время общих прогулок, делились друг с другом полученными передачами, беседовали, обсуждали вести с воли.

С осени 1932 г. в стране начался голод. Он унес в деревне миллионы жизней — такова была цена «раскрестьянивания». Сталинский режим тут же нашел «виновных»: в марте 1933 г. по постановлению Коллегии ОГПУ за «диверсионную деятельность» и «использование служебного положения для создания голода в стране» были расстреляны 35 руководящих работников Наркомзема СССР [4, № 15, с. 29]. Если бы Кондратьева и Юровского арестовали тремя годами позднее, а не летом 1930 г., скорее всего, их тогда неминуемо постигли бы те же обвинения и участь.

Прошел год, как оба экономиста находились в Суздальском политизоляторе. Кондратьев старался не думать о будущем, но пытался найти в себе силы, стремился сохранить бодрость и надежду.

С воли давно не было известий. Он продолжал работать, понимая, что лишь в этом его возможное спасение. Надежда на освобождение не покидала его. 18 августа 1933 г. Кондратьев написал заявление «всесоюзному старосте» М. И. Калинину. Бюрократическая машина «проглотила» заявление ученого и амнистии не последовало. Но надежда всегда умирает последней...

Спасая свой мозг, Н. Д. Кондратьев нагружал его математикой. Николай Дмитриевич стал исследовать в тюрьме проблемы той отрасли экономической науки, которая в самом начале 30-х годов была объявлена на его родине «наиболее реакционной из всех буржуазных экономических учений», «научным прикрытием фашизма» [5, с. 19], — математической экономией.

Беда никогда не приходит одна. В конце ноября 1933 г. Н. Д. Кондратьев получает известие от

матери: умер отец, умирает брат Сергей, очень плоха и она сама. Его охватывает отчаяние.

В состоянии сильной душевной депрессии встретил новый 1934 г. Н. Д. Кондратьев. Но все равно он продолжает работать. Уже в январе Николай Дмитриевич начал сводить все написанное в законченную книгу, хотя и понимал, что «нужно будет еще пересмотреть много материалов и книг, окончательно проредактировать, вероятно, многое изменить».

Он исследовал проблему тренда, т. е. объективной тенденции в развитии экономических процессов. Полученные выводы оказались неожиданными для ученого, рассматривавшего анализируемую проблему как имеющую «ближайшее отношение к возможности развития человечества в отношении экономического благосостояния в длительной перспективе».

Еще один день своего рождения — уже третий — встретил Николай Дмитриевич в тюрьме. Тянулись монотонные тюремные будни. В семь часов утра раздавались удары колокола. Подъем. Гимнастика. Умывание. Уборка и проветривание камеры. Вынос «параши». Туалет, в котором встретившиеся друг с другом заключенные из разных камер успевают обсудить массу вопросов и проблем — от предстоящей прогулки до последних опытов по расщеплению атомного ядра. Приготовления к утреннему чаю. Занятия. Часа через два стук дежурного в дверь камеры: «Приготовиться к прогулке». Часовая прогулка. Обед. Ужин. Занятия. Вечерний туалет. За 15 минут до наступления полуночи электрическая лампочка в камере мигает 3 раза — отбой [2, с. 170—171]. Завтра все повторится снова...

Николай Дмитриевич все сильнее слабел физически, чувствуя «какую-то невыразимую душевную усталость». Работа над рукописью застопорилась — имевшая ключевое значение для развиваемых теоретических построений система уравнений никак не поддавалась решению. Но сама идея такой системы, как считал Кондратьев, являлась «во многих отношениях новой и оригинальной». Она долго не давала покоя ученому.

19 июня 1934 г. исполнилось ровно 4 года с момента ареста «Осталось совсем немного: ровно столько же!.. Тяжелая колесница истории проехала

по нашему поколению», — писал он жене в тот день. Надежда на освобождение еще теплилась.

Ученый мечтал, что если только останется в живых, напишет и когда-нибудь сумеет напечатать свою книгу о тренде. Кондратьев полагал, что после соответствующей математической обработки он получил несколько простых формул, которые в строгой форме выражают «закон общей динамики расширенного воспроизводства для капиталистического общества». Проверить свои выводы в тюремных условиях Николай Дмитриевич не мог, но не сомневался, что они имеют научную ценность.

К ноябрю 1934 г. были закончены 4 главы будущей книги по теории тренда. Николай Дмитриевич работал над пятой, завершение которой означало бы, что книга на треть готова. Его научный замысел поражает своей грандиозностью: треть книги составляла 15 листов. Он понимал, что другие главы, в которых необходимо использовать массу эмпирических данных, в тюремных условиях написать будет очень трудно. Но и это не останавливало ученого — он думал уже о дальнейших исследованиях.

Кроме специально написанных тезисов, переданных с письмом жене, и сохраненных ею, «суздальская» рукопись Кондратьева до нас не дошла. Неизвестна даже ее судьба. Возможно, и до сих пор пылится та написанная очень неразборчивым почерком книга в архивах «соответствующих компетентных органов».

Еще одна горькая ирония судьбы: сегодня мы говорим о всемирном хозяйстве и мировом рынке как целостности, о едином общеевропейском доме, интернационализации производительных сил, всеми силами стремимся выйти на мировой рынок, привлечь к себе западные технологии. Мы только сегодня начали понимать то, что выдающийся русский ученый безуспешно и с риском для жизни пытался доказать еще шесть десятков лет назад.

Тем временем забрезжила надежда на досрочное освобождение. В начале 1935 г., отпирая камеры, тюремный надзиратель, как обычно, скомандовал: «Юровский — на выход!». Но при этом впервые добавил: «С вещами». Так Л. Н. Юровский оказался на свободе. Н. Д. Кондратьев продолжал отбывать

свой срок заключения в Суздальском политизоляторе.

С усилением репрессий, последовавших после убийства С. М. Кирова, Суздальский политизолятор был преобразован в СТОН — Суздальскую тюрьму особого назначения. Вскоре ее узникам запретили свидания с родными. Все сложнее стало получать книги для работы. СТОН пополнялся новыми партиями заключенных, одновременно увозили некоторых «старожилов». В октябре 1936 г. из своей одиночки в наручниках, под усиленным спецконвоем в спецвагоне был доставлен в Москву М. Н. Рютин. 10 января 1937 г. по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР он был расстрелян.

Примерно тогда же резко сдавший физически и уже давно бывший не в состоянии работать над рукописью Н. Д. Кондратьев 6 месяцев пролежал в одной из московских тюремных больниц. Когда он начал ходить, его вернули в СТОН. Это был уже инвалид с целым комплексом прогрессирующих расстройств и заболеваний. Для излечения требовались солнце, свет, чистый воздух, сухое помещение, хорошее питание, покой. Но СТОН был вовсе не санаторием — здоровье Николая Дмитриевича ухудшалось. Он продолжал верить в справедливость и законность, в свое освобождение. Лишь это еще как-то поддерживало в нем силы. Однако он давно уже не мог не только работать, но и думать систематически о чем-либо. Вставал с нар все реже и реже. Даже в очках, близорукий с молодых лет, Николай Дмитриевич с трудом различал буквы. Письма жене теперь писались почти наугад: он видел лишь контуры букв и был не в состоянии хотя бы просто перечитать написанное. Спасти гибнущего ученого могло лишь чудо. Но даже Никола-угодник, чьим именем была названа примыкавшая вплотную к тюрьме особого назначения монастырская церковь, оказался бессилен сотворить его и сохранить жизнь своему тезке-профессору.

Суздальцы и многочисленные туристы, советские и иностранные, ходят сегодня по улице, носящей имя умершего в 1829 г. бывшего узника тюрьмы Спасо-Евфимиева монастыря декабриста Ф. П. Шаховского. Со стены тюремного дворика на них смотрит его барельеф. Но до сих пор в городе нет ни одной

улицы или хотя бы переулка, которые назывались бы именами Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского.

Историком сталинских тюрем и лагерей, правда, не имевшим доступа к архивным документам и поэтому не во всех деталях точным, станет А. И. Солженицын. В своем «Архипелаге...» он коснется судеб Л. Н. Юровского и Н. Д. Кондратьева и напишет, что в тюрьме Николай Дмитриевич сошел с ума и здесь же умер, как умер и Леонид Наумович [6, с. 34].

Но в этом автор «Архипелага...» ошибается — конец двух выдающихся советских экономистов был иным...

1. Личный архив В. Е. Юровского.

2. Известия ЦК КПСС. — 1990. — № 3.

3. Рютин М. Ко всем членам ВКП(б)//Осмыслить культ Сталина. — М.: Прогресс, 1989.

4. Агитатор. — 1989. — № 15.

5. На борьбу за материалистическую диалектику в математике: Сб. статей по методологии, истории и методике математических наук. — М.—Л.: Гос. научно-техн. изд-во, 1931.

6. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ: 1918—1956. Опыт художественного исследования//Новый мир. — 1989. — № 8.

17 СЕНТЯБРЯ 1938 г.: ШАГ В БЕССМЕРТИЕ

К концу 1937 г. призрак мифической «Трудовой крестьянской партии» вновь стал тревожить сталинскую клику. «Большой террор» против своего народа набирал обороты. Опять по всей стране развернулась охота за членами «ТКП», как репрессированными ранее, так и вновь выявленными. Осенью в Алма-Ате был арестован преподававший в местном сельскохозяйственном институте А. В. Чаянов. 3 октября 1937 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к расстрелу, в тот же день «приведенному в исполнение».

Были брошены в тюрьмы и лагеря, расстреляны обвиненные в принадлежности к «ТКП» не только ученые-аграрники, но и поэты-«деревенщики», входившие прежде в окружение С. А. Есенина. Они тоже не могли принять гибель русской деревни, ограбленной в результате осуществления политики коллективизации. Одним из таких поэтов был арестованный и приговоренный к 10 годам концлагерей «без права переписки» (так камуфлировался тогда расстрел) Сергей Клычков. Хотя, как пишет в своих воспоминаниях Н. Я. Мандельштам, уже тогда говорили, будто поэта застрелили еще во время допроса [1, с. 50].

В начале 30-х годов были арестованы многие сотрудники руководимого академиком Н. И. Вавиловым Всесоюзного института растениеводства в Ленинграде. Некоторые из них дали показания, что их директор создал в институте ячейку «Трудовой крестьянской партии». Тогда этим показаниям до поры ходу не

дали — они хранились в архивах НКВД, но за Николаем Ивановичем было установлено секретное наблюдение [2, с. 79]. Н. И. Вавилов оказался последним из крупнейших советских ученых, репрессированных по делу «ТКП». 6 августа 1937 г. сменивший Ежова на посту начальника сталинской «тайной канцелярии» Берия лично утвердил постановление на арест академика Н. И. Вавилова, обвиненного в шпионаже, а также в том, что он является одним из руководителей «ТКП». К тому времени ни Л. Н. Юровского, ни Н. Д. Кондратьева, ни многих их коллег по Тимирязевке и Наркомфину СССР в живых уже не было. Еще больше сидело в тюрьмах, лагерях, оказалось в ссылке.

9 июля 1941 г. Военная коллегия Верховного суда СССР всего за несколько минут «разбирательства» вынесла академику Н. И. Вавилову смертный приговор, признав его виновным все по тем же страшным статьям 58-й главы УК РСФСР. Расстрел, однако, был заменен 10 годами тюрьмы, в которой, находясь в Саратове, Николай Иванович и умер 26 января 1943 г. [2, с. 78, 79] — день в день ровно через 11 лет после приговора, вынесенного Коллегией ОГПУ Л. Н. Юровскому, Н. Д. Кондратьеву, А. В. Чаянову и 13 другим членам «ТКП»...

После своего освобождения Л. Н. Юровский выбирает для жительства Малоярославец, небольшой город примерно в 120 км от Москвы — ближе ему жить запрещалось. Здесь, в доме № 23 по ул. Коммунистической Леонид Наумович снимал комнату. «Я и газет теперь мало читаю, — сообщает он Т. И. Сахаровой-Якушкиной 11 февраля 1935 г. — а переписываю только работу, которой занимался в течение последних лет, гуляю по улицам и окрестностям Малоярославца, так что даже примелькался его обывателям ⟨...⟩ К сожалению, хвораю. Не особенно серьезно, но болезнь все же мешает обдумать все стороны создавшегося положения и, главное, решить, что в этом положении следует предпринять, как организовать дальнейшую жизнь, где поселиться, где искать работы, какой работы и т. д.» [3, от 11 февр. 1935 г.].

В том же году Леонид Наумович перебирается в поселок Середа Ивановской промышленной области

(ныне он входит в Ярославскую область), где устраивается рядовым бухгалтером на местный хлопчатобумажный комбинат. Один раз в шестидневку он ведет вечерний математический кружок для молодых инженеров, преподает вечерами арифметику в кружках рабочих. Занимается переводами.

Он очень изменился, стал замкнутым. Никому никогда не говорил, что произошло с ним и его товарищами по несчастью, почему они признавались на процессах «Промпартии» и «Союзного бюро РСДРП». Лишь однажды, по воспоминаниям родственников, Леонид Наумович сказал жене: «Если бы это повторилось, я снова бы во всем признался...».

Ему разрешили вернуться в Москву лишь в 1936 г. Семейное предание об этом гласит так. Брат Леонида Наумовича Александр, известный музыковед и директор «Музиздата», был хорошо знаком с женой В. Р. Менжинского, пианисткой-любительницей. Однажды в компании двух музыкантов оказался заместитель начальника одного из управлений ОГПУ А. Х. Артузов. Через него вдова В. Р. Менжинского и выхлопотала разрешение брату своего партнера по музицированию вернуться в столицу.

Естественно, ни на какую работу Л. Н. Юровского в Москве не принимали. Пришлось писать статьи за других авторов, делать переводы, которые за своими подписями публиковали знакомые переводчики. Так, для энциклопедического словаря «Гранат» им написаны статьи «Промышленный подъем в Германии», «Канада», «Мексика», «Бразилия», «Скандинавские страны» и некоторые другие. Для «Музиздата» Леонид Наумович сделал перевод «Истории оперы до Люлли и Скарлатти» Р. Роллана. Для «Академии» он отредактировал перевод переписки Шиллера и Гете, писал отзывы о переводах книг иностранных классиков на русский язык, перевел на французский каталог советского павильона на Парижской выставке, писал по-французски сопутствующие тексты и документы. Заработок, хотя и не регулярный, теперь был. Но сына Георгия (в семье его звали Юрой), из-за официально нигде не работающего (к тому же — «того самого Юровского») отца, не принимали в университет. Пришлось хлопотать о работе в каком-нибудь государственном учреждении. Парадокс судь-

бы — если бы Л. Н. Юровский, формально продолжавший иметь звание профессора, сумел вернуться к преподавательской работе, то ему пришлось бы заниматься разоблачением с кафедры... самого себя. Строго придерживаясь учебного плана, в курсе «Деньги и кредит СССР» он вынужден был бы выступать перед студентами с такими темами: «Критика буржуазных оценок итогов строительства кредитной системы в восстановительный период (Юровский, Каценеленбаум, Соколов, Блюм)», «Буржуазные экономисты (Юровский, Каценеленбаум, Соколов и др.) о путях развития кредита и кредитной системы...». Он должен был бы «прорабатывать» собственные монографии и статьи как материалы, помещенные в разделе программы «Для критики».

Разумеется, путь к профессорской кафедре теперь ему был заказан. Выручил, возможно, с санкции самого «верха», О. Ю. Шмидт, ставший к тому времени известным полярным исследователем, руководителем Главного северного морского пути. Именно Шмидт, как помнит читатель, подписал в свое время приказ о принятии профессора Л. Н. Юровского консультантом в Наркомфин РСФСР. Теперь Отто Юльевич подписал еще один приказ — о приеме Л. Н. Юровского старшим консультантом Планово-экономического отдела Главсевморпути [4, 12 янв.]. Непосредственным начальником Леонида Наумовича стал революционер-большевик С. П. Нацаренус. Практически ровесники, он и Л. Н. Юровский через год были арестованы и расстреляны.

За Леонидом Наумовичем пришли на его квартиру поздно ночью 27 декабря 1937 г. Снова его увезли в одну из московских тюрем. Начались допросы, истязания, выколачивание нужных показаний. Снова свое последнее слово сказала Военная коллегия Верховного суда СССР под председательством В. В. Ульриха.

17 сентября 1938 г., возможно, Л. Н. Юровский и Н. Д. Кондратьев вновь увиделись. В таком случае, это была их последняя встреча. Беспрерывно штамповавшая стандартные смертные приговоры Военная коллегия Верховного суда СССР среди других «дел» в тот роковой для советской экономической мысли день рассмотрела и «дела» обоих экономистов. Снова

им инкриминировались преступления, предусмотренные самыми «тяжелыми», расстрельными статьями 58-й главы Уголовного кодекса РСФСР. К статьям 58^7 и 58^{11}, по которым Л. Н. Юровского и Н. Д. Кондратьева приговорила к 8 годам тюрьмы в свое время Коллегия ОГПУ, теперь (вместо статьи 58^4) добавилась статья 58^8: «Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации...».

В результате недолгого разбирательства Л. Н. Юровский «был признан виновным в том, что после отбытия наказания за свою контрреволюционную деятельность продолжал вести антисоветскую работу, перестраивая тактику «Трудовой крестьянской партии» в направлении совершения диверсий и террора в отношении руководителей ВКП(б), Советского правительства» [5].

А. В. Тейтель показал Военной коллегии, что по возвращении в Москву после частичного отбытия наказания по приговору от 26 января 1932 г. он установил здесь организационные связи с Л. Н. Юровским, А. И. Мураловым, Альб. Вайнштейном и другими руководителями «Трудовой крестьянской партии». Сам Леонид Наумович на следствии «признался», что в Москве он действительно установил связь с бывшими членами «ТКП» и решил возобновить свою антисоветскую деятельность. От Военной коллегии и А. В. Тейтель, и Л. Н. Юровский получили поровну — «высшую меру наказания с конфискацией всего лично им принадлежавшего имущества...».

Следующим 17 сентября 1938 г. перед Военной коллегией Верховного суда СССР предстал специально доставленный из Суздаля подсудимый Н. Д. Кондратьев. Он обвинялся в том, что, находясь в СТОН, пытался активизировать работу ячеек «Трудовой крестьянской партии», давал установки на дальнейшую борьбу с ВКП(б) и Советским правительством. Но виновным себя Николай Дмитриевич на этом суде не признал. Впрочем, это уже ничего не могло изменить в его судьбе...

Я долго думал, а не выбросить ли несколько слов из этой грустной, трагичной истории конца жизни двух советских экономистов. Дело в том, что единственным аргументом в предъявленном Николаю Дмитриевичу обвинительном заключении оказалась ссылка на показания Л. Н. Юровского: еще в СТОН он, якобы, вел с Н. Д. Кондратьевым разговор о необходимости возобновить деятельность «Трудовой крестьянской партии» [5].

Как выколачивали в подвалах Лубянки подобные признания в 30-х годах, сегодня хорошо известно. «Признался» и бывший Прокурор Республики, Нарком юстиции СССР Н. В. Крыленко, эффектно допрашивавший в свое время «свидетелей» Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского. Он «признавался», что еще с 1930 г. (!) сам участвовал в антисоветской организации и занимался вредительством, а до революции вел борьбу против В. И. Ленина, вместе с другими «врагами народа» (Е. А. Преображенским, Г. Л. Пятаковым и Н. И. Бухариным) замышлял план борьбы с партией... [6, с. 134].

Приговор, вынесенный Военной коллегией Верховного суда СССР Н. Д. Кондратьеву, был «высшая мера наказания с конфискацией лично ему принадлежащего имущества». В тот же день — 17 сентября 1938 г. — приговоры обоим экономистам были «приведены в исполнение». Скорее всего, это произошло в огромном — 525 квадратных метров — подвале дома № 23 по улице 25 Октября. Таков тогда был адрес ведомства палача В. В. Ульриха.

Через месяц он донес комиссару государственной безопасности 1-го ранга Берии: «За время с 1 октября 1936 года по 30 сентября 1938 года Военной коллегией Верховного суда СССР и выездными сессиями коллегии в 60 городах осуждено:

к расстрелу 30.514

к тюремному заключению 5.643

всего 36.157 [человек]» [7, 1 сент.]

Двумя из этих более чем 30 тысяч расстрелянных стали Кондратьев и Юровский. Почти на полвека оба они ушли в небытие. Так и хочется сказать, что их могилы надолго поросли травой забвения. Но где они, эти могилы, да и есть ли они вообще? Даже наиболее компетентный в данном вопросе человек —

член рабочей группы Комиссии Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х годов и начале 50-х годов, заместитель Председателя КГБ СССР генерал-полковник В. П. Пирожков и тот констатирует: «Что касается мест захоронения жертв репрессий, то мы вынуждены давать отрицательные ответы на запросы. В архивах КГБ, в том числе в самих следственных делах, таких сведений нет» [8, с. 8].

Скорее всего, перемешавшийся прах обоих ученых до сих пор находится в одной общей, тайно вырытой ночью и затем тайно заполненной штабелем безымянных трупов расстрелянных, таких же, как и они, «врагов народа», в спешке зарытой яме. То ли на Ваганьковском, то ли на Калитниковском кладбищах Москвы. Подобных секретных ям в 1930—1938 гг. в столице было немало, причем в самых разных ее частях...

Через полгода после гибели Кондратьева и Юровского в Отчетном докладе о работе ЦК ВКП(б) XVIII съезду партии И. В. Сталин с гордостью подведет мрачный итог разгрому советской научной интеллигенции: «Наиболее влиятельная и квалифицированная часть старой интеллигенции уже в первые дни Октябрьской революции откололась от основной массы интеллигенции, объявила борьбу Советской власти и пошла в саботажники. Она понесла за это заслуженную кару, была разбита и рассеяна органами Советской власти. Впоследствии большинство уцелевших из них завербовалось врагам нашей страны во вредители, в шпионы, вычеркнув себя тем самым из рядов интеллигенции» [9, с. 36].

Долго не ведали Евгения Давыдовна Кондратьева и Вартуги Карповна Юровская о действительных судьбах своих мужей, получив на свои запросы стандартный ответ: «10 лет дальних лагерей без права переписки». Только спустя много лет они могли узнать правду.

Странно, но до сих пор в нашей литературе, даже справочной и энциклопедической, датой гибели Н. Д. Кондратьева указывается *17 октября 1938 г.*, в действительности он был расстрелян ровно меся-

цем раньше — *17 сентября 1938 г.* Именно в этот день два выдающихся советских ученых Н. Д. Кондратьев и Л. Н. Юровский шагнули в бессмертие.

1. Юность. — 1989. — № 7.
2. Наука и жизнь. — 1988. — № 5.
3. Юровский Л. Н. — Сахаровой-Якушкиной Т. И.//Личный архив В. Е. Юровского.
4. Социалистическая индустрия. — 1989. — 12 янв.
5. Текущий архив Военной коллегии Верховного суда СССР. — Определение № 4н-555/63.
6. Так мы начинали. — М.: Известия, 1988.
7. Правда. — 1989.
8. Неделя. — 1989. — № 26.
9. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). 10—12 марта 1939 г.: Стеногр. отчет. — М.: ОГИЗ, 1939.

ВИСНЕТ БРАНЬ НА ВОРОТУ. МЕЖДУ ДВУМЯ РЕАБИЛИТАЦИЯМИ

После XX съезда КПСС начался мучительный процесс восстановления исторической справедливости. Были реабилитированы безвинно погибшие, возвращены честные имена многим коллегам Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского, репрессированным за участие в мифической «Трудовой крестьянской партии». С реабилитацией самих Николая Дмитриевича и Леонида Наумовича положение оказалось гораздо сложнее, как и с реабилитацией А. В. Чаянова, «расстрельное» дело которого было прекращено еще в 1956 г. Но и его реабилитации не касалось постановление Коллегии ОГПУ от 26 января 1932 г.: реальность существования «Трудовой крестьянской партии» и заговорщической антисоветской деятельности ее «главарей» под сомнение не ставилась.

В мае 1963 г. Военная коллегия Верховного суда СССР вынесла определение № 4н-555/63 по «делу» Л. Н. Юровского, а вскоре — и по «делу» Н. Д. Кондратьева. «По открывшимся вновь обстоятельствам» приговоры Военной коллегии Верховного суда СССР от 17 сентября 1938 г. в отношении их отменялись и дела прекращались «за отсутствием состава преступления» [1]. В июне их вдовам были посланы соответствующие справки.

Первая реабилитация обоих ученых, однако, практически ничего не изменила в устоявшихся оценках их личностей и вклада в развитие советской экономической науки и экономики страны. Для большин-

ства советских людей эта реабилитация так и осталась неизвестной, поскольку о ней не было опубликовано ни слова. Кроме того, в академических креслах еще сидели влиятельные люди, некогда приложившие руки к травле и гибели Кондратьева и Юровского. И после этого они продолжали включать в списки своих научных трудов статьи с разоблачением «кондратьевщины» и «юровщины».

Молодежь никогда не слышала этих имен, не читала трудов Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского. Прослушав в 1969 г. курс истории экономических учений в Ленинградском университете, я не услышал ни одного упоминания об этих ученых. Старшее поколение, воспитанное в духе и на догмах «Краткого курса», крепко усвоило, что это были ярые враги социализма, а все их писания, разумеется, как были когда-то, так и поныне остаются антисоветскими.

Чудом уцелевшие и дожившие до хрущевской «оттепели» репрессированные ученые, например Альб. Л. Вайнштейн, Я. П. Герчук, А. Г. Дояренко, Н. П. Макаров, Н. С. Четвериков, не могли в тех условиях ни открыто сказать о трагедии советской экономической науки 20—30-х годов, ни поведать правду о своих павших коллегах и собственной нелегкой судьбе. Монографий, диссертаций или хотя бы статей о Н. Д. Кондратьеве и Л. Н. Юровском в СССР после первой их реабилитации не появилось. Молчали о них современные энциклопедии и справочники (советские, разумеется). Даже в третьем издании Большой Советской Энциклопедии не нашлось места для биографических справок об этих ученых. Полное забвение...

В связи с юбилеями писались истории Московского института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, Саратовского университета, Ленинградского политехнического института и Ленинградского университета. Но при этом имена обоих старательно опускались. Лишь в издании «Саратовский университет. 1909—1959» Л. Н. Юровский упомянут без каких-либо комментариев в реестре университетских профессоров [3, с. 289], да в истории Сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева профессор Н. Д. Кондратьев фигурирует как вовремя разоблаченный вредитель... [4, с. 339].

Начатая в 60-х годах хозяйственная реформа заметно оживила советскую экономическую мысль. Вновь вспыхнула полемика между «товарниками» и «антитоварниками». Проблемы теории товарного производства, сочетания плана и рынка, действия закона стоимости при социализме требовали научного решения. А в любой науке существует правило, норма, закон: обязательно рассматривать *историю* изучаемого вопроса. Разумеется, теперь умолчать о Л. Н. Юровском и его вкладе в решение этих проблем оказалось невозможным.

Первой публикацией после 1930 г., в которой фамилия Л. Н. Юровского встретилась нам без ореола традиционных хулительных эпитетов, стала статья Н. Петраковой «Проблема плана и рынка в советской экономической литературе 20-х годов». Она появилась в журнале «Экономические науки» через 3 года после первой реабилитации ученого. Без предвзятости рассмотрев основные идеи ряда репрессированных советских экономистов, в том числе Л. Н. Юровского, Н. Петракова констатировала: «...многое из наследия экономической науки в области разработки проблемы товарно-денежных отношений сохранило свою актуальность до наших дней. Поэтому важно глубже изучать достижения отечественной науки, полнее использовать их в целях успешного коммунистического строительства» [5, 1966, № 5, с. 99]. Именно из этой статьи многие впервые узнали о существовавшем когда-то своем коллеге по науке Л. Н. Юровском.

Но «вредитель», как почти официально считалось тогда, не может не привносить в экономическую теорию ничего, кроме «твержения задов» буржуазной экономической науки, да к тому же не марксист. Поэтому *научная* реабилитация Л. Н. Юровского тогда не состоялась. Она и не могла состояться. В моду стали входить и утверждаться другие идеи, которые и способствовали наступлению «застоя».

Воспрянувшие духом «антитоварники» однозначно не желали допустить возвращения в нашу экономическую науку имени и теоретических идей Л. Н. Юровского. Не случайно, в том же журнале, критикуя Н. Петракову за ее оценку вклада Леонида Наумовича в развитие теории товарного производства при со-

циализме и доказывая, что таковое существовать просто не должно, А. Еремин умозаключал: «Разумеется, полностью несостоятельными являются попытки представить Л. Юровского основоположником понимания «природы социалистического способа производства». Л. Юровский в своем подходе к социализму не является оригинальным» [5, 1971, № 9, с. 63].

Обыгрывая фамилию Леонида Наумовича в термине «юровщина», бывший сталинский нарком финансов СССР А. Г. Зверев писал о Л. Н. Юровском и его коллегах: «Взгляды сторонников этих теоретиков в конце 20-х годов проникли в вузовские учебники, пособия и лекции. Стояла, однако, задача не только всесторонне разработать в противовес им теорию социалистических финансов, но и правильно обучить практиков финансового дела, тех, кому предстояло регулировать плановое хозяйство и заботиться об укреплении советского рубля». До конца своих дней А. Г. Зверев продолжал утверждать, что эти ученые «проповедовали буржуазные взгляды» [6, с. 117—118]. Но мемуарист так и не сказал читателям, почему потребовалось вдруг укреплять советский рубль и какова роль Юровского в проведении денежной реформы 1922—1924 гг.

В середине 70-х годов ленинградский экономист А. Н. Малафеев не побоялся объективно проанализировать основные теоретические идеи Л. Н. Юровского и сказать диаметрально противоположное: «...в целом его работы представляют немалый научный интерес для понимания советской экономики 20-х годов» [7, с. 40]. Чтобы утверждать подобное в период «застоя», нужны были научные смелость и честность. Не одно гневное замечание в свой адрес со стороны «антитоварников» получил за это тогда А. Н. Малафеев. Возвращения имени и теоретических идей Л. Н. Юровского в советскую экономическую науку после его первой реабилитации так и не произошло. «Антитоварные» установки и начавшаяся подспудная реабилитация сталинщины сделали свое дело — снова фамилия Леонида Наумовича, если и упоминалась, то лишь в однозначно негативном плане.

О «буржуазном мировоззрении» Л. Н. Юровского и непонимании им «новых черт денежного обращения

в СССР» безапелляционно утверждали тогда, к примеру, Л. Г. Чижова и Н. К. Фигуровская [8, с. 199]. Последняя еще долго продолжала в своих публикациях характеризовать А. В. Чаянова и Н. Д. Кондратьева как буржуазных экономистов, ничего с подлинной наукой не имеющих. Но в 1988 г. в связи со 100-летним юбилеем Александра Васильевича Н. К. Фигуровская убеждает читателей одного из экономических журналов в диаметрально противоположном. Как оказывается, прежде она была введена в заблуждение. Поскольку «вредителем» А. В. Чаянов никогда не был, постольку (!) становится понятным, что многое в его теоретическом наследии является правильным и очень ценным для советской экономической науки [9, с. 52]. Метаморфоза «от хулы до хвалы» свершается, как видно, порой просто, без проблем. Теперь Н. К. Фигуровская редактирует публикуемые труды Николая Дмитриевича, «выдающегося советского экономиста»...

Вплоть до лета 1987 г. в адрес Л. Н. Юровского (после Н. Петраковой и А. Н. Малафеева) в печати никто не рискнул сказать доброе слово. Зато сколько было хулительного. Буквально накануне 100-летнего юбилея ученого один из ведущих историков советской политэкономии профессор Г. Г. Богомазов напомнил читателям: «В 1930—1931 гг. были раскрыты три крупные контрреволюционные организации — «Промпартия», «Трудовая крестьянская партия» и «Союзное бюро РСДРП». В их состав входили такие буржуазные экономисты, как... Кондратьев... Чаянов, Юровский и др. В ходе судебного разбирательства их вина перед советским народом была неопровержимо доказана и они были осуждены в соответствии с законами Советского государства.

Так бесславно закончилась деятельность тех буржуазных ученых, которые не пожелали подняться выше узкоклассовых интересов, не дали себе труда до конца осмыслить суть происходивших в нашей стране процессов и встали на путь попрания не только моральных, но и юридических норм советского общества» [10, с. 120].

С конца 60-х годов пристально изучать теоретическое наследие Н. Д. Кондратьева в области больших циклов конъюнктуры стали коммунисты зару-

бежных стран (француз П. Бокара, Т. Кучинский из ГДР). К середине 80-х годов сложилась парадоксальная ситуация: признание западными учеными достижений советской экономической мысли 20-х годов «золотым десятилетием» в ее истории, признание приоритета Н. Д. Кондратьева, А. В. Чаянова, Л. Н. Юровского и их коллег в постановке и решении сложнейших теоретических и практических проблем экономики. На Западе переиздавались труды этих ученых. С нашей стороны — усиленные потуги опровергнуть подобные «клеветнические измышления» и разоблачить «идеологические диверсии».

В этих условиях явным диссонансом неожиданно (наконец-то!) прозвучали положения статьи экономиста С. М. Меньшикова «Структурный кризис экономики капитализма». Впервые за более чем полвека фамилия Николая Дмитриевича упоминалась без традиционных эпитетов. Мало того, оказалось, что Н. Д. Кондратьев действительно был ученым, а его гипотеза о существовании больших циклов конъюнктуры убедительно подтверждается практикой. Да и со стороны ее теоретического фундирования, как писал С. М. Меньшиков, эта гипотеза согласуется с положениями К. Маркса и В. И. Ленина. Следовательно, никакой буржуазной апологетикой капитализма в теории Н. Д. Кондратьева и не пахнет. Именно поэтому марксисты не должны «сторониться проблемы длинных колебаний, то есть заведомо уступать поле боя теоретическому и идеологическому противнику». Что касается самого факта существования больших циклов конъюнктуры (длинных волн в экономике), «то тут не может быть места для двух мнений» [2, № 4, с. 116, 117].

Позже появились и такие высказывания: «20-е годы — золотой век советской аграрной науки. Это прежде всего Вавилов, Чаянов, Кондратьев, перед которыми снимает шляпу весь цивилизованный мир. Советская аграрная наука расстреляна в тридцатых годах, ошельмована в сороковых и пятидесятых. Ее пинали, толкали, делали мишенью издевательств в последующие годы» [11, 9 янв.]. То же самое полностью справедливо и для науки экономической.

Брань по-прежнему продолжала виснуть на вороту, отравляя и деформируя сознание и теоретиче-

ское мышление которого уже по счету поколения советских экономистов. Но перестройка тем временем настойчиво стучалась в эти ворота. Теперь-то современные «критики» Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского оказались бы счастливы, если все написанное ими по «разоблачению» обоих ученых можно было бы вдруг изъять из многочисленных книг, статей, диссертаций, энциклопедий. Но все это — тоже наша история, забывать которую нельзя. И тогда многие из них, наверное, вспомнили вычитанную в «Моем Дагестане» у Расула Гамзатова мудрую мысль Абуталиба: «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета — будущее выстрелит в тебя из пушки»...

1. Текущий архив Военной коллегии Верховного суда СССР. Определение № 4н-555/63.

2. Коммунист. — 1984.

3. Саратовский университет. 1909—1959. — Саратов: Изд. Саратовск. ун-та, 1959.

4. Сельскохозяйственная академия им. К. А. Тимирязева. — М.: ОГИЗ. — Сельхозгиз, 1946.

5. Экономические науки.

6. Зверев А. Г. Записки министра. — М.: Политиздат, 1973.

7. Малафеев А. Н. Прошлое и настоящее теории товарного производства при социализме. — М.: Политиздат, 1975.

8. См.: Буржуазные и мелкобуржуазные экономические теории социализма (критические очерки).— М.: Наука, 1975.

9. Вопросы экономики. — 1988. — № 1.

10. Богомазов Г. Г. Формирование основ социалистического хозяйственного механизма в СССР в 20—30-е годы. — Л.: Изд-во Ленинградск. ун-та, 1983.

11. Никонов А. Так думаю, исповедую, верю// Сельская жизнь. — 1990.

ВОЗВРАЩЕНИЕ (ВМЕСТО ЭПИЛОГА)

Почти четверть века прошло после первой, частичной реабилитации Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского. На историческую арену вышла ПЕРЕСТРОЙКА.

Думается, что со временем, когда мы это хорошо осознаем, 16 июля 1987 г. будет отмечаться советской экономической наукой особо — как памятная, об очень многом говорящая и от многого предостерегающая дата. В тот день 15 репрессированных в годы «большого террора» советских ученых были окончательно возвращены своему народу, его истории, науке. Они вернулись, чтобы своим примером и идеями способствовать делу перестройки.

После огромной работы, которую проделала Главная военная прокуратура, Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела внесенный Генеральным прокурором СССР протест по делу Н. Д. Кондратьева и его репрессированных коллег по науке. Сухим языком юристов в определении № 6н-0372/87 констатировалась долгожданная истина: «Рассмотрев материалы дела и обсудив приведенные в протесте Генерального прокурора СССР доводы, Военная коллегия Верховного суда находит, что Чаянов А. В., Кондратьев Н. Д. и другие упомянутые в настоящем определении лица, привлеченные к уголовной ответственности, признаны виновными во внесудебном порядке и осуждены за особо опасное государственное преступление необоснованно, участниками антисоветской организации они не были и вредительской деятельностью не занимались» [1, с. 8].

Мифическая «Трудовая крестьянская партия», этот плод беззакония сталинщины, наконец-то приказала долго жить — как оказалось, в ней вообще никто и никогда не состоял. Но ни студентам и аспирантам экономических факультетов и институтов, ни даже многим их преподавателям, как в том с горечью я мог убедиться, имена реабилитированных ученых и тогда еще ничего не говорили. Как будто в одночасье, внезапно наступило всеобщее прозрение: фамилии «врагов народа», «реставраторов капитализма» и проч., и проч. оказались у всех на слуху. И тогда многие впервые осознали, как преступно дорого обошлось нам «раскассирование» собственной экономической мысли. «С великим опозданием мы начали сознавать чудовищность напрасно понесенных жертв. Врагами народа были не обреченные на голодную смерть крестьяне..., не инженеры, проходившие по Шахтинскому делу и делу Промпартии..., не Вавилов, не Чаянов и Кондратьев с учениками... Врагами были устроители и вдохновители всех этих дел. Они повинны не только в реках крови, но и в растлении душ, в насаждении извращенного мышления, в отравлении человеческого сознания ядом губительной, бессмысленной злобы» [2, с. 215].

Наконец-то вспомнили, что именно Л. Н. Юровский и его коллеги из Наркомфина СССР были творцами золотого червонца. Экономист Г. С. Лисичкин даже назвал Леонида Наумовича «душой и умом всего этого дела» [3, с. 6]. Одним из самых одаренных людей 20-х годов стали характеризовать Николая Дмитриевича [4, с. 590].

Начали выходить и запланированы к изданию труды обоих экономистов, статьи и книги о них. Именами Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского на их родине называются улицы. На зданиях, с которыми связаны судьбы этих людей, устанавливаются памятные доски. Но все это — лишь начало. Будут еще премии и стипендии их имени, посвященные им ежегодные научные чтения, конференции.

Перестройка и движение к обновленному социализму невозможны без нового, современного экономического мышления. Следовательно, во весь голос должна заявить о себе и овладеть умами масс новая

экономическая теория. В ее создании бесценны уроки, которые можно и должно взять из истории жизни Кондратьева и Юровского. Но чтобы в полной мере усвоить эти уроки, сначала необходимо поставить несколько взаимосвязанных вопросов. Почему стало возможным появление в России экономистов высокого уровня — Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского? Где истоки их феномена?

И Кондратьев, и Юровский окончили лучшие дореволюционные вузы России, отличавшиеся стройной, продуманной «индивидуальной» системой подготовки будущих экономистов. В этой системе был творчески использован весь мировой опыт, накопленный к тому времени человеческой цивилизацией. Отлично зная еще со студенческих лет основные западноевропейские языки (здесь тоже сработала система подготовки), оба могли «из первых рук» приобщаться к достижениям мировой научной мысли, самостоятельно критически анализировать, без догмата и раболепствования перед авторитетами.

В годы учебы Николай Дмитриевич и Леонид Наумович получили отличную статистическую подготовку. Не случайно впоследствии они смогли внести свой вклад в развитие экономической статистики, использовать ее выводы как в теоретических построениях, так и в практической деятельности. Оба могли публиковать и выносить на научный суд коллег свои даже первые студенческие работы.

На всю жизнь Кондратьев и Юровский сохранили глубокое уважение к своим учителям, хотя, как это и должно быть в науке, пошли дальше них. Став уже сами учителями, не мысля себя без преподавательской деятельности, без учеников, оба экономиста создавали свои научные школы. И не их вина, что эти школы были уничтожены силами, ничего общего с наукой не имеющими. Сегодня мы ощущаем особенно сильно, как нам не хватает таких научных школ.

Блестящие специалисты, знатоки сложнейших проблем экономической теории Н. Д. Кондратьев и Л. Н. Юровский смогли создать в руководимых ими коллективах атмосферу творчества и нацеленности на решение выдвигаемых жизнью проблем. Заведую-

щий Конъюнктурным институтом и начальник Валютного управления Наркомфина СССР являлись их руководителями именно потому, что сами были крупными учеными, а не наоборот — числились по ученому ведомству в больших чинах потому, что каким-то образом оказались в руководящих креслах.

Чуждые науке мощнейшие политические силы не смогли заставить обоих профессоров отречься от собственных научных убеждений. Ну как тут не вспомнить К. Маркса: «...человека, стремящегося приспособить науку к такой точке зрения, которая почерпнута не из самой науки (как бы последняя ни ошибалась), а извне, к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке внешними для нее интересами, — такого человека я называю «низким» [5, с. 125].

Опуститься до уровня «низких» Николаю Дмитриевичу и Леониду Наумовичу не позволяло гордое звание российского интеллигента, российского ученого. «Горе мне ... если мои убеждения будут колебаться в зависимости от биения моего сердца» [6, с. 229], — этому кредо оба профессора не изменили до конца. Блестящий урок тем, кто истово клялся в верности марксизму, но, как флюгер, менял свои научные позиции при малейшем колебании отнюдь не научной конъюнктуры.

Сегодня мы много спорим о «современной модели экономиста». Но, думается, разве все отмеченное выше не является важнейшими атрибутами именно такой «модели»?

Когда думаешь об основных проблемах и направлениях дальнейшего развития советской экономической науки, то поражаешься тому, что у истоков исследования многих из них стояли Н. Д. Кондратьев и Л. Н. Юровский (разумеется, речь не идет о *всех* проблемах современной экономической теории). Да и сам этот задел еще мало кому известен, не систематизирован, не сведен воедино, не осмыслен критически с целью отделения «плевел» от «зерен». Уже воспитаны два поколения советских экономистов, которые не изучали и не знают трудов Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского, разве что мимоходом упоминали обе фамилии «реставраторов капитализма», ка-

саясь «полного банкротства» «буржуазной и мелкобуржуазной экономической мысли 20-х годов».

Вот эти заделы каждого из ученых, перечисляемые без какого-либо строгого ранжирования по их значимости (подобное сегодня вообще вряд ли еще возможно сделать).

Н. Д. Кондратьев: вопросы конъюнктуроведения; теория «больших циклов конъюнктуры»; закономерности функционирования и пути дальнейшего развития советского сельского хозяйства; вопросы теории экономической статики и динамики; основы индексирования и статистики динамики цен, стоимости жизни, покупательной силы рубля; проблемы теории мирового хозяйства; вопросы теории экономического равновесия; идеи планирования и прогнозирования развития социалистической экономики...

Л. Н. Юровский: проблемы теории экономической динамики и экономического равновесия; проблемы соотношения плана и рынка при социализме; теория инфляции в социалистической экономике; методы измерения темпов инфляции; полноценная конвертируемая денежная единица и пути ее создания...

Наше общество понесло и еще будет нести немалый урон не только от того, что надолго предало забвению *теоретические идеи* обоих ученых. Мы сегодня совершенно забыли, не знаем их *практический опыт,* нам только предстоит изучить его.

В нашу жизнь стремительно входят такие понятия, как акции, облигации, сертификаты, рынок ценных бумаг, биржа, нового типа банки. На повестке дня — задача превращения советского рубля в свободно конвертируемую валюту. Кто, где и когда изучил у нас в стране богатейший практический опыт — опыт, полученный в ходе подготовки и осуществления денежной реформы 1922—1924 гг.? Вот и вынуждены мы будем неизбежно повторять его прежние ошибки, из которых сам Леонид Наумович извлек необходимые уроки, нам сегодня неизвестные. А ведь можно было бы стартовать с гораздо более высокого «трамплина».

«Буржуазные западные экономисты, всякие там Смит, Рикардо, Кейнс, Гелбрайт, Фридмен, Тинберген ... нам не указка. А в своем отечестве, естественно, нет пророков. Не потому, что их вообще нет, а

потому, что они или истреблены, как Юровский, Кондратьев... или умерли, к счастью, своей смертью, но труды их также оказались под запретом» [7, с. 222].

Не помню уж точно, правдоподобный то был анекдот или действительно случай имел место. Одну старую английскую леди спросили: «Что Вы знаете о России? — А, это та страна, в которой расстреляли лучших ее ученых...»

Итак, резюмируем. Если мы глубоко изучим практический опыт Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского, учтем и используем его при решении современных проблем, если овладеем всем богатством теоретического наследия обоих ученых, творчески разовьем их научные идеи применительно к современным условиям, то наша экономическая наука сможет подняться до мирового уровня. Разумеется, если при этом будут изучаться теоретическое наследие и практический опыт и других советских экономистов, незаслуженно преданных забвению в своей стране. В таком случае и экономика сможет выйти из кризисного состояния.

«Сколько возможностей Вы унесли,
И невозможностей — сколько? —
В ненасытимую прорву земли...» [8, с. 60].

Как будто о Н. Д. Кондратьеве и Л. Н. Юровском сказала Марина Цветаева. Лучшей формулы величины наших потерь от гибели и долгого забвения имен, опыта и идей двух крупнейших советских экономистов я не встречал.

И как напутствие тебе, терпеливый мой читатель, — слово самим героям этой книги.

20-летний студент Николай Кондратьев: «...творчество человеческое не иссякнет в будущем, пока будут искания» [9, с. 830].

38-летний профессор Л. Н. Юровский: «Бывают перемены судьбы, которые так внезапны или так поразительны, что человеческая мысль лишь с трудом может освоиться с ними. Мы не оспариваем тогда самого факта этих перемен, но мы в то же время не в состоянии осознать их полностью и принять их мыслью и чувством, как прочные и неизменные условия нашего существования. Сплошь и рядом такое

явление можно наблюдать в индивидуальной жизни, но оно наблюдается и в жизни общественной. Лишь по прошествии долгого промежутка времени человеческая мысль постепенно свыкается с совершившимися фактами, осваивается с новой обстановкой и в своих планах начинает исходить не из того, что казалось возможным, а из того, что в настоящее время дано. Процесс такого осознания бывает мучителен и долог; отдельные стадии этого процесса характеризуются преобладанием в господствующих настроениях различных иллюзий, последовательно изучаемых до тех пор, пока мысль не обратится окончательно к реальной действительности» [11, с. 10].

Такое время пришло.

1. Цит. по: Наука и жизнь. — 1988. — № 5.
2. Знамя. — 1989. — № 3.
3. Литературное обозрение. — 1988. — № 9.
4. Иного не дано. — М.: Прогресс, 1988.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 26. — Ч. II.
6. Шиллер Ф. Собр. соч. — Т. 4. — Спб., 1901.
7. Лисичкин Г. С. Люди и вещи. — М.: Современник, 1989.
8. Цветаева М. Избранное. — М.: Просвещение, 1989.
9. Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. — 1912. — № 18.
10. Экономическое возрождение. — 1922. — № 1.

СОДЕРЖАНИЕ

Ефимкин А. П.

Е 91 Дважды реабилитированные: Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Юровский. — М.: Финансы и статистика, 1991. — 224 с.: ил.

ISBN 5-279-00494-4.

Освещаются судьбы двух крупнейших советских экономистов 20-х годов — Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского, имена которых в истории экономической мысли неразрывно связаны. Показано наиболее ценное из научного наследия этих ученых, представляющее несомненный интерес для перестройки советской экономики, в частности денежного обращения. Книга написана на основе архивных документов, трудов Н. Д. Кондратьева и Л. Н. Юровского, современных публикаций.

Для научных работников, преподавателей и студентов экономических вузов, а также широкого круга читателей, интересующихся «белыми пятнами» истории советского общества и советской экономической мысли.

Е $\frac{0603000000-118}{010(01)-91}$ 18—91 **ББК 6.3**

Научное издание

Ефимкин Андрей Петрович

ДВАЖДЫ РЕАБИЛИТИРОВАННЫЕ: Н. Д. КОНДРАТЬЕВ, Л. Н. ЮРОВСКИЙ

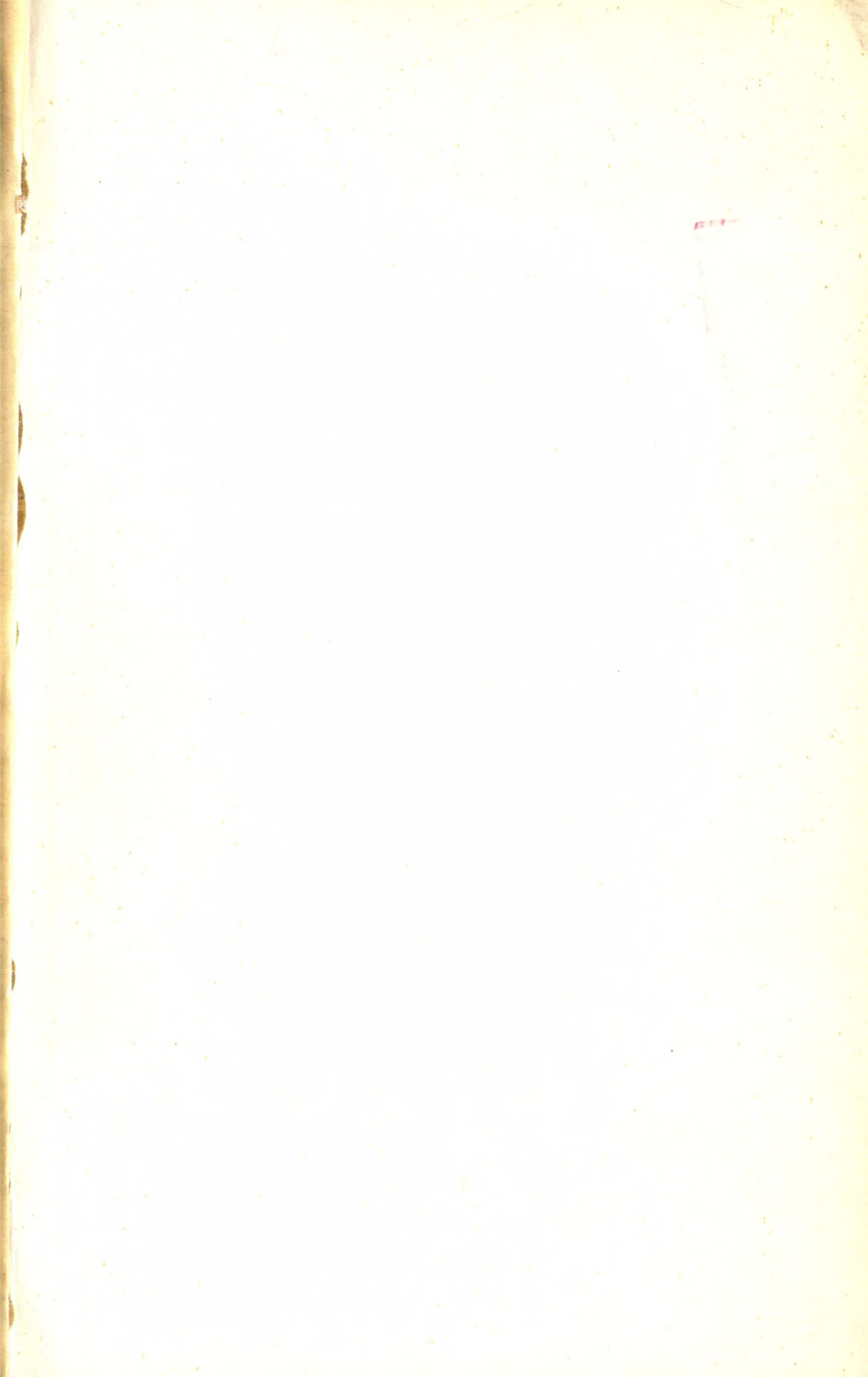
Зав. редакцией **Е. А. Хмелинина**
Редактор **Л. А. Емельянова**
Мл. редактор **Т. В. Бушагина**
Худож. редактор **Ю. И. Артюхов**
Техн. редактор **И. В. Юдинцева**
Корректоры **Г. А. Башарина, Н. А. Поэгле**
Обложка художника **Б. С. Вехтера**

ИБ № 2613

Сдано в набор 21.05.91. Подписано в печать 28.08.91. Формат 84×108 1/32. Бум. писчая № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Усл. п. л. 11,76. Усл. кр.-отт. 11,97. Уч.-изд. л. 11,39. Тираж 10 000 экз. Заказ 3009. Цена 2 р. 80 к.

Издательство «Финансы и статистика», 101000, Москва, ул. Чернышевского, 7.

Областная типография управления печати и массовой информации Ивановского облисполкома, 153628, г. Иваново, ул. Типографская, 6.

2 р. 80 к.